СОДЕРЖАНИЕ

Том 42, № 2, 2021

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

Связь черт личности, культурных ценностей и коннективности дефолт-системы мозга с оценкой себя и других людей

Г. Г. Князев, *А. В. Бочаров*, *А. Н. Савостьянов*, *Е. А. Левин* 5

Современные исследования мудрости: состояние и перспективы

Е. А. Никитина 15

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

Особенности речемыслительной деятельности детей монолингвов и естественных билингвов

В. Ю. Хотинец, *Д. С. Медведева* 25

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Психологическая концепция отношений В. Н. Мясищева: учение о неврозах и психотерапия

Г. Л. Исурина, *Э. Б. Карпова*, *А. Л. Журавлев* 36

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

Различия мозгового обеспечения решения аналитических и холистических задач

В. В. Апанович, *Э. А. Арамян*, *М. С. Дольникова*, *Ю. И. Александров* 45

Факторы эффекта Барнума: анализ и перспективы

А. С. Гайдай 61

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Маскулинность лица: морфология и восприятие

А. А. Мезенцева, *М. Л. Бутовская*, *К. И. Ананьева*, *А. А. Демидов* 71

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

Августа Викторовна Ярмоленко — видная представительница петербургской психологической школы

Н. А. Логинова 82

Направления и проблемы развития отечественной психологии в послевоенные годы (по материалам конференции в Ленинградском университете 1947 г.)

А. Л. Журавлев, *Л. Г. Почебут* 88

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

Связь эмоционально значимой информации и особенностей пространственного восприятия городских объектов на карте

О. С. Рубцова, *А. А. Феоктистова*, *Ю. А. Марков*, *Е. С. Горбунова* 98

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

Проблемы психологии деятельности и ее субъекта в творчестве Е. А. Климова (к 90-летию со дня рождения)
О. Г. Носкова 106

ДИСКУССИЯ

Социальное прогнозирование: от форсайта к методологии анализа социально-психологических последствий внедрения новых технологий
В. А. Мазилов, *Ю. Н. Слепко* 115

Технологические инновации в процессе развития социума: от плюсов и минусов к консенсусу
Т. А. Жалагина 122

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

II Международная конференция по консультативной психологии и психотерапии памяти Ф. Е. Василюка
Т. Д. Карягина, *Н. В. Кисельникова*, *А. Н. Молостова*, *Е. В. Шерягина* 127

Субъект деятельности в условиях перехода к цифровому миру (по материалам Международной научно-практической конференции “Актуальные проблемы практической и прикладной психологии в современной социокультурной ситуации”)
О. В. Кожевникова, *В. Ю. Хотинец* 131

VI Всероссийская научно-практическая конференция “В. М. Бехтерев и современная психология личности”
И. Р. Абитов, *Л. М. Попов* 135

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА РАН

О присуждении премии имени С. Л. Рубинштейна 2020 г. 139

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

Татьяна Петровна Емельянова 140

* * *

Чернышев Алексей Сергеевич 142

Гринченко Юрий Васильевич 144

CONTENTS

Vol. 42, No. 2, 2021

PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

The association of personality and culture with DMN connectivity during self- and other-referential processing
G. G. Knyazev, A. V. Bocharov, A. N. Savostyanov, E. A. Levin 5

Modern research of wisdom: state and prospects
E. A. Nikitina 15

DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY

Peculiarities of speech-thinking activity in children with monolingualism and natural bilingualism
V. Yu. Khotinets, D. S. Medvedeva 25

CLINICAL PSYCHOLOGY

Psychological concept of relations of V. N. Myasishchev: the doctrine of neuroses and psychotherapy
G. L. Isurina, E. B. Karpova, A. L. Zhuravlev 36

PSYCHOPHYSIOLOGY

Differences in brain support for solving analytical and holistic problems
V. V. Apanovich, E. A. Aramyan, M. S. Dol'nikova, Yu. I. Aleksandrov 45

Factors of the Barnum effect: analysis and prospects
A. S. Gaidai 61

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

Facial masculinity: morphology and its perception
A. A. Mezentseva, M. L. Butovskaya, K. I. Ananyeva, A. A. Demidov 71

HISTORY OF PSYCHOLOGY

Avgusta Viktorovna Yarmolenko — major representative of petersburg psychological school
N. A. Loginova 82

Directions and problems for the development of domestic psychology in the post-war years (according to the materials of the conference at the Leningrad university in 1947)
A. L. Zhuravlev, L. G. Pochebut 88

SHORT MESSAGES

The impact of emotionally significant information on the features of the spatial perception of urban objects on the map
O. S. Rubtsova, A. A. Feoktistova, Y. A. Markov, E. S. Gorbunova 98

MEMORABLE DATES

Problems of the psychology of activity and its subject in the works of E. A. Klimov (to the 90th anniversary of the birth)
O. G. Noskova 106

DISCUSSIONS

Social forecasting: from foresight to methodology of analysis of social and psychological consequences of the implementation of new technologies
V. A. Mazilov, *Iu. N. Slepko* 115

Technological innovation in the process of social development: from pros and cons to consensus
T. A. Zhalagina 122

SCIENTIFIC LIFE

II International conference on consultative psychology and psychotherapy in memory of F. E. Vasilyuk
T. D. Karyagina, *N. V. Kiselnikova*, *A. N. Molostova*, *E. V. Sheryagina* 127

The subject of activity in situation of transition to digital world (based on the materials of International scientific and practical conference “Actual problems of practical and applied psychology in the current socio-cultural situation”)
O. V. Kozhevnikova, *V. Yu. Khotinets* 131

VI All-Russian scientific and practical conference “V. M. Bekhterev and modern psychology of personality”
I. R. Abitov, *L. M. Popov* 135

DECREE OF THE PRESIDIUM OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

The awarding of the premium named after S. L. Rubinstein in 2020 139

OUR JUBILEES

Tatiana Petrovna Emelyanova 140

* * *

Chernyshev Alexey Sergeevich 142

Grinchenko Yuri Vasilievich 144

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 5–14

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.91

СВЯЗЬ ЧЕРТ ЛИЧНОСТИ, КУЛЬТУРНЫХ ЦЕННОСТЕЙ И КОННЕКТИВНОСТИ ДЕФОЛТ-СИСТЕМЫ МОЗГА С ОЦЕНКОЙ СЕБЯ И ДРУГИХ ЛЮДЕЙ[1]

© 2021 г. Г. Г. Князев[1,*], А. В. Бочаров[1,2,], А. Н. Савостьянов[1,2,***], Е. А. Левин[3,****]**

[1]Федеральное государственное бюджетное научное учреждение "Научно-исследовательский институт нейронаук и медицины"; 630117, г. Новосибирск, ул. Тимакова, д. 4, Россия.

[2] Новосибирский национальный исследовательский государственный университет; 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, д. 2, Россия.

[3]ФГБУ Национальный медицинский исследовательский центр им. акад. Е.Н. Мешалкина Минздрава РФ; 630055, г. Новосибирск, ул. Речкуновская, д. 15, Россия.

[*]Доктор биологических наук, заведующий лабораторией дифференциальной психофизиологии. E-mail: knyazev@physiol.ru

[**]Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник. E-mail: bocharov@physiol.ru

[***]Доктор философских наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник. E-mail: alexander.savostyanov@gmail.com

[****]Кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра ангионеврологии и нейрохирургии. E-mail: e.a.levin@gmail.com

Поступила 11.03.2020

Аннотация. Исследование посвящено выявлению взаимосвязи черт личности и культурных ценностей с оценкой себя и других людей и участия в этих процессах дефолт-системы мозга (DMN). На основе данных ЭЭГ выявлялись паттерны коннективности DMN при оценивании себя и других людей и исследовалась взаимосвязь с личностными и культурными переменными. Выявлено, что при оценивании себя у лиц с высокой дружелюбностью, интеллектом и эмоциональным интеллектом коннективность DMN оказалась меньше, а у лиц с высоким нейротизмом и коллективизмом — больше, чем при оценивании других людей. Это позволяет предположить, что по сравнению с оценкой других людей самооценка в первом случае требует меньше, а во втором, наоборот, больше когнитивных ресурсов. Эти данные дают возможность по-новому взглянуть на связанные с личностью и культурными стереотипами особенности поведения в процессе социальных взаимодействий.

Ключевые слова: личность, культурные ценности, социальное сознание, дефолт система, ЭЭГ, альфа-осцилляции, коннективность.

DOI: 10.31857/S020595920014200-6

В последние годы в социальной психологии наметилась отчетливая тенденция к все более широкому использованию идей и данных естественных наук. Возникшие на стыке этих дисциплин науки, такие как социальная нейронаука, в значительной степени революционизировали наши представления о причинах, механизмах и последствиях многих форм социального поведения [7]. Одно из открытий последних лет, значение которого до сих пор не до конца осознано социальными психологами, это открытие так называемой дефолт-системы мозга (default mode network, DMN). Концепция DMN была впервые сформулирована в 2001 г. [30]. К этому времени было накоплено немало данных, показывающих, что в некоторых структурах мозга при выполнении большинства заданий уровень метаболической активности не увеличивается, а снижается. Рэйчл (Raichle) с соавторами [30] обобщили эти данные и провели собственные исследования,

[1] Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) (проект № 20-013-00404, проведение исследования; проект № 18-29-13027, подготовка статьи) и за счет средств федерального бюджета на проведение фундаментальных научных исследований (тема № АААА-А21-121011990039-2, разработка методов анализа данных).

на основе которых сформулировали концепцию DMN. Согласно этой концепции, области мозга, входящие в DMN, участвуют в мыслительных процессах, протекающих в периоды относительного покоя, когда мозг не занят переработкой поступающей извне информации и организацией оперативного поведения. Эмпирические данные показывают, что набор структур, в которых при выполнении широкого спектра задач наблюдается деактивация, достаточно постоянен. В него входят медиальная префронтальная кора, задняя поясная извилина, преклиновидная и медиальная, латеральная и нижняя части теменной коры [30]. Это постоянство заставляет предположить, что спонтанные мыслительные процессы, несмотря на их разнообразие, имеют некую общую основу. Это предположение получило дополнительную поддержку в работах, анализировавших временную динамику активности DMN. Оказалось, что активность входящих в DMN структур коррелируют во времени. Так, при анализе методом независимых компонент входящие в DMN структуры отчетливо объединяются в один компонент [18]. Это подтверждает, что DMN является системой взаимосвязанных нейронных сетей объединенных, вероятно, единой функцией. В чем же состоит эта функция и какова та общая основа, которая объединяет все разнообразие спонтанной мыслительной деятельности человека? К счастью, оказалось, что не на все экспериментальные задания DMN отвечает деактивацией. Если испытуемый вспоминает о важных событиях своей жизни, или думает о том, что его/ее ожидает в будущем, или размышляет о своих отношениях с другими людьми, в структурах DMN наблюдается активация [26]. Эти данные позволили предположить, что одной из функций DMN является социальное сознание. “Предоставленный самому себе человеческий мозг естественным образом включается в размышления о социальных отношениях” [26]. В соответствии с этой гипотезой были выявлены отклонения в активности DMN у лиц с аутизмом и социальной фобией [16].

Не вызывает сомнения, что личность вносит существенный вклад в процессы социального сознания. Все пять факторов так называемой “Большой пятерки” так или иначе связаны с индивидуальными различиями в социальном поведении [29]. Экстраверсия сочетается с большим количеством социальных связей и большим уровнем получаемой социальной поддержки [29]. Экстраверты чаще выбирают позитивные варианты социальных взаимодействий, в то время как эмоционально нестабильные испытуемые выбирают их реже и чаще стремятся уклониться от контакта [15]. Нейротизм предрасполагает к повышенной фокусировке на собственном “Я” [27] и, соответственно, к большей чувствительности к связанным с собственным образом стимулам [23].

Связь культурных ценностей с социальным сознанием была выпукло представлена в знаменитой работе Маркуса и Китаямы [24], которая с тех пор была процитирована более 20 тыс. раз и явилась поворотным пунктом в развитии психологии культуры. Наиболее влиятельной описательной моделью культуры является пяти- (или шести- в последней версии) факторная модель Хофстеде [19]. Из пяти факторов Хофстеде наиболее изученным и имеющим наиболее прямое отношение к теме социальных взаимодействий является фактор индивидуализма/коллективизма. В индивидуалистических культурах ценятся индивидуальная напористость и доминантность, а в коллективистских — следование правилам и подчинение авторитету. Показано, например, что у американцев области мозга, реагирующие на положительные стимулы, активировались при восприятии изображений доминантных фигур, а у японцев — подчиненных [15]. Обнаружены также интересные различия в плане различения “Я” и “другие”. У представителей индивидуалистской культуры (США) мысли о себе сопровождались большей активацией медиальной префронтальной коры, чем мысли о других людях, включая близких родственников [20]. У представителей же коллективистской культуры (Китай) одна и та же область медиальной префронтальной коры одинаково активировалась при мыслях о себе и своей матери [28]. Мы провели подобное исследование, сравнивая паттерны активации DMN на основе ЭЭГ данных у русских и китайцев. В соответствии с приведенными выше данными, спонтанные мысли о социальном окружении были связаны с активностью переднего центра DMN (медиальная префронтальная кора) у китайцев. У русских, однако, они были связаны с активностью заднего центра DMN, центрированного в задней части поясной извилины [22]. Сравнение представителей разных культур дает важную информацию о влиянии культурных ценностей на социальное сознание и связанную с ним активность мозга, однако оно не учитывает наличие индивидуальных различий в степени приятия/неприятия доминирующих культурных ценностей отдельными людьми [24]. Это особенно важно для такой страны, как Россия, культура которой представляет смесь западных и восточных ценностей. По классификации Хофстеде, Россия отнесена к коллективистским странам [19], однако исследования показывают, что российский коллективизм качественно отличается от восточного конфуцианского

коллективизма, который главным приоритетом ставит гармонию внутригрупповых отношений. По данным Михеева [25], русские меньше озабочены внутригрупповой гармонией и больше стремятся занять доминирующую позицию в группе. Конкуренция — важная часть русской ментальности [5; 13], и русские придают большое значение как подчинению, так и самоопределению — крайне необычное сочетание коллективистских и индивидуалистических тенденций [25]. Нами показано, что в России коллективистская ориентация является фактором риска для депрессии, увеличивая тенденцию подавлять (не показывать) вызванные стрессом отрицательные эмоции [21]. Это находится в остром противоречии с восточноазиатскими странами, где коллективизм, наоборот, защищает от депрессии [8].

Несмотря на большой и стремительно увеличивающийся объем информации о функциях DMN и ее участии в процессах самосознания и социального сознания, практически отсутствуют данные об индивидуальных различиях в ее активности, связанных с личностью и культурными стереотипами. Задачей данной работы было выявление влияния личности и культурных ценностей на оценку себя и других людей и на участие в этих процессах DMN.

МЕТОДИКА

В исследовании приняли участие 41 человек (20 мужчин, средний возраст — 23.4, $SD = 6.6$) — студенты и преподаватели Новосибирского государственного университета (НГУ). Протокол исследования был утвержден этическим комитетом Института физиологии и фундаментальной медицины. Эксперимент состоял из предъявления испытуемым на экране монитора прилагательных, описывающих личностные или другие характеристики. Предлагалось оценить, в какой степени эти характеристики свойственны самому испытуемому или другим людям. Нами были составлены списки прилагательных русского языка, в среднем не отличающихся по длине и количеству гласных для разных сравниваемых категорий. Прилагательные были подобраны таким образом, чтобы оценивать качества, желательные, нежелательные и нейтральные; количество слов во всех категориях было сбалансировано. Некоторые прилагательные были взяты из личностных опросников и описывали свойства личности, другие описывали физические характеристики. Составленный список прилагательных был протестирован группой экспертов (студенты и преподаватели гуманитарного факультета НГУ), каждое прилагательное было оценено в плане знака и силы эмоций, которые оно вызывает. Предлагалось четыре объекта оценивания: Я, близкий человек, нейтральный человек и неприятный человек. В начале эксперимента испытуемых просили подумать и выбрать представителей каждой категории. Потом предлагали оценить по шкале от –5 до +5 эмоции, которые вызывает каждый из выбранных объектов. Дальнейший эксперимент состоял из четырех блоков, которые у разных испытуемых чередовались в случайном порядке. В начале каждого блока на экране монитора появлялась надпись, сообщающая, кого из выбранных объектов предстоит оценивать, и предлагалось в течение двух минут вспомнить этого человека и подумать о его/ее качествах. Затем на экране монитора в случайном порядке предъявлялись прилагательные из списка, и испытуемый должен был выбрать один из вариантов: “да” или “нет”, нажимая правой рукой соответствующую клавишу на клавиатуре. В течение всего блока в верхней части экрана показывалось напоминание, кто в данном блоке оценивается.

ЭЭГ записывалась с помощью установки Brain Products (Германия) с использованием стандартной шапочки с 124 электродами, расположенными по системе 10–5, при частоте оцифровки 1000 Гц. В качестве референта использовали Cz. Индивидуальная позиция каждого электрода определялась с помощью дигитайзера FASTRAK (Polhemus, Канада). Артефакты удалялись с помощью анализа независимых компонент в программе EEGlab [11], и данные пересчитывались на усредненный референт. Далее данные были отфильтрованы в диапазоне альфа-ритма (8–12 Гц). Этот диапазон был выбран на основе большого количества данных, показывающих, что ЭЭГ-корреляты процессов самосознания и социального сознания наиболее устойчиво выявляются именно в альфа-диапазоне. Локализация источников осуществлялась методом формирователя пучка (beamformer). Далее проводилась коррекция утечки сигнала методом ортогонализации. После коррекции к временным рядам было применено преобразование Гилберта, позволяющее получить огибающую сигнала, которая потом и использовалась для расчета корреляций. В качестве “семени” при расчете коннективности брали четыре точки, расположенные в центрах дефолт-системы, — медиальная префронтальная кора (–1, 49, –2), задняя часть поясной извилины (–5, –53, 41) и левая (–45, –71, 35) и правая (45, –71, 35) латеральная париетальная кора. Координаты этих точек взяли из опубликованных фМРТ-исследований [9; 14]. Полученные карты коннективности переводили в NIFTI-формат; статистический анализ

проводили в пакете SPM-12 с использованием факторного дизайна с двумя within-subject факторами — объект (пять уровней) и семя (четыре уровня). Достоверность эффектов оценивали с помощью двойного порога — на уровне вокселя ($p < 0.001$) и на уровне кластера (FWE-corrected $p < 0.001$). Главный эффект фактора "семя" в данном случае не представлял интереса. Представляли интерес только эффекты фактора "объект".

Помимо участия в эксперименте все испытуемые заполняли пакет опросников. Для измерения личности в рамках пятифакторной модели был использован опросник Л. Голдберга «Маркеры факторов "Большой пятерки"» (Big Five Factor Markers) (http://ipip.ori.org/newItemTranslations.htm) [2]. Для оценки фасетов экстраверсии и нейротизма использовали личностный профиль по Айзенку [12]. Кроме того, мы использовали опросники для измерения личностной тревожности (State Trait Anxiety Inventory) [4; 33] и агрессивности (Agression Scale) [6]. Эмоциональный интеллект измерялся с помощью опросника Барчард, переведенного и валидизированного нами [3]. Для оценки выраженности индивидуалистических и коллективистских тенденций были использованы два опросника. Первый — это известный опросник Сингелиса (Self Construal Scale) [32] "Коллективная и независимая Я-концепция". Второй измеряет аффилиативные тенденции избирательно к ближайшим родственникам или любимому человеку (RISC, The Relational-Interdependent Self-Construal) [10]. Оба опросника переведены и валидизированы нами [1].

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ поведенческих данных. Средние (SD) оценки, выставленные выбранным объектам в начале эксперимента, составляли: "близкий" — 4.4 (0.7), "незнакомый" — 1.2 (0.9), "неприятный" — –2.7 (1.4). Дисперсионный анализ показал высокую достоверность главного эффекта фактора "объект", и последующие попарные сравнения с помощью Т-теста для связанных выборок показали, что все различия были достоверны на уровне $p < 0.001$. Расчет корреляций с личностными переменными показал, что близким более высокие оценки ставили испытуемые с высокими оценками по шкалам RISC ($r = 0.33$, $p = 0.036$) и эмоционального интеллекта ($r = 0.42$, $p = 0.007$), незнакомцам более высокие оценки ставили испытуемые с высокой экстраверсией ($r = 0.34$, $p = 0.031$), а неприятелям более высокие оценки ставили испытуемые с высоким нейротизмом ($r = 0.32$, $p = 0.040$).

Далее использовали дисперсионный анализ для повторных измерений для выявления эффекта факторов "объект" (Я, близкий, нейтральный, неприятный) и "оценка" (отрицательная, нейтральная, положительная). Факторы "объект" и "оценка" достоверно взаимодействовали друг с другом [$F(6, 240) = 95.9$, $p < 0.001$]. Как показано на рис. 1, для оценки неприятного человека участники исследования чаще выбирали негативные прилагательные, а для всех остальных — позитивные. Интересно, что взаимодействие факторов оставалось достоверным, даже если категорию "неприятный" убирали из анализа [$F(4, 160) = 10.6$, $p < 0.001$]. Из рис. 1 видно, что наиболее положительно оценивали близкого человека, а себя — не более положительно, чем незнакомца. При попарных сравнениях Я-близкий и Я-незнакомец достоверное взаимодействие факторов наблюдалось в первом [$F(2, 80) = 34.7$, $p < 0.001$], но не во втором [$F(2, 80) = 0.7$, $p = 0.506$] случае.

При анализе эффектов личностных переменных обнаружено достоверное взаимодействие экстраверсии [$F(6, 234) = 3.2$, $p = 0.005$] и особенно ее фасета активности [$F(6, 234) = 4.5$, $p < 0.001$] с факторами объекта и оценки. Взаимодействие активности и оценки было достоверным только для объекта "Я" [$F(2, 78) = 8.7$, $p < 0.001$]. Как видно из рис. 2, экстраверты чаще выбирали для описания собственной персоны позитивные и реже негативные прилагательные.

Достоверные эффекты были обнаружены также для нейротизма и особенно для его фасета тревожности [$F(6, 234) = 4.1$, $p = 0.001$] и неполноценности

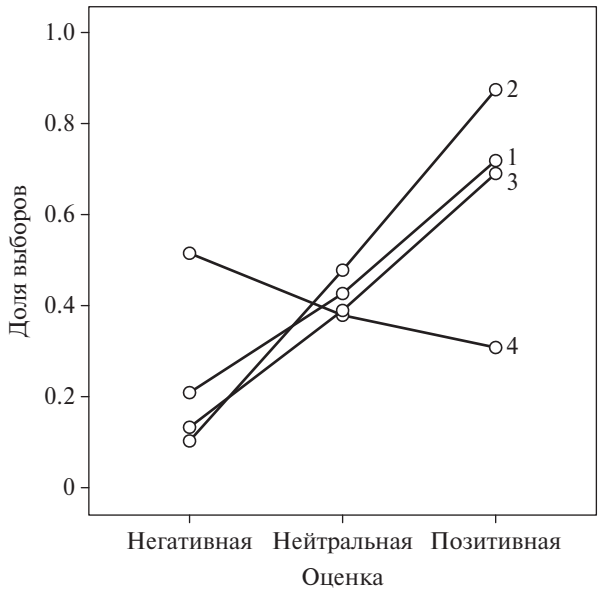


Рис. 1. Взаимодействие факторов объекта и оценки. Объекты: 1 — Я; 2 — любимый; 3 — незнакомый; 4 — неприятный

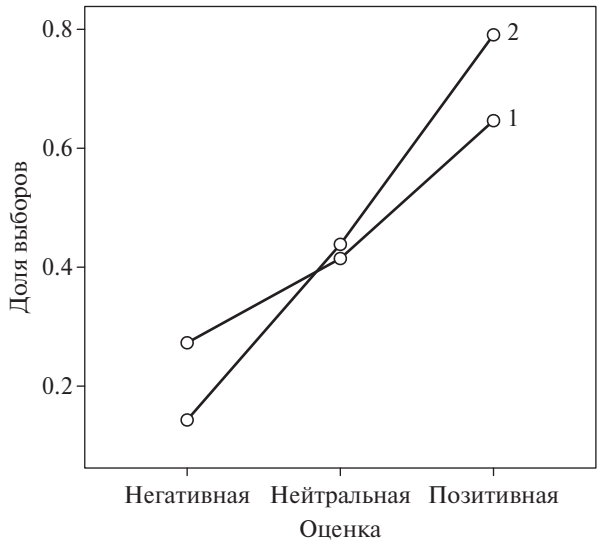


Рис. 2. Влияние фасета экстраверсии (активность) на самооценку. Активность: 1 — ниже медианы; 2 — выше медианы

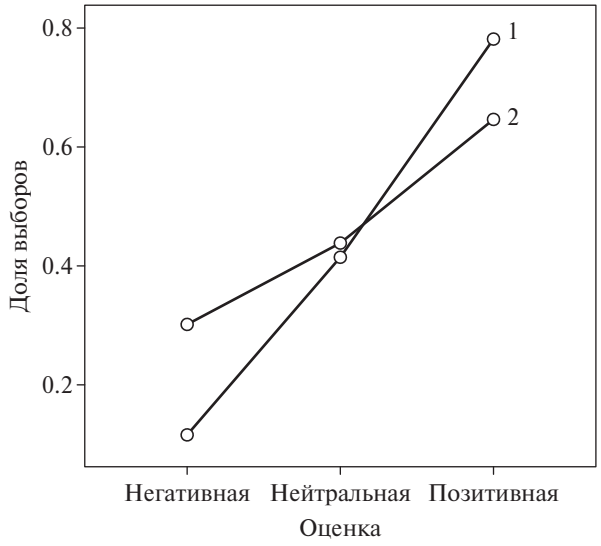


Рис. 3. Влияние личностной тревожности на самооценку. Тревожность: 1 — ниже медианы; 2 — выше медианы

[$F(6, 234) = 4.0$, $p = 0.001$]. Тревожность взаимодействовала с оценкой для объекта "Я" [$F(2, 38) = 38.0$, $p = 0.001$], но не для трех других объектов. Как видно из рис. 3, тревожные испытуемые чаще выбирали для описания собственной персоны негативные и реже позитивные прилагательные. Эффект неполноценности был аналогичен по содержанию эффекту тревожности.

Доброжелательность "Большой пятерки" взаимодействовала с фактором оценки [$F(2, 78) = 6.1$, $p = 0.003$]. Независимо от объекта доброжелательные испытуемые чаще ставили положительные оценки. Такой же эффект выявлен для шкалы положительной экспрессивности эмоционального интеллекта [$F(2, 78) = 6.2$, $p = 0.003$].

Обнаружено достоверное взаимодействие враждебности из опросника Басса и Перри с факторами оценки [$F(2, 78) = 7.1$, $p = 0.001$] и объекта и оценки [$F(6, 234) = 2.6$, $p = 0.018$]. Испытуемые с высокими оценками враждебности в целом чаще выбирали негативные прилагательные, и этот эффект был сильнее всего при оценке собственной персоны [$F(2, 78) = 14.4$, $p < 0.001$].

Такой же анализ был проведен с использованием времени реакции в качестве зависимой переменной. Достоверный главный эффект фактора "объект" [$F(3, 120) = 7.7$, $p < 0.001$] показывал, что испытуемые меньше думали, оценивая любимого человека ($\overline{X} = 1291$, SD = 678) и себя ($\overline{X} = 1400$, $SD = 604$), чем оценивая незнакомца ($\overline{X} = 1543$, $SD = 750$) и неприятного человека ($\overline{X} = 1650$, $SD = 850$). Достоверных эффектов психометрических переменных на время реакции выявлено не было.

Анализ ЭЭГ-данных. При анализе эффектов личностных переменных на показатели коннективности дефолт-системы в процессе оценивания выявлен достоверный эффект нейротизма [–27, –82, 39, $T(1, 604) = 3.1$, $k = 107\,828$, FWE-corrected $p = 0.004$]. При высоких оценках нейротизма связь дефолт-системы с париетальными областями коры была больше при оценивании себя и близкого человека, чем при оценивании незнакомца и неприятного человека (рис. 4).

Эффект дружелюбности из "Большой пятерки" [–35, –12, 53, $T(1, 604) = 2.6$, $k = 85\,963$, FWE-corrected $p = 0.012$] состоял в том, что при высокой дружелюбности связь дефолт-системы с центральными и фронтальными областями коры была больше при оценивании неприятного человека, чем при оценивании всех остальных объектов.

Выявлен также достоверный эффект интеллекта из "Большой пятерки" [1, 60, 13, $T(1, 604) = 3.4$, $k = 145\,138$, FWE-corrected $p < 0.001$]. При высоком интеллекте связь дефолт-системы с медиальной фронтальной корой была больше при оценке незнакомого и неприятного человека, чем при оценке себя и близкого человека (рис. 5).

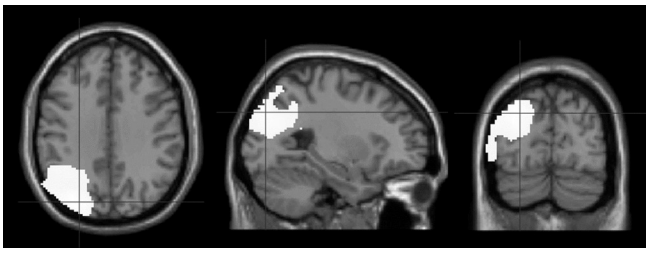


Рис. 4. Эффект нейротизма на коннективность дефолт-системы в процессе оценивания разных объектов. Контраст "Я" и "близкий" > "незнакомый" и "неприятный человек"

Рис. 5. Эффект интеллекта “Большой пятерки” на коннективность дефолт системы в процессе оценивания разных объектов. Контраст “Я” и “близкий” < “незнакомый” и “неприятный человек”

Эффект эмоционального интеллекта [–3, 66, 11, $T(1, 604) = 2.7$, $k = 84\,212$, FWE-corrected $p = 0.014$] состоял в том, что при высоком эмоциональном интеллекте связь дефолт-системы с медиальной фронтальной корой была больше при оценке близкого, незнакомого и неприятного человека, чем при оценке себя.

У испытуемых с высокими оценками по шкале аффилиации с родственниками и друзьями (шкала RISC) при оценке незнакомого и неприятного человека была увеличена сила связи дефолт-системы с левой прецентральной извилиной [–23, –14, 61, $T(1, 604) = 3.11$, $k = 30\,697$, FWE-corrected $p = 0.002$].

Для шкалы коллективизма достоверный эффект [61, –54, –19, $T(1, 604) = 3.11$, $k = 30\,697$, FWE-corrected p=0.002] состоял в том, что у лиц с высоким коллективизмом связь дефолт-системы с правой височной корой была больше при оценке себя, чем при оценке всех остальных объектов.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Поведенческие данные. Оценки, выставленные выбранным объектам в начале эксперимента, подтверждают, что испытуемые правильно поняли задание и выбрали соответствующие объекты для оценивания. Корреляции этих оценок с личностными переменными согласуются со смыслом соответствующих личностных конструктов. Действительно шкала RISC разрабатывалась с целью устанавливать тесные связи с ближайшими родственниками и друзьями [10]. Не удивительно поэтому, что испытуемые с высокими оценками по этой шкале видят близкого человека в более положительном свете, чем испытуемые с низкими оценками. То же можно сказать про испытуемых с высоким эмоциональным интеллектом, который предполагает в числе прочего способность устанавливать тесные эмоциональные связи с близкими людьми [31]. Более положительное оценивание незнакомых людей экстравертами хорошо согласуется с сутью этого личностного фактора, предрасполагающего к установлению большого количества поверхностных связей с малознакомыми людьми. Наконец, более положительное оценивание неприятных людей испытуемыми с высоким нейротизмом можно интерпретировать либо как стремление уклониться от прямого противостояния, либо как проявление неуверенности в себе в силу низкой самооценки. В целом такой “ожидаемый” паттерн результатов можно считать подтверждением экологической валидности экспериментальной модели.

Такой же общий паттерн просматривается и в процессе оценивания выбранных объектов. Как и следует ожидать, неприятный объект в среднем получает максимальные негативные и минимальные позитивные оценки, а любимый — наоборот, максимальные позитивные и минимальные негативные. Интересно, что “Я” в среднем оценивается ниже, чем любимый человек, и оценки “Я” не отличаются от оценок незнакомца. Можно думать, что это отражает достаточно высокий уровень самокритики в выборке молодых и образованных людей.

Интересно, что влияние экстраверсии и нейротизма на результаты оценивания проявлялось исключительно для объекта “Я”. Это влияние также согласуются со смыслом этих двух личностных конструктов. Действительно высокая самооценка свойственна экстравертам, в то время как низкая самооценка является одним из фасетов нейротизма [12]. В соответствии с этим экстраверты чаще выбирали для описания собственной персоны позитивные прилагательные, а испытуемые с высокими оценками нейротизма — негативные. Эффекты доброжелательности и враждебности проявлялись для всех оцениваемых объектов. Доброжелательные испытуемые всем ставили более высокие, а враждебные — более низкие оценки. Следует отметить, однако, что испытуемые с высокой враждебностью ниже всего оценивали себя.

ЭЭГ-данные. Дополнительные ключи к пониманию эффектов личностных переменных можно извлечь из анализа ЭЭГ-данных. При интерпретации этих данных мы исходим из того, что большая сила связей между определенными областями мозга является свидетельством большего их включения в процесс, что, в соответствии с теорией нейрональной эффективности, обычно интерпретируется как свидетельство большей субъективной трудности задачи.

Можно поэтому думать, что лицам с высоким нейротизмом труднее оценивать себя и любимого человека, чем незнакомца и неприятного человека. Это можно понять исходя из того, что нейротизм

сочетает повышенный фокус на собственном “Я” с низкой самооценкой [27]. Нужно подчеркнуть, что эффект в этом случае выявлен в париетальной коре, входящей в DMN. То есть фактически при оценивании себя и близкого человека у лиц с высоким нейротизмом увеличивалась коннективность внутри дефолт-системы, что соответствует представлениям о функциях этой сети [29].

Дружелюбным испытуемым, судя по нашим данным, труднее всего было оценивать неприятного человека, что свидетельствует, вероятно, о смутном представлении образа неприятного человека у дружелюбных людей. Фронтальные области, с которыми при этом усиливалась связь DMN, участвуют в механизмах рабочей памяти. Можно думать, что оценивание неприятного человека потребовало у дружелюбных людей привлечения дополнительных когнитивных ресурсов. Схожий эффект выявлен у испытуемых с высокими оценками по шкалам интеллекта из “Большой пятерки” и эмоционального интеллекта. Оценивание других людей у этих испытуемых требовало большего вовлечения медиальной префронтальной коры, основной функцией которой является моделирование отношений с другими людьми [17].

Для испытуемых с высокими оценками по шкале RISC оценка незнакомого и неприятного человека также требовала привлечения бóльших ресурсов. В противоположность этому у лиц с высоким коллективизмом связь дефолт-системы с правой височной корой была больше при оценке себя, чем при оценке всех остальных объектов, что согласуется с данными о размытости собственного образа у людей с высоким коллективизмом в силу тенденции отождествлять себя с другими представителями своей группы [25].

Таким образом, полученные в этом исследовании данные впервые показывают влияние личности и культурных ценностей на активность DMN в процессе оценивания себя и других людей. Результаты в целом согласуются с хорошо известными особенностями изученных личностных и культуральных конструктов и позволяют увидеть, как эти особенности проявляются на уровне активности мозга.

ВЫВОДЫ

1. При описании собственной персоны экстраверты чаще выбирают позитивные и реже негативные оценки, а лица с высоким нейротизмом, наоборот, чаще выбирают негативные и реже позитивные оценки.

2. При описании себя и других людей лица с высокой доброжелательностью чаще выбирают позитивные, а лица с высокой враждебностью — негативные оценки.

3. У лиц с высоким нейротизмом и коллективизмом связь дефолт-системы с париетальной и височной корой больше при оценивании себя, чем при оценивании других людей.

4. При высокой дружелюбности, интеллекте и эмоциональном интеллекте сила связи дефолт-системы с фронтальными областями коры, наоборот, больше при оценивании других людей, чем при оценивании себя.

5. Эти данные позволяют предположить, что у лиц с высокой дружелюбностью, интеллектом и эмоциональным интеллектом самооценка требует меньше когнитивных ресурсов, чем оценка других людей, а лицам с высоким нейротизмом и коллективизмом, наоборот, себя оценивать труднее, чем других людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Дорошева Е.А.*, *Князев Г.Г.*, *Корниенко О.С.* Валидизация русскоязычных версий двух опросников Я-концепции // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 3. С. 99–112.
2. *Князев Г.Г.*, *Митрофанова Л.Г.*, *Бочаров А.В.* Валидизация русскоязычной версии опросника Л. Голдберга “Маркеры факторов “Большой пятерки”” // Психологический журнал. 2010. Т. 31. № 5. С. 100–110.
3. *Князев Г.Г.*, *Митрофанова Л.Г.*, *Разумникова О.М.*, *Барчард К.* Адаптация русскоязычной версии опросника эмоционального интеллекта К. Барчард // Психологический журнал. 2012. Т. 33. № 4. С. 112–120.
4. *Ханин Ю.Л.* Кросскультурные перспективы диагностики, индивидуальных различий: методологические и концептуальные проблемы // Вопросы психологии. 1989. № 4. С. 118–125.
5. *Ardichvili A.*, *Cardozo R.N.*, *Gasparishvili A.* Leadership styles and management practices of Russian entrepreneurs: Implications for transfer ability of Western HRD interventions // HRDQ. 1998. V. 9. № 2. P. 145–155.
6. *Buss A.H.*, *Perry M.* The aggression questionnaire // Journ. Pers. Soc. Psychol. 1992. V. 63. № 3. P. 452.
7. *Buss D.M.* The handbook of evolutionary psychology. John Wiley and Sons, 2005.
8. *Cheung R.Y.M.*, *Park I.J.K.* Anger suppression, interdependent self-construal, and depression among Asian-American and European-American college students // Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. 2010. V. 16. № 4. P. 517.

9. *Corbetta M.*, *Shulman G.L.* Control of goal-directed and stimulus-driven attention in the brain // Nat. Rev. Neurosci. 2002. V. 3. № 3. P. 201.

10. *Cross S.E.*, *Bacon P.L.*, *Morris M.L.* The relational-interdependent self-construal and relationships // J. Pers. Soc. Psychol. 2000. V. 78. № 4. P. 791.

11. *Delorme A.*, *Makeig S.* EEGLAB: an opensource toolbox for analysis of single-trial EEG dynamics including independent component analysis // Journ. Neurosci. Meth. 2004. V. 134. № 1. P. 9–21.

12. *Eysenck H.J.*, *Wilson G.D.*, *Jackson C.J.* The Eysenck Personality Profiler. Sydney: Cymeon, 1999.

13. *Elenkov D.S.* Differences and similarities in managerial values between US and Russian managers: An empirical study // International Studies of Management & Organization. 1997. V. 27. № 1. P. 85–106.

14. *Fox M.D.*, *Snyder A.Z.*, *Vincent J.L.*, *Corbetta M.*, *Van Essen D.C.*, *Raichle M.E.* The human brain is intrinsically organized into dynamic, anticorrelated functional networks // PNAS. 2005. V. 102. № 27. P. 9673–9678.

15. *Freeman J.B.*, *Rule N.O.*, *Adams R.B. Jr.*, *Ambady N.* Culture shapes a mesolimbic response to signals of dominance and subordination that associates with behavior // Neuroimage. 2009. V. 47. № 1. P. 353–359.

16. *Gentili C.*, *Ricciardi E.*, *Gobbini M.I.*, *Santarelli M.F.*, *Haxbye J.V.*, *Pietrini P.*, *Guazzelli M.* Beyond amygdala: default mode network activity differs between patients with social phobia and healthy controls // Brain Res. Bull. 2009. V. 79. № 6. P. 409–413.

17. *Han S.*, *Northoff G.* Understanding the self: a cultural neuroscience approach // Prog. Brain Res. 2009. V. 178. P. 203–212.

18. *Harrison B.J.*, *Pujol J.*, *Lopez-Sola M.*, *Hernandez-Ribas R.*, *Deus J.*, *Ortiz H.*, *Soriano-Mas C.*, *Yucel M.*, *Pantelis C.*, *Cardoner N.* Consistency and functional specialization in the default mode brain network // PNAS. 2008. V. 105. № 28. P. 9781–9786.

19. *Hofstede G.* Culture's consequences: Comparing values, behaviours, institutions, and organizations across nations. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001.

20. *Kelley W.M.*, *Macrae C.N.*, *Wyland C.L.*, *Caglar S.*, *Inati S.*, *Heatherton T.F.* Finding the self? An event-related fMRI study // Jour. Cogn. Neurosci. 2002. V. 14. № 5. P. 785–794.

21. *Knyazev G.G.*, *Savostyanov A.N.*, *Bocharov A.V.*, *Brak I.V.*, *Osipov E.A.*, *Filimonova E.A.*, *Saprigyn A.E.*, *Aftanas L.I.* Task-positive and task-negative networks in major depressive disorder: A combined fMRI and EEG study // J. Affect. Disord. 2018. V. 235. P. 211–219.

22. *Knyazev G.G.*, *Savostyanov A.N.*, *Volf N.V.*, *Liou M.*, *Bocharov A.V.* EEG correlates of spontaneous self-referential thoughts: a cross-cultural study // Intern. J. Psychophy. 2012. V. 86. № 2. P. 173–181.

23. *Lemogne C.*, *Gorwood P.*, *Bergouignan L.*, *Pelissolo A.*, *Lehericy S.*, *Fossati P.* Negative affectivity, self-referential processing and the cortical midline structures // Soc. Cogn. Affect. Neurosci. 2010. V. 6. № 4. P. 426–433.

24. *Markus H.R.*, *Kitayama S.* Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation // Psychol. Rev. 1991. V. 98. № 2. P. 224.

25. *Mikheyev D.* The Soviet mentality // Political Psychology. 1987. P. 491–523.

26. *Mitchell J.P.* Mentalizing and Marr: an information processing approach to the study of social cognition // Brain Res. 2006. V. 1079. № 1. P. 66–75.

27. *Mor N.*, *Winquist J.* Self-focused attention and negative affect: a meta-analysis // Psychol. Bull. 2002. V. 128. № 4. P. 638.

28. *Ng S.H.*, *Han S.*, *Mao L.*, *Lai J.C.L.* Dynamic bicultural brains: fMRI study of the irflexible neural representation of self and significant others in response to culture primes // Asian Jour. Soc. Psychol. 2010. V. 13. № 2. P. 83–91.

29. *Ozer D.J.*, *Benet-Martinez V.* Personality and the prediction of consequential outcomes // Annu. Rev. Psychol. 2006. V. 57. P. 401–421.

30. *Raichle M.E.*, *Snyder A.Z.* A default mode of brain function: a brief history of an evolving idea // Neuroimage. 2007. V. 37. № 4. P. 1083–1090.

31. *Salovey P.*, *Mayer J.D.* Emotional intelligence: Imagination, cognition and personality / reprinted in Human Emotions / J.M. Jenkins, K. Oatley, N.L. Stein. Oxford: Blackwell Publishers, 1990. P. 313–319.

32. *Singelis T.M.* The measurement of independent and interdependent self-construals // Pers. Soc. Psychol. Bull. 1994. V. 20. № 5. P. 580–591.

33. *Spielberger C.D.*, *Gorsuch R.L.*, *Lushene R.E.* Manual for the State-Trait Anxiety Inventory. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1970.

THE ASSOCIATION OF PERSONALITY AND CULTURE WITH DMN CONNECTIVITY DURING SELF- AND OTHER-REFERENTIAL PROCESSING[2]

G. G. Knyazev[1,*], A. V. Bocharov[1,2,], A. N. Savostyanov[1,2,***], E. A. Levin[3,****]**

[1]*Federal State Budgetary Scientific Institution "Scientific Research Institute of Neurosciences and Medicine"*;
630117, Novosibirsk, Timakova str., 4, Russia.
[2]*Novosibirsk State University*;
630090, Novosibirsk, Pirogova str., 1, Russia.
[3]*E.N. Meshalkin National Medical Research Center of the Ministry of Health of the Russian Federation*;
630055, Novosibirsk, Rechkunovskaya str., 15, Russia.
[*]*ScD (Biology), Head of the Department of Laboratory of Differential Psychophysiology.*
E-mail: knyazev@physiol.ru
[**]*PhD (Biology), Senior Researcher.*
E-mail: bocharov@physiol.ru
[***]*ScD (Philosophy), PhD (Biology), Leading Researcher.*
E-mail: alexander.savostyanov@gmail.com
[****]*PhD (Biology), Senior Researcher of the Center of Angioneurology and Neurosurgery.*
E-mail: e.a.levin@gmail.com

Received 11.03.2020

Abstract. In this study, the effect of personality and cultural variables on DMN connectivity, as measured based on EEG data, was investigated during evaluation of the self and other people. In high agreeableness, intellect, and emotional intelligence scorers, DMN connectivity was lower, whereas in high neuroticism and collectivism scorers it was higher during self-evaluation, as compared to evaluation of other people. One may suggest that self-evaluation, as compared to evaluation of other people, needs less cognitive resources in the former and more resources in the latter case. This evidence sheds new light on some personality- and culture-related behavioral patterns during social interactions.

Keywords: personality, cultural values, social cognition, default mode network, EEG, alpha oscillations, connectivity.

REFERENCES

1. *Dorosheva E.A., Knyazev G.G., Kornienko O.S.* Validizaciya russkoyazychnyh versij dvuh oprosnikov ya koncepcii. Psikhologicheskii zhurnal. 2016. V. 37. № 3. P. 99–112. (In Russian)
2. *Knyazev G.G., Mitrofanova L.G., Bocharov A.V.* Validizaciya russkoyazychnoj versii oprosnika L. Goldberga «Markery faktorov "Bol'shoj pyaterki"». Psikhologicheskii zhurnal. 2010. V. 31. № 5. P. 100–110. (In Russian)
3. *Knyazev G.G., Mitrofanova L.G., Razumnikova O.M., Barchard K.* Adaptaciya russkoyazychnoj versii oprosnika emocional'nogo intellekta K. Barchard. Psikhologicheskii zhurnal. 2012. V. 33. № 4. P. 112–120. (In Russian)
4. *Hanin Yu.L.* Kross kul'turnye perspektivy diagnostiki, individual'nyh razlichij: metodologicheskie i konceptual'nye problemy. Voprosy Psihologii. 1989. № 4. P. 118–125. (In Russian)
5. *Ardichvili A., Cardozo R.N., Gasparishvili A.* Leadership styles and management practices of Russian entrepreneurs: Implications for transfer ability of Western HRD interventions. HRDQ. 1998. V. 9. № 2. P. 145–155.
6. *Buss A.H., Perry M.* The aggression questionnaire. Journ. Pers. Soc. Psychol. 1992. V. 63. № 3. P. 452.
7. *Buss D.M.* The handbook of evolutionary psychology. John Wiley and Sons, 2005.
8. *Cheung R.Y. M., Park I.J.K.* Anger suppression, interdependent self-construal, and depression among Asian-American and European-American college students. Cultural Diversity and Ethnic Minority Psychology. 2010. V. 16. № 4. P. 517.
9. *Corbetta M., Shulman G.L.* Control of goal-directed and stimulus-driven attention in the brain. Nat. Rev. Neurosci. 2002. V. 3. № 3. P. 201.

[2] This work was supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) (project No. 20-013-00404, research implementation; project No. 18-29-13027, article preparation) and at the expense of the federal budget for fundamental research (topic No. AAAA-A21-121011990039-2, development of data analysis methods).

10. *Cross S.E.*, *Bacon P.L.*, *Morris M.L.* The relational-interdependent self-construal and relationships. J. Pers. Soc. Psychol. 2000. V. 78. № 4. P. 791.

11. *Delorme A.*, *Makeig S.* EEGLAB: an opensource toolbox for analysis of single-trial EEG dynamics including independent component analysis. Journ. Neurosci. Meth. 2004. V. 134. № 1. P. 9–21.

12. *Eysenck H.J.*, *Wilson G.D.*, *Jackson C.J.* The Eysenck Personality Profiler. Sydney: Cymeon, 1999.

13. *Elenkov D.S.* Differences and similarities in managerial values between US and Russian managers: An empirical study. International Studies of Management & Organization. 1997. V. 27. № 1. P. 85–106.

14. *Fox M.D.*, *Snyder A.Z.*, *Vincent J.L.*, *Corbetta M.*, *Van Essen D.C.*, *Raichle M.E.* The human brain is intrinsically organized into dynamic, anticorrelated functional networks. PNAS. 2005. V. 102. № 27. P. 9673–9678.

15. *Freeman J.B.*, *Rule N.O.*, *Adams R.B. Jr.*, *Ambady N.* Culture shapes a mesolimbic response to signals of dominance and subordination that associates with behavior. Neuroimage. 2009. V. 47. № 1. P. 353–359.

16. *Gentili C.*, *Ricciardi E.*, *Gobbini M.I.*, *Santarelli M.F.*, *Haxbye J.V.*, *Pietrini P.*, *Guazzelli M.* Beyond amygdala: default mode network activity differs between patients with social phobia and healthy controls. Brain Res. Bull. 2009. V. 79. № 6. P. 409–413.

17. *Han S.*, *Northoff G.* Understanding the self: a cultural neuroscience approach. Prog. Brain Res. 2009. V. 178. P. 203–212.

18. *Harrison B.J.*, *Pujol J.*, *Lopez-Sola M.*, *Hernandez-Ribas R.*, *Deus J.*, *Ortiz H.*, *Soriano-Mas C.*, *Yucel M.*, *Pantelis C.*, *Cardoner N.* Consistency and functional specialization in the default mode brain network. PNAS. 2008. V. 105. № 28. P. 9781–9786.

19. *Hofstede G.* Culture's consequences: Comparing values, behaviours, institutions, and organizations across nations. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2001.

20. *Kelley W.M.*, *Macrae C.N.*, *Wyland C.L.*, *Caglar S.*, *Inati S.*, *Heatherton T.F.* Finding the self? An event-related fMRI study. Jour. Cogn. Neurosci. 2002. V. 14. № 5. P. 785–794.

21. *Knyazev G.G.*, *Savostyanov A.N.*, *Bocharov A.V.*, *Brak I.V.*, *Osipov E.A.*, *Filimonova E.A.*, *Saprigyn A.E.*, *Aftanas L.I.* Task-positive and task-negative networks in major depressive disorder: A combined fMRI and EEG study. J. Affect. Disord. 2018. V. 235. P. 211–219.

22. *Knyazev G.G.*, *Savostyanov A.N.*, *Volf N.V.*, *Liou M.*, *Bocharov A.V.* EEG correlates of spontaneous self-referential thoughts: a cross-cultural study. Intern. J. Psychophy. 2012. V. 86. № 2. P. 173–181.

23. *Lemogne C.*, *Gorwood P.*, *Bergouignan L.*, *Pelissolo A.*, *Lehericy S.*, *Fossati P.* Negative affectivity, self-referential processing and the cortical midline structures. Soc. Cogn. Affect. Neurosci. 2010. V. 6. № 4. P. 426–433.

24. *Markus H.R.*, *Kitayama S.* Culture and the self: Implications for cognition, emotion, and motivation. Psychol. Rev. 1991. V. 98. № 2. P. 224.

25. *Mikheyev D.* The Soviet mentality. Political Psychology. 1987. P. 491–523.

26. *Mitchell J.P.* Mentalizing and Marr: an information processing approach to the study of social cognition. Brain Res. 2006. V. 1079. № 1. P. 66–75.

27. *Mor N.*, *Winquist J.* Self-focused attention and negative affect: a meta-analysis. Psychol. Bull. 2002. V. 128. № 4. P. 638.

28. *Ng S.H.*, *Han S.*, *Mao L.*, *Lai J.C.L.* Dynamic bicultural brains: fMRI study of the irflexible neural representation of self and significant others in response to culture primes. Asian Jour. Soc. Psychol. 2010. V. 13. № 2. P. 83–91.

29. *Ozer D.J.*, *Benet-Martinez V.* Personality and the prediction of consequential outcomes. Annu. Rev. Psychol. 2006. V. 57. P. 401–421.

30. *Raichle M.E.*, *Snyder A.Z.* A default mode of brain function: a brief history of an evolving idea. Neuroimage. 2007. V. 37. № 4. P. 1083–1090.

31. *Salovey P.*, *Mayer J.D.* Emotional intelligence: Imagination, cognition and personality. Reprinted in Human Emotions. J.M. Jenkins, K. Oatley, N.L. Stein. Oxford: Blackwell Publishers, 1990. P. 313–319.

32. *Singelis T.M.* The measurement of independent and interdependent self-construals. Pers. Soc. Psychol. Bull. 1994. V. 20. № 5. P. 580–591.

33. *Spielberger C.D.*, *Gorsuch R.L.*, *Lushene R.E.* Manual for the State-Trait Anxiety Inventory. Palo Alto, CA: Consulting Psychologists Press, 1970.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 15–24

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

УДК 159.923

СОВРЕМЕННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ МУДРОСТИ: СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ[1]

© 2021 г. Е. А. Никитина

ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
Кандидат психологических наук, научный сотрудник.
E-mail: nikitinaea@ipran.ru

Поступила 23.06.2020

Аннотация. Рассмотрены различные подходы к изучению мудрости, ход развития философского и психологического понимания данного феномена. Показана типичная динамика большинства исследовательских подходов в психологии: от мудрости как когнитивной или личностной характеристики к целостному многоаспектному феномену. Продемонстрированы сходства и различия существующих эксплицитных теорий, а также связанные с культурой, возрастом и полом особенности имплицитных представлений о мудрости и различия в ее проявлении. В связи с этим отмечены ограничения существующих методов измерения мудрости. Указываются перспективы дальнейших исследований.

Ключевые слова: мудрость, представления о мудром человеке, теории мудрости, когнитивные и личностные характеристики, возрастные и половые различия, учет контекста.

DOI: 10.31857/S020595920014228-6

Мудрость стала предметом психологии сравнительно недавно, лишь в последние 40 лет, причем говорить о систематическом ее изучении пока рано. *Цель* данной работы состоит в анализе существующих в настоящий момент теоретических подходов к рассмотрению мудрости, методов исследования, выявлении ограничений и перспектив дальнейших исследований.

В большинстве русскоязычных психологических словарей мудрость не упоминается, что говорит о новизне этого понятия для российской психологии и необходимости его серьезного изучения. Как пишет Л.И. Анцыферова, “мудрость очень трудно определить, а между тем обычные люди легко распознают мудрого человека по каким-то неясно осознаваемым ими признакам” [2, с. 395].

Поиски определения представляется логичным начать с работ философов, обсуждающих тему мудрости не одно тысячелетие. Обращаясь к истории, мы сталкиваемся с трудным вопросом: в какой мере мы имеем право говорить об использовании одного термина “мудрость” применительно к философским воззрениям Платона или Аристотеля, учитывая, что в античности одновременно существовали целых три понятия: *софия* (σοφία), *фронезис* (φρόνησις) и *эпистеме* (ἐπιστήμη), часто одинаково переводимые в современных публикациях, но имевшие существенно различающиеся оттенки значения. Для Аристотеля *софия* синонимична поиску высшей истины, *фронезис* относится к практической стороне жизни, а *эпистеме* можно сопоставить с научным знанием (см. работы Banicki, 2009; Trowbridge, 2011; Wolsdorf, 2018). Несмотря на различия культурно-исторических форм выражения мудрости в восточной и западной цивилизациях, систематически отмечается важность духовной работы человека (например, Мальцева, 2004, 2015; Митина, 2001). Философская энциклопедия описывает мудрость как “высшее, целостное, духовно-практическое знание, ориентированное на постижение абсолютного смысла бытия...” [17]. При этом “мудрость в жизни мудреца — это не просто знание истины, но и воплощение истины в самой его жизни” [4, с. 618]. Таким образом, современные философские исследования мудрости, обнаруживая невозможность отрыва данного феномена от его носителя — человека, все больше приближаются к психологии.

Обзор психологических публикаций также демонстрирует пересечение с философскими подходами. В наиболее общем виде мудрость можно, по-видимому, расположить в пространстве между тремя осями: 1) развитым интеллектом и широкими

[1] Исследование поддержано РФФИ, проект № 19-113-50269.

и глубокими знаниями, 2) успешностью в решении проблем в реальной жизни и 3) направленностью на добро и духовностью, что на новом уровне возвращает нас к древнегреческим представлениям об *эпистеме*, *фронезисе* и *софии*. И хотя многие авторы на начальном этапе своих исследований в большей степени сосредоточивают внимание на одной из сторон, в ходе дальнейшей работы они признают несомненную значимость и других измерений. Интересно, что, когда в исследовании Н. Вестрате респондентам было предложено оценить исторических персонажей от древности до наших дней, в результате выделились три группы: ученых-философов, мудрых практиков и людей, жизнь которых направлена на общее благо, при этом "чистых" случаев мудрости конкретного типа не выявлено [51].

Первыми научными психологическими разработками феномена мудрости принято называть исследования, начатые П. Балтесом и его коллегами. В историческом обзоре работ, относящихся к "Берлинской парадигме", отмечается, что на начальных этапах исследования западная психология, дифференцируясь от философских корней, редуцировала смысл мудрости исключительно к "техническому знанию о том, как все работает" (Banicki, 2009). В своих ранних публикациях П. Балтес характеризует мудрость как экспертное знание и выдвигает пять ее критериев: компетентность в конкретных областях, применимость имеющихся знаний в реальной жизни, учет контекста при определении проблемы, неоднозначность и релятивизм суждений [24]. Р. Стернберг отмечает важность самостоятельности мышления, способности к извлечению уроков из теоретических и практических источников, а также оперативного поиска и использования необходимой информации [49].

К "когнитивному" направлению исследований можно отнести и работы, выполненные в контексте эволюции пиажетианских представлений о развитии интеллекта, а именно посвященные достижению стадии постформальных операций. Представители этого направления связывают приобретение мудрости не с накоплением большого объема информации, а с формированием более совершенного способа ее обработки — диалектического мышления, понимая мудрость как достижение интеллектуальной вершины [3].

В российской науке к данному направлению ближе всего стоят, но им не ограничиваются представления М.А. Холодной о мудрости как о "специфическом состоянии интеллектуальной зрелости, проявляющемся в контексте обыденного образа жизни и являющемся результатом длительного и уникального процесса накопления жизненного опыта". "Психологической основой мудрости как одного из высших уровней интеллектуального развития являются интеграционные процессы в сфере индивидуального ментального опыта, которые имеют своим результатом, в первую очередь, повышение роли метакогнитивного опыта и, как следствие, изменение репрезентаций происходящего" [19, с. 183].

Следует отметить, что практически все сторонники понимания мудрости как главным образом характеристики интеллекта, его высшей стадии, пришли к этому выводу в ходе своих основных исследований развития мышления, что и определяет акцент на когнитивную составляющую в их работах.

Психологи, работающие в иных направлениях, в качестве основных аспектов мудрости выделяют другие стороны этого феномена. Так, с точки зрения Э. Эриксона, мудрость — это "базисная добродетель", являющаяся результатом благополучного проживания человеком психоциальной стадии зрелости, последствием "благоприятных соотношений", сложившихся на этой стадии [20, с. 385–386].

Л. Орволл и М. Перлмуттер [43] указывают на важность учета и когнитивных, и личностных характеристик, таких как способность к зрелой любви, выход за пределы своих интересов, наличие целостной философии жизни, при этом главную роль играет преодоление поглощенности собой в пользу учета общих интересов. При этом развитие интеллекта и накопление знаний в ходе образования и социализации взаимосвязаны с развитием личности, ее социоэмоциональных характеристик, с выбором способов регуляции аффекта и адаптивных стратегий совладания [40].

Имплицитные представления участников многочисленных исследований о характеристиках мудрого человека также не сводятся к интеллектуальной сфере. С. Холлидей и М. Чандлер показали, что респонденты связывают мудрость с пониманием сущности ситуации, направленностью на других, компетентностью, скромностью и сдержанностью [37].

Расширение содержания понятия "мудрость" по мере изучения проблемы демонстрирует большинство исследователей, в том числе и авторы Берлинской парадигмы. Типичный ход развития психологических представлений о мудрости — от "экспертной системы знания" в 1980–1990-х годах [24; 46] к "единству ума и добродетели во имя человеческого совершенства и общего блага" к началу XXI в. [26, с. 132; 25; 50].

Предложенная М. Ардельт [30] модель мудрости включает в себя три составляющих: когнитивную (понимание жизни и стремление к истине), рефлективную (способность к рассмотрению событий и явлений с разных точек зрения) и аффективную (сочувствие и любовь к другим). Сходные представления, но с акцентом на этическую составляющую и личностный рост высказываются и другими авторами [29; 36; 41; 44; 47].

В ряде работ исследуется связь мудрости и конкретных личностных характеристик и способностей человека: сдержанности, скромности, организованности, компетентности в проблемных ситуациях (Мехтиханова, Смульсон, 2013, 2015), способности к молчанию (Ожиганова, 2019), духовности и религиозного опыта (Krafcik, 2015), остроумия (Мусийчук, 2019), чувства юмора (Webster, 2007).

Немногочисленные работы по онтогенезу мудрости посвящены в основном описанию возрастных различий в ее понимании и проявлении. При этом в большинстве публикаций содержится имплицитное предположение об однонаправленном кумулятивном характере мудрости, имеющей конкретные характеристики в определенный момент развития человека.

В противовес этому в работах Л.И. Анцыферовой важный акцент делается на включение динамики в содержание понятия, рассмотрении мудрости не как стабильного состояния, а как сложного многофакторного процесса, иллюстрацией которого выступает разворачивающееся во времени исполнение мелодии оркестром, включающим различные музыкальные инструменты [2]. Мудрость — это “...дар антиципации, прогнозирования” [1, с. 20], но не менее важна и позитивно направленная активность субъекта. «Мудрость немыслима без стремления и способности к “помогающему поведению”» [2, с. 415]. Людмила Ивановна “...понимала, что решения, принимаемые людьми в трудных жизненных ситуациях, основаны как на разуме, рациональных рассуждениях, так и на интуитивном внепонятийном постижении” [9, с. 248].

Анализируя работы Л.И. Анцыферовой, наши коллеги указывают и на такие отмеченные ей значимые характеристики мудрости, как несводимость к старшему возрасту, способность к предчувствию, предугадыванию, интуиция, связь с целостностью личности, важность понимания себя [10], работа личности над собой, стремление искать и находить смысл происходящего [18]. А сама Людмила Ивановна оказывается редким примером действительно мудрого человека [8].

На неконстантность мудрости обращают внимание и современные исследователи. И. Гроссманн [33] считает, что некорректно говорить о мудрости как устойчивой черте человека, поскольку ее уровень у одних и тех же респондентов может существенно различаться в зависимости от ситуации.

Содержание, которое вкладывают специалисты, изучающие проблемы мудрости, в это понятие, оказывается весьма разнородным [38]. Участники выразили согласие лишь с тем, что мудрость: 1) присуща исключительно человеку; 2) является формой высокого когнитивного и эмоционального развития, связанного с опытом; 3) является личностным качеством, довольно редким, но которому можно научиться, и повышающимся с возрастом; 4) может быть измерена; 5) маловероятно, что может быть увеличена приемом лекарственных препаратов.

Разнообразие теоретических моделей и полученных эмпирических результатов показывает, что на настоящий момент основная проблема изучения мудрости — отсутствие согласия исследователей в определении содержания данного понятия [27]. Возможно, именно этот факт должен привести нас к пониманию того, что, несмотря на присутствие значительного общего содержания, феномен мудрости включает в себя и специфические аспекты, связанные с культурой, особенностями рассматриваемых ситуаций и характеристиками респондентов, что порождает значительные сложности в создании и применении измерительных методик.

МЕТОДИКИ ОЦЕНКИ МУДРОСТИ

Кратко характеризуя методическую базу исследований, приходится признать, что она не отличается разнообразием. С. Блак и Дж. Глюк [28] выделяют основные подходы к изучению мудрости:

1. Выделение дескрипторов: например, анализ ответов на вопрос “Что такое мудрость?” либо оценка степени согласия респондентов с определениями, ассоциирующимися с мудростью;

2. Описание конкретных мудрых личностей или эпизодов мудрого поведения, в том числе собственного поведения участников исследования;

3. Эмпирические методы, направленные на оценку уровня мудрости респондентов.

Для “измерения” мудрости респондентам, например, предлагают истории разной степени детализации и просят оценить решение, принятое непосредственным участником, или самостоятельно предложить “мудрое” решение. При этом крайне

важен учет контекста, в котором разворачивается предлагаемая респондентам ситуация [32].

Однако чаще используются более простые инструменты, например Трехмерная шкала мудрости 3D-WS М. Ардельт или Шкала самооценки мудрости SAWS Дж. Вебстера. Перевод и проверка валидности этих методик для использования на российской выборке были выполнены С.Э. Дровосековым [6; 7].

Кроме этих тестов нам известно лишь об одном российском инструменте: “Методике измерения уровня мудрости Н.Н. Мехтихановой”, созданной на основе существующих моделей, но с учетом культурно-специфичных имплицитных теорий мудрости, выявленных в результате анализа русских народных сказок, пословиц и житейских представлений о мудрости [18].

Следует отметить, что использование опросников для оценки такого сложного явления, как мудрость, имеет ряд ограничений. Прежде всего авторы оригинальных методик предполагают, что степень согласия с предлагаемыми высказываниями монотонно растет или убывает с увеличением мудрости, что совсем не однозначно. Так, например, с используемыми в методиках фразами типа “Дела часто идут плохо, но в этом нет моей вины” или “Мне иногда бывает трудно увидеть ситуацию глазами другого человека” могут в большей степени соглашаться (хотя и по разным причинам) респонденты, находящиеся и на низком, и на высоком уровне мудрости, при этом остальные участники исследования могут отвергать подобные предположения.

Имеется и еще одна методическая проблема: хотя большинство людей способно сохранять спокойствие и учитывать интересы всех заинтересованных сторон в ситуации анализа конфликта между другими людьми, мало кто может вести себя так же, если они лично вовлечены в ситуацию, затрагивающую значимые сферы их жизни. Принять возможность компромисса, неопределенности, учитывать разные точки зрения оказывается значимо проще для другого, чем для себя [30; 35].

Анализ литературы показывает, что, несмотря на признаваемую целостность феномена мудрости, в большинстве эмпирических подходов оцениваются лишь значения по отдельным шкалам, а далее в лучшем случае происходит их суммирование. Выявить взаимосвязи отдельных аспектов мудрости на настоящий момент не представляется возможным.

КРОССКУЛЬТУРНЫЕ, ВОЗРАСТНЫЕ И ПОЛОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ В ПОНИМАНИИ МУДРОСТИ

Рассматривая философские и религиозные подходы к пониманию мудрости в истории их развития, многие авторы (Takahashi, Overton, 2005; Walsh, 2011, 2014) обращают внимание на исходно различные акценты в западной и восточной культурах: на знание и логику либо на трансцендентальный опыт, интегративность и несводимость к когнитивной сфере. Важным следствием восточного подхода авторы называют принципиальный отказ от выделения дифференцированных аспектов мудрости в пользу ее рассмотрения как рефлективного понимания, основанного на целостном когнитивном, аффективном, интуитивном и социальном опыте.

Сходства и различия в понимании мудрости выявлены К. Муздыбаевым при сопоставлении древнеегипетских, шумерских и древнерусских текстов. “Модель мудрости в древнерусской цивилизации можно было бы назвать моделью объединительной, поскольку она направлена на создание духа солидарности, сотрудничества и согласия в обществе” [15, с. 129]. Н.Н. Иванов показывает, что в русской культуре слово “мудрый” ассоциируется либо с разумным правлением (например, Ярослав Мудрый), либо с данной свыше способностью видеть истину и близостью к основам мироздания у так называемых народных мудрецов или “простецов” [11].

Сравнивая содержание понятий “мудрость” в русском и “wisdom” в английском языках, Л.Н. Горянова показывает, что, хотя их первичное восприятие, связанное с познавательной деятельностью человека, совпадает, в русской концептуальной картине мира мудрость осознается прежде всего как характеристика человека, в английской, напротив, важным является не столько наличие этого качества, сколько его применение на практике. Для русского народа также типичным является понимание мудрости как универсальных знаний, переходящих от одного поколения к другому в виде наследия [5].

В кросскультурном исследовании концепта мудрости у современных молодых людей 15–19 лет были обнаружены значимые различия: для подростков из Мексики, Литвы и Латвии большое значение имеют такие характеристики, как креативность, сотрудничество и теплота, для американских молодых людей важнее великодушие и остроумие, в Литве и Латвии мудрость прежде всего ассоциируется с уважением [45].

Присутствие подобных культурных различий подводит нас к вопросу о правомерности использования переводных версий методик, направленных на оценку мудрости. Ситуация осложняется еще больше, если принимать во внимание особенности понимания и проявления мудрости людьми разного возраста и пола.

Во многих культурах мудрость ассоциируется в большей степени со старшим возрастом, хотя не является его необходимым элементом и не ограничивается им. Так, Л.И. Анцыферова, приводя в качестве примера биографию К.Г. Юнга, указывала, что мудрость "может проявляться — в необычных и странных формах — в очень раннем детстве, удивляя самого субъекта" [2, с. 394]. Дж. Джордан [39] предлагает три модели, учитывающих роль возраста: позитивную (мудрость растет с возрастом), модель кристаллизованной мудрости (накопленная в первой половине жизни мудрость сохраняется далее в неизменном виде) и модель, подразумевающую спад после максимума, достигнутого в период ранней взрослости.

Предположения П. Балтеса о кумулятивном характере мудрости были опровергнуты уже в его ранних исследованиях, продемонстрировавших, что количество "мудрецов" в разных возрастных группах остается приблизительно одинаковым [46], М. Ардельт [23] также не обнаружила различий между студентами и людьми пожилого возраста по суммарным значениям мудрости, однако при дифференцированном рассмотрении результатов было показано, что старшие участники исследования показали значимо более высокие значения по рефлексивной и аффективной шкалам. Для наиболее мудрых старших респондентов было характерно позитивное развитие на основе уроков из жизненного опыта, т.е. увеличение мудрости с возрастом. В работе Н.Н. Мехтихановой и М.Л. Смульсон (2013) обнаружена тенденция увеличения выраженности мудрости с возрастом, но в то же время показано, что ее высокий уровень может быть присущ лицам разных возрастов.

Возрастная специфика имплицитных представлений о мудрости была выявлена в нашем исследовании [16]. Для подростков мудрость заключается прежде всего в умении принять верное решение в конкретной ситуации, готовности помочь другим, наличии опыта и знаний. При этом мудрый человек никогда не причинит вред другим. Взрослые респонденты полагают, что мудрость — это отношение к жизни, способность принимать решения в соответствии с собственными ценностями, уместность действий, основанная на рефлексии собственного опыта, отсутствие категоричности в суждениях.

Старшие респонденты (65–92 лет) говорят также о необходимости оценивать динамику развития ситуации, что коррелирует с представлениями Л.И. Анцыферовой о мудрости как "даре предвидения".

В работе И. Гроссманна [34] прослежена одновременно роль двух факторов, возраста и культуры, в принятии решений относительно сложных конфликтных ситуаций. Респонденты из США, но не из Японии продемонстрировали положительную возрастную динамику таких характеристик, как умение учитывать различные точки зрения, осознание ограниченности собственных знаний и понимание важности компромиссов. Авторы полагают, что из-за свойственного японской культуре стремления к гармонии в человеческих отношениях ее представители раньше достигают мудрости относительно социальных конфликтов и возможности их предотвращения.

Мудрость женщины и мужчины также может различаться и в имплицитных представлениях респондентов, и в особенностях ее проявления. Мудрый мужчина обычно видится как добрый, оптимистичный и склонный к сотрудничеству экстраверт, направленный на достижение поставленных целей и способный на нетрадиционные решения, относительно женщин респонденты чаще обращали внимание на когнитивные особенности, а также влиятельность [45]. При описании собственных мудрых поступков мужчины чаще указывали события, связанные с профессиональной деятельностью, а женщины — с семейной жизнью, включая темы болезни и смерти [22]. И хотя старшие женщины набирали более высокие баллы по аффективной и менее высокие баллы по когнитивной шкалам, суммарные значения мудрости у женщин и мужчин молодого и пожилого возраста не отличались [Там же]. Для респондентов широкого возрастного диапазона из США и Японии (Takahashi, Overton, 2002), Германии (Kunzmann Baltes, 2003), (Webster, 2007), США и Вьетнама (Lee, 2008) связанных с полом различий по шкалам фактического и процедурного знания, релятивизма, толерантности к неопределенности, способности к анализу и синтезу, самотрансцендентности обнаружено не было. Л. Орволл и В. Ахенбаум предположили, что, хотя пути достижения и реализации мудрости могут различаться в зависимости от пола, однако истинный мудрец на определенном этапе развития способен к интеграции маскулинных и феминных аспектов своей личности [58].

Таким образом, мы видим, что при эмпирическом изучении мудрости необходимо учитывать целый ряд специфических особенностей, связанных с культурой и индивидуальными характеристиками респондентов, что важно как при использовании существующих измерительных методик, так и при разработке новых.

ВЫВОДЫ

Изучение мудрости в психологической науке во многом строилось на пришедших из философии представлениях, рассматривающих мудрость как многоаспектный феномен, включающий в себя накопление научного знания, успешность решения практических проблем, а также стремление к Добру и Истине. При этом на начальном этапе достаточно отчетливо проявилось стремление исследователей к поиску конкретных, объективно измеряемых коррелятов мудрости. Выделилось несколько основных подходов к пониманию данного феномена:

1. Мудрость как знание или обладание информацией.

2. Мудрость как стадия развития интеллекта, отражающая особенности процесса мышления.

3. Мудрость как личностная черта или метахарактеристика человека, часто учитывающая его духовные качества.

4. Мудрость как характеристика поведения, в том числе его регуляции.

К настоящему времени большинство авторов приходит к расширению содержания своих представлений, интегрируя новые аспекты мудрости в разрабатываемые теории. Д.А. Леонтьев отмечает, что именно “осознание необходимости преодолеть интеллектуальную фрагментарность, восстановить целостность человека и стимулировало рост интереса к такому холистическому и междисциплинарному понятию, как мудрость” [12]. П. Балтес с коллегами (2002) также приходят к выводу, что на рубеже веков мудрость “становится центром междисциплинарного дискурса”, включающего антропологию культуры, политические науки, образование и психологию. Становится все более ясно, что мудрость “обусловлена не характеристиками интеллекта и не характеристиками личности, а взаимодействием между ними и их определенной интеграцией” [13]. Главной задачей ближайшего будущего является переход к рассмотрению мудрости как целостного явления, выделению общих и частных ее характеристик, исследованию их взаимосвязи и взаимовлияния на основе принципа системности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Анцыферова Л.И.* Мудрость и ее проявления в разные периоды жизни человека // Психологический журнал 2004. Т. 25. № 3. С. 17–24.
2. *Анцыферова Л.И.* Развитие личности и проблемы геронтопсихологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2006.
3. *Веракса Н.Е.* Диалектическое мышление: логика и психология // Культурно-историческая психология. 2019. Т. 15 (3). С. 4–12.
4. *Вильданова Г.Б.*, *Вильданов У.С.*, *Вильданов Х.С.* Гносеологический анализ мудрости и истины // Вестник Башкирского университета. 2012. Т. 17 (1). С. 615–618.
5. *Горянова Л.Н.* Структуры концептов МУДРОСТЬ и WISDOM и способы объективации их признаков в русской и английской языковых картинах мира: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Кемерово, 2012.
6. *Дровосеков С.Э.* Психометрический анализ русскоязычной шкалы мудрости 3D-WS // Прикладная юридическая психология. 2018. № 2. С. 88–95.
7. *Дровосеков С.Э.*, *Митина О.В.*, *Низовских Н.А.* Шкала самооценки мудрости Дж. Вебстера (SAWS): психометрический анализ русскоязычной версии // Вестник Вятского государственного университета. 2019. № 3. С. 160–171.
8. *Журавлев А.Л.*, *Харламенкова Н.Е.* Мудрость личности (к 90-летию со дня рождения Л.И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 5. С. 99–101.
9. *Знаков В.В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
10. *Знаков В.В.* Динамический подход к исследованию личности и процессуальный анализ в психологии субъекта // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 27–34.
11. *Иванов Н.Н.* Рецепция архетипа “народного мудреца” в русской литературе // Верхневолжский филологический вестник. 2017. № 2. С. 17–20.
12. *Леонтьев Д.А.* Возможность мудрости // Человек. 2011. № 1. С. 20–34.
13. *Леонтьев Д.А.* Мудрость как интегральная характеристика личностного потенциала // Личностный потенциал: структура и диагностика / Под ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2011. С. 92–106.
14. *Мехтиханова Н.Н.*, *Кутузова А.Б.* Проблема определения феномена мудрости в психологической науке // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки. 2019. № 1 (47). С. 97–100.

15. *Муздыбаев К.* Исследование мудрости в погибших, древних и современных цивилизациях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 6. С. 113–130.

16. *Никитина Е.А.* Представления людей разного возраста о мудрости // Методология, теория, история психологии личности / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.А. Никитина, Н.Е. Харламенкова. М.: Изд-во "Институт Психологии РАН", 2019. С. 425–432.

17. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Под ред. В.С. Стёпина. М.: Мысль, 2001.

18. *Харламенкова Н.Е.* Жизнь ученого — поиск и открытие неявного знания в явном (к юбилею Л.И. Анцыферовой) // Психологический журнал. 2014. Т. 35 (6). С. 5–17.

19. *Холодная М.А.* Психология интеллекта: парадоксы исследования. СПб.: Питер, 2002.

20. *Эриксон Э.Г.* Детство и общество. СПб.: Ленато: АСТ, 1996.

21. *Ardelt M.* Wisdom as expert knowledge system: a critical review of a contemporary operationalization of an ancient concept // Hum. Dev. 2004. V. 47. P. 257–285.

22. *Ardelt M.* How Similar are Wise Men and Women? A Comparison Across Two Age Cohorts // Res. Hum. Dev. 2009. V. 6 (1). P. 9–26.

23. *Ardelt M.* Are older adults wiser than college students? A comparison of two age cohorts // J. Adult Dev. 2010. V. 17. P. 193–207.

24. *Baltes P.B.*, *Dittmann-Kohli F.*, *Dixon R.A.* New perspectives on the development of intelligence in adulthood: Toward a dual-process conception and a model of selective optimization with compensation // Life Span Development and Behavior. 1984. V. 6. P. 33–76.

25. *Baltes P.B.*, *Smith J.* The fascination of wisdom: Its Nature, Ontogeny, and Function. Perspect // Psychol. Sci. 2008. V. 3 (1). P. 56–64.

26. *Baltes P.B.*, *Staudinger U.M.* Wisdom. A metaheuristic (pragmatic) to orchestrate mind and virtue toward excellence // Am. Psychol. 2000. V. 55 (1). P. 122–136.

27. *Bangen K.J.*, *Meeks T.W.*, *Jeste D.V.* Defining and assessing wisdom: A review of the literature // Am. J. Geriatr. Psychiatry. 2013. V. 21 (12). P. 1254–1266.

28. *Bluck S.*, *Glück J.* From the inside out: People's implicit theories of wisdom // A handbook of wisdom. Psychological perspectives. R.J. Sternberg, J. Jordan (Eds.). N.Y.: C.U.P., 2005. P. 84–109.

29. *Brown S.C.*, *Greene J.A.* The Wisdom Development Scale: Translating the conceptual to the concrete // J. Coll. Stud. Dev. 2006. V. 47. P. 1–19.

30. *Glück J.* Measuring Wisdom: Existing Approaches, Continuing Challenges, and New Developments // J. Gerontol. B Psychol. Sci. Soc. Sci. 2018. V. 73 (8). P. 1393–1403.

31. *Glück J.*, *Strasser I.*, *Bluck S.* Gender differences in implicit theories of wisdom // Res. Hum. Dev. 2009. V. 6 (1). P. 27–44.

32. *Grossmann I.* Wisdom in Context // Perspectives on Psychological Science. 2017. V. 12 (2). P. 233–257.

33. *Grossmann I.*, *Gerlach T.M.*, *Denissen J.J.* Wise reasoning in the face of everyday life challenges // Soc. Psychol. Personal. Sci. 2016. V. 7 (7). P. 611–622.

34. *Grossmann I.*, *Karasawa M.*, *Izumi S*, *Na J.*, *Varnum M.E.W.*, *Kitayama S.*, *Nisbett R.E.* Aging and Wisdom: Culture Matters // Psychological Science. 2012. V. 23 (10). P. 1059–1066.

35. *Grossmann I.*, *Kross E.* Exploring Solomon's paradox: Self-distancing eliminates the self-other asymmetry in wise reasoning about close relationships in younger and older adults // Psychological Science. 2014. V. 25. P. 1571–1580.

36. *Gugerell S.H.*, *Riffert F.* On Defining "Wisdom": Baltes, Ardelt, Ryan, and Whitehead // Interchange. 2011. V. 42. P. 225–259.

37. *Holliday S.G.*, *Chandler M.J.* Wisdom: Explorations in adult competence // Contrib. Hum. Dev. 1986. V. 17. P. 1–100.

38. *Jeste D.V.*, *Ardelt M.*, *Blazer D.*, *Kraemer H.C.*, *Vaillant G.*, *Meeks T.W.* Expert consensus on characteristics of wisdom: a Delphi method study // The Gerontologist. 2010. V. 50 (5). P. 668–680.

39. *Jordan J.* The quest for wisdom in adulthood: A psychological perspective. A handbook of wisdom // Psychological perspectives. R.J. Sternberg & J. Jordan (Eds.). N.Y.: C.U.P., 2005. P. 160–188.

40. *Labouvie-Vief G.*, *Diehl M.* Cognitive complexity and cognitive-affective integration: related or separate domains of adult development // Psychol. aging. 2000. V. 15 (3). P. 490–504.

41. *Mickler Ch.*, *Staudinger U.* Personal Wisdom: Validation and Age-Related Differences of a Performance Measure // Psychol. Aging. 2008. V. 23 (4). P. 787–799.

42. *Orwoll L.*, *Achenbaum W.A.* Gender and the development of wisdom // Hum. Dev. 1993. V. 36. P. 274–296.

43. *Orwoll L.*, *Perlmutter M.* A study of wise persons: integrating a personality perspective // Wisdom: its nature, origins, and development. Ed. R.J. Sternberg. Cambridge: C.U.P., 1990. P. 160–177.

44. *Peltonen T.* Towards Wise Management. Wisdom and Stupidity in Strategic Decision-making. Palgrave Macmillan, 2019. P. 27–68.

45. *Sánchez-Escobedo P.*, *Park K.*, *Hollingworth L.*, *Misiuniene J.*, *Ivanova L.* A cross-comparative international study on the concept of wisdom // Gift. Educ. Int. 2014. V. 30 (3). P. 228–236.

46. *Smith J.*, *Baltes P.B.* A study of wisdom-related knowledge: Age/cohort differences in responses to life planning problems // Dev. Psychol. 1990. V. 26. P. 494–505.

47. *Staudinger U.M.* A psychology of wisdom: History and recent developments // Res. Hum. Dev. 2008. V. 5. P. 107–120.

48. *Staudinger U.M.*, *Glück J.* Psychological Wisdom Research: Commonalities and Differences in a Growing Field // Annu. Rev. Psychol. 2011. V. 62. P. 215–241.

49. *Sternberg R.J.* Implicit Theories of Intelligence, Creativity, and Wisdom // J. Pers. Soc. Psychol. 1985. V. 49 (3). P. 607–627.

50. *Sternberg R.J.* Wisdom, foolishness, and toxicity in human development // Res. Hum. Dev. 2018. V. 15 (3–4). P. 200–210.

51. *Weststrate N.M.*, *Ferrari M.*, *Ardelt M.* The Many Faces of Wisdom: An Investigation of Cultural-Historical Wisdom Exemplars Reveals Practical, Philosophical, and Benevolent Prototypes // Pers. Soc. Psychol. Bull. 2016. V. 42 (5). P. 662–676.

MODERN RESEARCH OF WISDOM: STATE AND PROSPECTS[2]

E. A. Nikitina

Institute of Psychology Russian Academy of Sciences;
129366, *Moscow*, *Yaroslavskaya str.*, *13*, *bld. 1*, *Russia*.
PhD (*Psychology*), *Researcher*.
E-mail: *NikitinaEA@ipran.ru*

Received 23.06.2020

Abstract. The article considers various approaches to the study of wisdom, the development of philosophical and psychological understanding of this phenomenon. The typical dynamics of research approaches is shown — from wisdom as a cognitive or personal characteristic to a holistic multi-aspect phenomenon. The similarities and differences of existing explicit theories are demonstrated, as well as the culture, age and gender-related features of implicit ideas of wisdom and peculiarities of its manifestation. In this regard, the limitations of existing methods for measuring wisdom are noted. Prospects for further research are indicated.

Keywords: wisdom, ideas about a wise person, theories of wisdom, cognitive and personal characteristics, culture, age and gender differences, context.

REFERENCES

1. *Antzyferova L.I.* Mudrost' i ee proyavleniya v raznye periody zhizni cheloveka. Psikhologicheskii zhurnal. 2004. № 25 (3). P. 17–24. (In Russian)

2. *Antzyferova L.I.* Razvitie lichnosti i problemy gerontopsikhologii. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2006. (In Russian)

3. *Veraksa N.E.* Dialekticheskoe myshlenie: logika i psikhologiya. Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya. 2019. № 15 (3). P. 4–12. (In Russian)

4. *Vil'danova G.B.*, *Vil'danov U.S.*, *Vil'danov H.S.* Gnoseologicheskij analiz mudrosti i istiny. Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2012. № 17 (1). P. 615–618. (In Russian)

5. *Goryanova L.N.* Struktury konceptov MUDROST' i WISDOM i sposoby ob"ektivacii ih priznakov v russkoj i anglijskoj yazykovyh kartinah mira. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. Kemerovo, 2012. (In Russian)

6. *Drovosekov S.E.* Psikhometricheskij analiz russkoyazychnoj shkaly mudrosti 3D-WS. Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya. 2018. № 2. P. 88–95. (In Russian)

7. *Drovosekov S.E.*, *Mitina O.V.*, *Nizovskih N.A.* Shkala samoocenki mudrosti Dzh. Vebstera (SAWS): psihometricheskij analiz russkoyazychnoj versii. Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. № 3. P. 160–171. (In Russian)

8. *Zhuravlev A.L.*, *Kharlamenkova N.E.* Mudrost' lichnosti (k 90-letiyu so dnya rozhdeniya L.I. Ancyferovoj). Psikhologicheskii zhurnal. 2014. № 35 (5). P. 99–101. (In Russian)

9. *Znakov V.V.* Psihologiya ponimaniya mira cheloveka. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2016. (In Russian)

10. *Znakov V.V.* Dinamicheskij podhod k issledovaniyu lichnosti i processual'nyj analiz v psikhologii sub"ekta. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. № 40 (5). P. 27–34. (In Russian)

11. *Ivanov N.N.* Recepciya arhetipa "narodnogo mudreca" v russkoj literature. Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. 2017. № 2. P. 17–20. (In Russian)

[2] The study was funded by RFBR, project № 19-113-50269.

12. *Leont'ev D.*A. Vozmozhnost' mudrosti. Chelovek. 2011. № 1. P. 20–34. (In Russian)

13. *Leont'ev D.A.* Mudrost' kak integral'naya harakteristika lichnostnogo potenciala. Lichnostnyj potencial: struktura i diagnostika. Ed. D.A. Leont'ev. Moscow: Smysl, 2011. P. 92–106. (In Russian)

14. *Mekhtihanova N.N.*, *Kutuzova A.B.* Problema opredeleniya fenomena mudrosti v psihologicheskoj nauke. Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova. Seriya Gumanitarnye nauki. 2019. № 1 (47). P. 97–100. (In Russian)

15. *Muzdybaev K.* Issledovanie mudrosti v pogibshih, drevnih i sovremennyh civilizaciyah. Zhurnal sociologii i social'noj antropologii. 2012. V. 15 (6). P. 113–130. (In Russian)

16. *Nikitina E.A.* Predstavleniya lyudej raznogo vozrasta o mudrosti. Metodologiya, teoriya, istoriya psikhologii lichnosti. Eds. A.L. Zhuravlev, E.A. Nikitina, N.E. Kharlamenkova. Moscow: Izd-vo "Institut psikhologii RAN", 2019. P. 425–432. (In Russian)

17. Novaya filosofskaya enciklopediya. V 4 t. Ed. V.S. Styopina. Moscow: Mysl', 2001. (In Russian)

18. *Kharlamenkova N.E.* Zhizn' uchenogo — poisk i otkrytie neyavnogo znaniya v yavnom (k yubileyu L.I. Ancyferovoj). Psikhologicheskii zhurnal. 2014. V. 35 (6). P. 5–17. (In Russian)

19. *Kholodnaya M.A.* Psihologiya intellekta: paradoksy issledovaniya. St. Petersburg: Piter, 2002. (In Russian)

20. *Erikson E.G.* Detstvo i obshchestvo. St. Petersburg: Lenato, AST, 1996. (In Russian)

21. *Ardelt M.* Wisdom as expert knowledge system: a critical review of a contemporary operationalization of an ancient concept. Hum. dev. 2004. V. 47. P. 257–285.

22. *Ardelt M.* How Similar are Wise Men and Women? A Comparison Across Two Age Cohorts. Res. Hum. Dev. 2009. V. 6 (1). P. 9–26.

23. *Ardelt M.* Are older adults wiser than college students? A comparison of two age cohorts. J. Adult Dev. 2010. V. 17. P. 193–207.

24. *Baltes P.B.*, *Dittmann-Kohli F.*, *Dixon R.A.* New perspectives on the development of intelligence in adulthood: Toward a dual-process conception and a model of selective optimization with compensation. Life span development and behavior. 1984. V. 6. P. 33–76.

25. *Baltes P.B.*, *Smith J.* The fascination of wisdom: Its Nature, Ontogeny, and Function. Perspect. Psychol. Sci. 2008. V. 3 (1). P. 56–64.

26. *Baltes P.B.*, *Staudinger U.M.* Wisdom. A metaheuristic (pragmatic) to orchestrate mind and virtue toward excellence. Am. Psychol. 2000. V. 55 (1). P. 122–136.

27. *Bangen K.J.*, *Meeks T.W.*, *Jeste D.V.* Defining and assessing wisdom: A review of the literature. Am. J. Geriatr. Psychiatry. 2013. V. 21 (12). P. 1254–1266.

28. *Bluck S.*, *Glück J.* From the inside out: People's implicit theories of wisdom / A handbook of wisdom. Psychological perspectives. R.J. Sternberg, J. Jordan (Eds.). N.Y.: C.U.P., 2005. P. 84–109.

29. *Brown S.C.*, *Greene J.A.* The Wisdom Development Scale: Translating the conceptual to the concrete. J. Coll. Stud. Dev. 2006. V. 47. P. 1–19.

30. *Glück J.* Measuring Wisdom: Existing Approaches, Continuing Challenges, and New Developments. J. Gerontol. B Psychol. Sci. Soc. Sci. 2018. V. 73 (8). P. 1393–1403.

31. *Glück J.*, *Strasser I.*, *Bluck S.* Gender differences in implicit theories of wisdom. Res. Hum. Dev. 2009. V. 6 (1). P. 27–44.

32. *Grossmann I.* Wisdom in Context. Perspectives on Psychological Science. 2017. V. 12 (2). P. 233–257.

33. *Grossmann I.*, *Gerlach T.M.*, *Denissen J.J.* Wise reasoning in the face of everyday life challenges. Soc. Psychol. Personal. Sci. 2016. V. 7 (7). P. 611–622.

34. *Grossmann I.*, *Karasawa M.*, *Izumi S*, *Na J.*, *Varnum M.E.W.*, *Kitayama S.*, *Nisbett R.E.* Aging and Wisdom: Culture Matters. Psychological Science. 2012. V. 23 (10). P. 1059–1066.

35. *Grossmann I.*, *Kross E.* Exploring Solomon's paradox: Self-distancing eliminates the self-other asymmetry in wise reasoning about close relationships in younger and older adults. Psychological Science. 2014. V. 25. P. 1571–1580.

36. *Gugerell S.H.*, *Riffert F.* On Defining "Wisdom": Baltes, Ardelt, Ryan, and Whitehead. Interchange. 2011. V. 42. P. 225–259.

37. *Holliday S.G.*, *Chandler M.J.* Wisdom: Explorations in adult competence. Contrib. Hum. Dev. 1986. V. 17. P. 1–100.

38. *Jeste D.V.*, *Ardelt M.*, *Blazer D.*, *Kraemer H.C.*, *Vaillant G.*, *Meeks T.W.* Expert consensus on characteristics of wisdom: a Delphi method study. The Gerontologist. 2010. V. 50 (5). P. 668–680.

39. *Jordan J.* The quest for wisdom in adulthood: A psychological perspective. A handbook of wisdom. Psychological perspectives. R.J. Sternberg, J. Jordan (Eds.). N.Y.: C.U.P., 2005. P. 160–188.

40. *Labouvie-Vief G.*, *Diehl M.* Cognitive complexity and cognitive-affective integration: related or separate domains of adult development. Psychol. aging. 2000. V. 15 (3). P. 490–504.

41. *Mickler Ch.*, *Staudinger U.* Personal Wisdom: Validation and Age-Related Differences of a Performance Measure. Psychol. Aging. 2008. V. 23 (4). P. 787–799.

42. *Orwoll L.*, *Achenbaum W.A.* Gender and the development of wisdom. Hum. Dev. 1993. V. 36. P. 274–296.

43. *Orwoll L.*, *Perlmutter M.* A study of wise persons: integrating a personality perspective. Wisdom: its nature, origins,

and development. Ed. R.J. Sternberg. Cambridge: C.U.P., 1990. P. 160–177.

44. *Peltonen T.* Towards Wise Management. Wisdom and Stupidity in Strategic Decision-making. Palgrave Macmillan, 2019. P. 27–68.
45. *Sánchez-Escobedo P.*, *Park K.*, *Hollingworth L.*, *Misiuniene J.*, *Ivanova L.* A cross-comparative international study on the concept of wisdom. Gift. Educ. Int. 2014. V. 30 (3). P. 228–236.
46. *Smith J.*, *Baltes P.*B. A study of wisdom-related knowledge: Age/cohort differences in responses to life planning problems. Dev. Psychol. 1990. V. 26. P. 494–505.
47. *Staudinger U.M.* A psychology of wisdom: History and recent developments. Res. Hum. Dev. 2008. V. 5. P. 107–120.
48. *Staudinger U.M.*, *Glück J.* Psychological Wisdom Research: Commonalities and Differences in a Growing Field. Ann. Rev. Psychol. 2011. V. 62. P. 215–241.
49. *Sternberg R.J.* Implicit Theories of Intelligence, Creativity, and Wisdom. J. Pers. Soc. Psychol. 1985. V. 49 (3). P. 607–627.
50. *Sternberg R.J.* Wisdom, foolishness, and toxicity in human development. Res. Hum. Dev. 2018. V. 15 (3–4). P. 200–210.
51. *Weststrate N.M.*, *Ferrari M.*, *Ardelt M.* The Many Faces of Wisdom: An Investigation of Cultural-Historical Wisdom Exemplars Reveals Practical, Philosophical, and Benevolent Prototypes. Pers. Soc. Psychol. Bull. 2016. V. 42 (5). P. 662–676.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 25–35

ПСИХОЛОГИЯ РАЗВИТИЯ

УДК 159.922

ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ДЕТЕЙ МОНОЛИНГВОВ И ЕСТЕСТВЕННЫХ БИЛИНГВОВ

© 2021 г. В. Ю. Хотинец*, Д. С. Медведева**

Удмуртский государственный университет;
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, Россия.
**Доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой общей психологии.*
E-mail: khotinets@mail.ru
***Аспирант, кафедра общей психологии.*
E-mail: medvedevadarya23@yandex.ru

Поступила 19.08.2019

Аннотация. Построена теоретическая процессуальная модель развития речемыслительной деятельности младших школьников с естественным билингвизмом в образовательной ситуации, отвечающей современным требованиям моделей самоорганизации. В исследованиях приняли участие 152 ребенка, старшие дошкольники и младшие школьники, билингвы и монолингвы. Результаты формирующего эксперимента подтвердили, что в процессе развития речемыслительной деятельности как целостной системы с вариативными отношениями с культурно-образовательной средой устанавливаются внутрисистемные отношения (взаимосвязи между компонентами системы) при переходе от одного цикла к другому. Показано, что в ситуации, когда культурный дискурс на родном языке является психолого-педагогическим средством в образовательной среде, усиливается интеграция системы с появлением новых связей между ее компонентами (изменяется структура системы), устанавливаются доли дисперсии зависимых переменных (понятийного речевого и понятийного интуитивного мышления), объясняемые вариацией независимой переменной (речевое развитие). Когда культурный дискурс на русском языке становится организационной формой обучения — творческой самостоятельной деятельности, происходит дифференциация речевых процессов и функций, появляется письменная речь, устанавливается вклад понятийного речевого мышления в дисперсию речевого развития.

Ключевые слова: модель самоорганизации, целостная система, внутрисистемные связи, культурно-образовательная среда, образовательная ситуация, культурный дискурс, речемыслительная деятельность, билингвы, младший школьный возраст.

DOI: 10.31857/S020595920014236-5

Развитие представлений о билингвизме в современной науке переместилось от субтрактивной к аддитивной перспективе с расширением диапазона когнитивных возможностей его носителей. Однако ни одна из современных теорий билингвизма не обладает достаточностью в объяснении и полнотой в экспериментальной доказательности особенностей когнитивного развития детей-билингвов, влияния билингвизма на когнитивные способности человека в широком возрастном диапазоне [20]. Тем не менее в зарубежной науке можно выделить три основные позиции в понимании эффектов билингвизма:

— когнитивных преимуществ, а именно исполнительных (регуляторных) функций, в частности когнитивного контроля, когнитивной гибкости, ингибирующего контроля, рабочей памяти, металингвистических, лингвистических способностей [13–17];

— трудностей и сложностей, касающихся лингвистической когнитивной обработки, в частности невысокой беглости речи, заниженной скорости лексического доступа и др. ([16; 21] и др.);

— когнитивного трансфера при паритетности в развитии обоих языков ([19; 22–24] и др.), интенсифицирующегося при целенаправленно развивающем последовательном обучении с активизацией символьных кодов первого и второго языков.

В российской педагогической практике в регионах с поликультурным составом населения процесс обучения детей-билингвов осложнен: либо обучение младших школьников в национальных классах может вестись на установленном субъектом РФ втором официальном языке, либо, напротив, они

лишаются возможности учиться в лингвокультурной среде их первичной социализации. Младшие школьники-билингвы испытывают затруднения в речи как на родном, так и на русском языке, что приводит к трудностям в мыслительной деятельности и, как следствие, к проблемам в освоении образовательной программы и возникновению коммуникативных барьеров во взаимодействии с другими [7]. В связи с этим активно разрабатываются технологии формирования речи и/или мышления детей-билингвов на основе прочно утвердившихся классических общенаучных принципов детерминизма и системности в отечественной науке и принципов общедидактического и лингвистического подходов [4] с включением в психолого-педагогическую практику разнородных программ и техник.

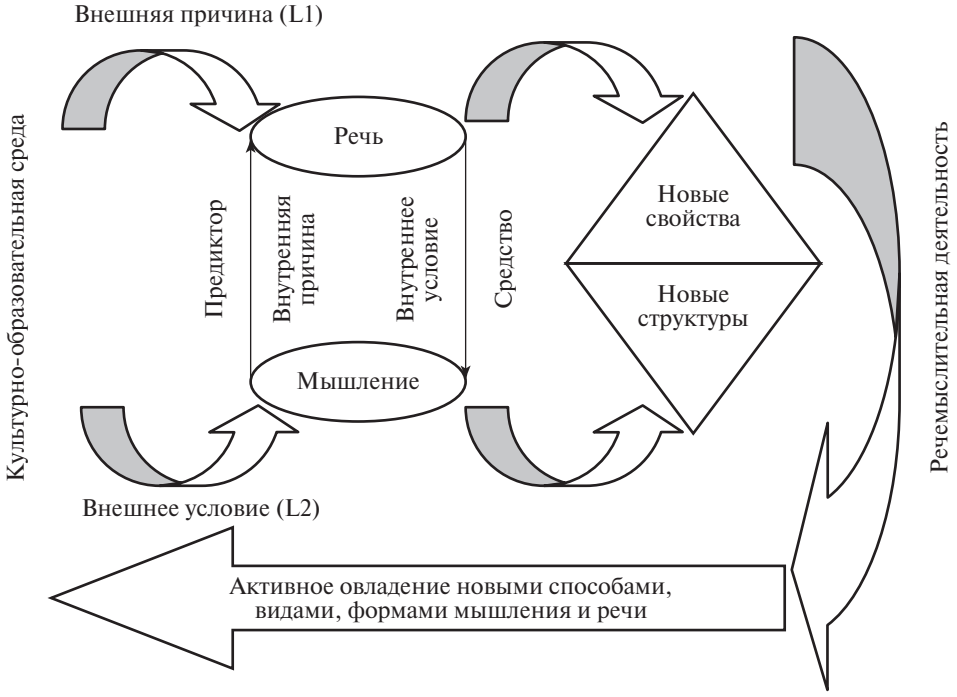
Не умаляя достоинств существующих технологий, отметим, что в современных условиях образования при технологизации процессов развития и формирования когнитивных структур возникает необходимость придерживаться современных принципов построения моделей самоорганизации (Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов, И. Пригожин, Ю.В. Сачков, В.С. Степин и др.), требующих описания развития речемыслительной деятельности (РМД) как целостной нелинейной системы, функционирование и преобразование которой объясняется действием внешних и внутренних детерминант, производящих изменения состояния и поведения самой системы [8]. На сегодняшний день целостная модель развития РМД детей-билингвов, отвечающая требованиям моделей самоорганизации, в науке не разработана.

Цели исследования — построение процессуальной модели развития РМД как целостной системы и экспериментальная проверка взаимосвязей между компонентами системы в условиях образования дошкольников и младших школьников с естественным билингвизмом.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МЛАДШИХ ШКОЛЬНИКОВ-БИЛИНГВОВ

Процессуальная модель развития РМД детей-билингвов (см. рисунок) построена в логике конструирования модели детерминации познавательных структур как сложных самоорганизующихся нелинейных систем И.Н. Погожиной [8].

Вслед за И.Н. Погожиной под *причиной* мы понимаем то, что непосредственно порождает явление как результат. Под *условием* рассматриваем то, что влияет на актуализацию причины, позволяя ей проявиться, но не порождает само явление. Под *механизмом* — процесс, описывающий, каким образом “разворачиваются” причинно-следственные связи, тем самым объясняющий, каким образом



Процессуальная модель развития речемыслительной деятельности младших школьников-билингвов: L1 — первый язык, L2 — второй язык

причина порождает следствие как результат. Поведение системы определяется как внешними воздействиями — влиянием культурно-образовательной среды, так и природой самой системы РМД, совокупностью внешних и внутренних детерминант, сложно переплетенными причинными связями. Под культурно-образовательной средой нами понимается система условий и возможностей развития субъектов образования с культуросообразным содержанием [11].

В процессуальной модели (см. рисунок) РМД младших школьников-билингвов представлена как целостная система (во взаимосвязи и взаимообусловленности речи и мышления), подчиняющаяся действию внешних и внутренних причин, внешних и внутренних условий, взаимосвязей между ними по типу инверсионного замещения.

Культурно-образовательная среда выступает *внешней причиной* порождения содержания системы РМД (состава и структуры) в ходе организованного образовательного процесса. Механизмы как собственные тенденции развития системы РМД в этом случае выступают *внутренними условиями* формирования и развития содержания речемыслительных процессов. В этих условиях речь (L1) на себя берет роль средства мышления, тем самым появляются новые свойства, способы мышления, происходит интеграция/дифференциация различных видов мышления, возникают новые (культурные) формы мышления. В результате система РМД достигает нового состояния, происходит смена причинно-следственных зависимостей.

Культурно-образовательная среда, породив содержание РМД, теперь выступает *внешним условием* дальнейшего развития "системы как целого на основе ее внутренних закономерностей функционирования до достижения системой относительно стабильного состояния" [8, с. 168]. В свою очередь, РМД как результат воздействия среды (на предыдущем цикле) в процессе своего функционирования устанавливает в своем пространстве новые связи между своими элементами, меняя конфигурацию. Закономерности как внутренние тенденции функционирования системы РМД становятся *внутренней причиной* дальнейшего изменения уровня ее развития как целого. Мышление получает роль предиктора речи (L2), тем самым появляются новые свойства речи, происходит дифференциация речевых процессов и функций, возникновение новых форм речи (в частности, письменной речи как на родном (L1), так и на других (L2) языках).

В связи с происходящими изменениями РМД как целостная система выходит на следующий более высокий уровень своего развития. Смена причинно-следственных зависимостей между средой и системой, между речью и мышлением внутри самой системы происходит до тех пор, пока новое внутреннее состояние системы во взаимодействии со средой не достигнет следующего стабильного состояния. Количество циклов и продолжительность цикличности "нестабильности/стабильности" в достижении высшей стадии развития системы РМД как обеспечиваются содержанием культурно-образовательной среды, так и определяются внутренней природой самой системы.

Эмпирическая гипотеза состоит в том, что в процессе развития РМД как целостной системы с вариативными отношениями с культурно-образовательной средой устанавливаются внутрисистемные отношения (взаимосвязи между компонентами системы) при переходе от одного цикла к другому.

МЕТОДИКА

Участники. В исследования приняли участие 152 ребенка: младшие школьники (104 чел., 47 мальчиков, 57 девочек): билингвы (N = 69) (с родным удмуртским или татарским языками) и монолингвы (N = 35) (с родным русским языком) в возрасте от 6.8 до 8.2 года (M = 7.45, Med = 7.4, SD = 0.35), старшие дошкольники (48 чел., 26 мальчиков, 22 девочки): билингвы (N = 30) (с родным удмуртским или татарским языками) и монолингвы (N = 18) (с родным русским языком) в возрасте от 5.7 до 6.7 (M = 6.14, Med = 6.1, SD = 0.30) из национальной удмуртской гимназии им. Кузебая Герда и Международного общеобразовательного комплекса "Гармония" г. Ижевска Удмуртской Республики, в которых начальное школьное и дошкольное образование ведутся с углубленным изучением родного (удмуртского/татарского/русского) языка. У детей-билингвов освоение двух языков с раннего детства происходило естественным путем в результате языкового общения в двуязычной среде: удмуртско-русской или татарско-русской.

Процедура. Исследование проводилось в следующей последовательности: 1) эмпирическое исследование в конце учебного года со старшими дошкольниками; 2) эмпирическое исследование в начале учебного года с младшими школьниками, в группу которых вошли 89.6% старших дошкольников, так как дошкольные группы являются структурными подразделениями школьных учреждений; 3) формирующий эксперимент с младшими школьниками, отобранными по определенным показателям. Обеспечивалась добровольность участия детей в свободное от занятий время с письменного разрешения родителей.

Методы, приемы. Технологический процесс проходил в двух формах: фронтальные и индивидуальные занятия с использованием активных и интерактивных методов обучения с применением технологии Edutainment для младшего школьного возраста (информационные и коммуникационные технологии в игровом формате).

Формирующий эксперимент, согласно логике построения модели, проходил последовательно в два этапа по специально разработанной программе отдельно в группах детей с разными языковыми особенностями: сначала L1-культурный дискурс на родном языке как психолого-педагогическое средство в образовательной среде (внешняя причина), потом L2-культурный дискурс на русском языке как организационная форма обучения — творческой самостоятельной деятельности (внешнее условие). Культурный дискурс понимается как вербализованная РМД в последовательности актов: объяснение (означивание) → осмысление (субъективное отношение) → применение в активном действии в условиях культуросообразного обучения (детский фольклор: сказки, прибаутки, былички, поговорки, небылицы, потешки, дразнилки, загадки и др.).

На *первом этапе* формирование РМД (на родном языке) осуществлялось экспериментатором с применением дидактических технологий: школьники-билингвы произносят; объясняют (придают значение); доказывают; осмысливают (субъективная модальность высказывания) сказанное. Цель: формирование понятийного речевого мышления (речевое действие в мыслительной деятельности: оперирование "семантическими" знаками языка (словами, предложениями) в мыслительной деятельности).

На *втором этапе* РМД (на русском языке) инициировалась в специально организованных условиях культуросообразного (русская культура) образовательного процесса: школьники-билингвы самостоятельно проектируют, моделируют сюжеты собственных сказок (активное действие в условиях культуросообразного обучения) с объяснением (анализ, синтез, сравнение, обобщение, абстрагирование, индукция, дедукция, категоризация) действий и поступков главных героев. Цель: развитие интеллектуализации речи (операциональные действия, зафиксированные в речи).

Методики. Для диагностики речевого развития, различных видов мышления, визуального (линейного), визуального (структурного), понятийного интуитивного, понятийного логического, понятийного речевого, понятийного образного, абстрактного использовался методический комплекс Л.А. Ясюковой [12]; для диагностики устной речи — тестовая методика Т.А. Фотековой (экспертная оценка); письменной речи — анализ продуктов деятельности, нарративный анализ авторских сказок. На первом этапе эксперимента весь методический инструментарий применялся на родном для школьников языке, на втором этапе — на русском языке. Реверсивный перевод (с русского языка на другой язык и обратно) вербальных заданий осуществлялся в паре лингвистами-переводчиками.

Методы обработки данных. В исследовании используется допустимый в кросскультурной психологии etic-подход, позволяющий устанавливать общие (универсальные) закономерности изучаемого явления вне культурных доменов и языковых систем [18], что дает возможность выйти на уровень построения универсальной модели.

Согласно экспериментальному плану, на первом этапе формирующего эксперимента проводился многомерный однофакторный дисперсионный анализ (ANOVA), где в качестве независимой переменной выступил показатель речевого развития (родной язык), зависимых переменных – показатели мышления. Проверялась гипотеза $H1$ о том, что по крайней мере два средних значения зависимой переменной, соответствующие разным градациям независимой переменной (фактора), различаются; при ее отклонении принималась гипотеза $H0$ о равенстве средних значений. Корректность проведения дисперсионного анализа определялась с помощью F-критерия Левена — проверки однородности дисперсий между группами ($p > 0.05$), размер эффекта — η^2 (частная эта в квадрате).

На втором этапе формирующего эксперимента проводился множественный регрессионный анализ (Linear regression, Backward (обратный пошаговый метод)), где в качестве зависимой переменной рассматривался показатель речевого развития (русский язык), независимых переменных — показатели мышления. Проверялась гипотеза $H1$ о наличии связи "зависимой" переменной с совокупностью "независимых" переменных, в противоположном варианте принималась гипотеза $H0$ — об отсутствии искомых связей. В ходе объяснения данных учитывались значения: R (коэффициент множественной регрессии), $R2$ (коэффициент множественной детерминации), критерия F-Фишера и его p-уровень значимости ($p \leq 0.05$). Обработка данных осуществлялась с помощью программы SPSS22 for Windows.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ различий билингвов и монолингвов старшего дошкольного и младшего школьного возраста на начальном этапе школьного обучения по показателям речевого развития и мышления. В результате использования методики Л.А. Ясюковой в русскоязычном варианте установлено, что у старших дошкольников-монолингвов уровень речевого развития выше среднего по сравнению с билингвами, у которых фиксируются трудности в порождении речевой деятельности на русском языке (ограниченный активный словарь, погрешности в лексико-грамматическом развертывании высказывания, непроизвольность владения речью), заниженные показатели "понятийного речевого мышления" ($U = 159$, $p = 0.045$). По результатам применения линейного регрессионного анализа выявлены вклады речевого предиктора в дисперсию зависимых переменных: "визуальное (структурное) мышление" ($B = –0.640$, $R^2 = 0.156$, $F = 4.637$, $p = 0.041$) в группе билингвов; "понятийное речевое мышление" ($B = 0.987$, $R^2 = 0.578$, $F = 21.875$, $p = 0.0001$) и "понятийное интуитивное мышление" ($B = 0.846$, $R^2 = 0.413$, $F = 11.273$, $p = 0.004$) в группе монолингвов. Более высокий процент дисперсии показателей зависимых переменных (57.8 и 41.3%) может свидетельствовать о наличии потенциала интегрированности и целостности системы. Результаты корреляционного анализа между показателями речевого развития и различными видами мышления по методу Спирмена показали, что в группе монолингвов структура РМД отличается силой и теснотой положительных связей между компонентами с тенденцией к целостности. В группе билингвов выявлена отрицательная связь между автономными сегментами визуального и речевого мышления ($r_s = –0.371$, $p = 0.043$).

В начале обучения детей в школе прослеживается сходная ситуация: младшие школьники-монолингвы по уровню речевого развития на русском языке ($U = 367$, $p = 0.005$) и понятийного речевого мышления ($U = 174$, $p = 0.0001$) опережают школьников с естественным билингвизмом.

Анализ взаимосвязей между речевым развитием и мышлением у младших школьников с естественным билингвизмом до и после формирующего эксперимента. Из всей выборочной совокупности младших школьников по показателю "речевое развитие на родном языке" были сформированы гомогенные экспериментальная (35 чел.) и контрольная (30 чел.) группы с уровнем речевого развития ниже среднего, группа контраста (39 чел.) с уровнем речевого развития выше среднего. Объединение в группы детей из разных школьных учреждений допустимо в связи с отсутствием значимых различий между ними по анализируемым признакам. Группы однородны по социально-экономическому статусу семьи: средний уровень доходов и материального положения, жилищные условия в установленных нормах, образование родителей (высшее образование в экспериментальной группе — 38%, контрольной группе — 41%, группе контраста — 43%), вовлеченности родителей в образовательный процесс ребенка, активности взаимодействия и сотрудничества со школой.

При сравнении всех показателей с помощью *U*-критерия Манна—Уитни в экспериментальной и контрольной группах значимых различий не установлено. Тогда как в группе контраста показатели визуального (структурного) ($U = 473$, $p = 0.022$), понятийного интуитивного ($U = 495$, $p = 0.037$), понятийного речевого ($U = 165$, $p = 0.001$), понятийного образного ($U = 465$, $p = 0.017$) мышления достигли "хорошего" уровня развития.

Школьники из экспериментальной группы, разделенные на подгруппы по этнокультурной принадлежности, приняли участие на первом этапе формирующего эксперимента по специально разработанной программе согласно логике построения процессуальной модели развития РМД младших школьников-билингвов. До проведения формирующего эксперимента был проведен многомерный однофакторный дисперсионный анализ, с помощью которого тестировались различия по показателям мышления между экспериментальными группами с разным уровнем речевого развития (табл. 1).

В *завершение первого этапа* формирующего эксперимента в экспериментальной группе билингвов по критерию Вилкоксона (табл. 2) получены сдвиги показателей в сторону повышения до уровня развития выше среднего. При этом максимальный скачок в повышении получил показатель "понятийное речевое мышление" ($Z = –5.899$, $p < 0.001$). Как видно, "абстрактное мышление" не получило существенных сдвигов, по нашему мнению, в связи с тем, что абстрактные структуры начинают интенсивно формироваться как закономерное обобщение и символизация сформировавшихся понятийных структур [12].

Как видно в табл. 3, максимальную разницу значений в сравнении между экспериментальной и контрольной группами получил показатель "понятийное речевое мышление".

Результаты многомерного однофакторного дисперсионного анализа показали (табл. 4), что

Таблица 1. Оценка эффекта фактора “речевое развитие” для показателей мышления в экспериментальной группе младших школьников-билингвов до первого этапа эксперимента

Зависимая переменная	Сумма квадратов S_S	Критерий Фишера F	Уровень значимости p	Размер эффекта η^2
Визуальное мышление (линейное)	26.883	6.219	0.018	0.159
Визуальное мышление (структурное)	10.631	2.285	0.140	0.065
Понятийное интуитивное мышление	1.646	0.920	0.334	0.027
Понятийное логическое мышление	49.031	14.263	0.001	0.302
Понятийное речевое мышление	110.883	17.836	0.0001	0.351
Понятийное образное мышление	20.160	4.266	0.047	0.114
Абстрактное мышление	1.786	1.907	0.177	0.055

Таблица 2. Значимые различия показателей (T-критерий Вилкоксона) в экспериментальной группе младших школьников-билингвов до и после первого этапа эксперимента

Показатель	Среднее M		Z-оценка	Уровень значимости p
	до	после		
Визуальное мышление (линейное)	8.8857	9.6571	-2.983	0.003
Визуальное мышление (структурное)	7.3714	8.5143	-3.899	0.000
Понятийное интуитивное мышление	4.5429	5.3714	-2.907	0.004
Понятийное логическое мышление	5.1714	6.9143	-3.560	0.000
Понятийное речевое мышление	7.3143	11.6571	-5.899	0.000
Понятийное образное мышление	7.3000	8.6000	-2.972	0.003
Абстрактное мышление	2.2571	2.5143	-1.319	0.187
Речевое развитие	7.3571	12.6000	-5.006	0.000

Таблица 3. Значимые различия показателей (U-критерий Манна—Уитни) в экспериментальной и контрольной группах младших школьников-билингвов после первого этапа эксперимента

Показатель	Группа	Среднее M	Критерий U	Уровень значимости p
Визуальное мышление (линейное)	Экспериментальная Контрольная	9.6571 8.7141	501.000	0.049
Визуальное мышление (структурное)	Экспериментальная Контрольная	8.5143 7.5334	478.000	0.034
Понятийное интуитивное мышление	Экспериментальная Контрольная	5.3714 4.6332	483.000	0.027
Понятийное логическое мышление	Экспериментальная Контрольная	6.9143 5.1265	505.000	0.051
Понятийное речевое мышление	Экспериментальная Контрольная	11.6571 7.4892	135.000	0.000
Понятийное образное мышление	Экспериментальная Контрольная	8.6000 7.8517	445.000	0.021
Абстрактное мышление	Экспериментальная Контрольная	2.5143 2.3681	558.000	0.321
Речевое развитие	Экспериментальная Контрольная	12.6000 7.9842	0.000	0.000

в экспериментальных группах с разным уровнем речевого развития наряду с понятийным речевым мышлением ($\eta^2 = 0.135$) появились различия по понятийному интуитивному мышлению ($\eta^2 = 0.166$). Более того, по результатам корреляционного анализа изменилась структура системы, а именно появились новые связи между ее компонентами: показателями понятийного речевого, понятийного логического, понятийного интуитивного, понятийного образного, визуального (линейного), визуального (структурного) мышления ($p < 0.01$). Вместе с тем установлена сила связи показателя “речевое развитие” с показателем “понятийное речевое мышление” ($r = 0.796$, $p = 0.0001$), что не было обнаружено до эксперимента.

Результаты экспертизы устной и письменной речи ($W = 0.72$) по методике Т.А. Фотековой показали, что школьники-билингвы из экспериментальной группы (21 чел.) с хорошим уровнем

Таблица 4. Оценка эффекта "речевое развитие" для показателей мышления в экспериментальной группе младших школьников-билингвов после первого этапа эксперимента

Зависимая переменная	Сумма квадратов S_S	Критерий Фишера F	Уровень значимости p	Размер эффекта η^2
Визуальное мышление (линейное)	5.540	1.571	0.219	0.045
Визуальное мышление (структурное)	2.858	0.694	0.411	0.021
Понятийное интуитивное мышление	6.018	6.586	0.015	0.166
Понятийное логическое мышление	0.008	0.002	0.965	0.000
Понятийное речевое мышление	37.881	5.166	0.030	0.135
Понятийное образное мышление	4.362	1.439	0.239	0.042
Абстрактное мышление	0.397	0.497	0.486	0.015

речевого развития на родном языке (удмуртском, татарском) продолжают испытывать затруднения в речевой деятельности на русском языке, касающиеся эффективности (мотивации к речевому действию (устному, письменному), создания и реализации замысла высказывания, построения речевого высказывания (предмета и темы высказывания), лексико-грамматического развертывания высказывания, операционализации действий в речевой деятельности (интеллектуализации речи)) и продуктивности (скорости, гибкости, безошибочности, самостоятельности) речевой активности [4; 5].

В связи с этим билингвы (удмурты (10 чел.), татары (11 чел.)) продолжили участие на втором этапе формирующего эксперимента по разработанной программе согласно логике построения процессуальной модели развития РМД младших школьников-билингвов.

В *завершение второго этапа* формирующего эксперимента по данным экспертной оценки устной речи ($W = 0.78$) по методике Т.А. Фотековой и анализа детского сказочного нарратива обнаружено, что билингвы из экспериментальной группы превзошли контрольную и достигли показателей речевого развития на русском языке билингвов из группы контраста, а по определенным показателям получили наибольшие значения, в частности по коммуникативным намерениям, лексико-грамматическому развертыванию (выбору слов) устного пересказа. В целом зафиксированы интенсивная дифференциация речевых процессов (аудирования, говорения, чтения на русском языке), дифференциация функций речи (семантической, рефлексивной), усиление интеллектуализации русской речи (операциональные действия, зафиксированные в речи), появление новых форм речи (письменной речи).

Психолингвистический анализ письменной речи (авторских сказок в письменной форме на родном и русском языках) был дополнен лингвокультурными характеристиками сказочного дискурса. По результатам нарративного анализа установлено, что в большинстве своем авторские сказки детей-билингвов проактивны по типу нарратива, оптимистичны по тону нарратива. Главные герои и персонажи в своих намерениях стремятся достичь поставленной цели, получая награду или поощрение за свои деяния. Сказки на родном языке в большей мере воплощают в себе ценности субъектной активности (самостоятельность), тогда как на русском — ценности взаимоотношения и взаимодействия с другими (дружба, взаимопомощь, забота о других, терпимость).

Множественный регрессионный анализ (табл. 5), где в качестве зависимой переменной рассматривался показатель речевого развития на русском языке, а независимыми переменными выступили показатели семи видов мышления, выявил эффект понятийного речевого мышления на показатели речевого развития ($F = 34.92$, $p = 0.0001$, $R^2 = 0.660$). С помощью показателя понятийного речевого мышления объяснено 66% дисперсии показателя, характеризующего уровень речевого развития на русском языке. Критерий согласия распределения показателей Колмогорова—Смирнова получил

Таблица 5. Результаты множественного регрессионного анализа речевого развития (русский язык) в экспериментальной группе младших школьников-билингвов после второго этапа эксперимента

Модель окончательная 7	Нестандартизированные коэффициенты		Стандартизированные коэффициенты	T	Уровень значимости p
	B	Стандартная ошибка	β (beta)		
Константа	3.703	1.623		2.281	0.035
Понятийное речевое мышление	0.713	0.121	0.812	5.909	0.000

Примечание. Переменные, выводимые на шаге 7: зависимая переменная — уровень речевого развития (русский язык).

значения при $p > 0.05$. Коэффициенты корреляции по Пирсону между регрессорами распределились от 0.006 до 0.609, что позволяет говорить об отсутствии высокой мультиколлинеарности.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Результаты корреляционного анализа на выборке старших дошкольников-билингвов продемонстрировали размытость структуры РМД с наличием отрицательной связи между компонентами. Средствами регрессионного анализа установлен вклад речевого развития в дисперсию визуального мышления ($R^2 = 0.156$, $F = 4.637$, $p = 0.041$) с отрицательным нестандартизированным коэффициентом регрессии ($B = –0.640$).

Сложно не согласиться, что вне направляющих принципов организации развития, без предрасполагающих факторов трудно спрогнозировать процесс развития когнитивных структур растущего человека [3]. С началом целенаправленного обучения детей [2] происходит интенсивная интеграция — “внутренняя сплоченность дифференцированных систем” [1], “подвижная подстройка частных систем по отношению друг другу” [6] в системе речемыслительных функций детей. Обогащенная среда обеспечивает образование новых компонентов и уровней в системе, включенных в конфликтные взаимодействия с образованиями предшествующих и только что возникших, что становится предпосылкой формирования целостности, отличающейся новым уровнем интегрированности и дифференцированности [9].

На основе требований к современным моделям самоорганизации [8] нами была построена теоретическая процессуальная модель развития РМД младших школьников-билингвов как сложной открытой нелинейной системы (см. рисунок), включающей в себя комплекс внешних причин: культурно-образовательной среды, порождающей систему, и внутренних условий, обеспечиваемых психологическими механизмами интериоризации, а также внешних условий: культурно-образовательной среды, не порождающей, а инициирующей саморазвитие системы, и внутренних причин, к которым относятся психологические закономерности, механизм взаимосвязи между внутренними и внешними детерминантами по типу инверсионного замещения.

По результатам первого этапа формирующего эксперимента с помощью T-критерия Вилкоксона в экспериментальной группе билингвов (с уровнем речевого развития на родном языке ниже среднего) выявлены существенные сдвиги значений компонентов РМД с превышением среднего уровня, при этом максимальный скачок в повышении зафиксирован у показателя понятийного речевого мышления. Вместе с тем абстрактное мышление не получило существенных изменений в связи с тем, что абстрактные структуры в младшем школьном возрасте начинают интенсивно формироваться при условии максимальной интегрированности других когнитивных структур. Корреляционный анализ продемонстрировал усиление интеграции системы с появлением новых связей между ее компонентами, образованием новых структур, при этом наибольшую силу взаимосвязи получили показатели речевого развития и понятийного речевого мышления. С помощью однофакторного дисперсионного анализа наряду с понятийным речевым мышлением выявлены различия по показателю понятийного интуитивного мышления в группах с разным уровнем речевого развития на родном языке. Здесь уместно сослаться на экспериментальные данные Н.Н. Поддьякова [10, с. 104] о том, что тесная взаимосвязь форм мышления детей в определенных условиях приводит к их синтезу в целостную, принципиально новую и более высокую форму, обозначенную как интуитивное мышление. Стало быть, содержащийся в интегрированном целом потенциал приводит к дифференциации системы, а значит, появлению новых элементов, форм, подсистем.

По результатам второго этапа формирующего эксперимента в экспериментальной группе билингвов с затруднениями в речевой деятельности на русском языке установлено улучшение показателей речевого развития, касающихся эффективности (мотивации к речевому действию (устному, письменному), создания и реализации замысла высказывания, построения речевого высказывания (предмета и темы высказывания), лексико-грамматического развертывания высказывания и продуктивности (скорости, гибкости, безошибочности, самостоятельности) речевой активности на русском языке. В целом зафиксированы интенсивная дифференциация речевых процессов (аудирования, говорения, чтения на русском языке), дифференциация функций речи (семантической, рефлексивной), усиление интеллектуализации русской речи (операциональные действия, зафиксированные в речи), появление письменной речи на родном и русском языках. По результатам множественного регрессионного анализа установлен эффект понятийного речевого мышления на показатели речевого развития на русском языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Представленная в статье авторская теоретическая процессуальная модель развития РМД младших школьников-билингвов как целостной системы (во взаимосвязи и взаимообусловленности речи и мышления) в образовательной ситуации разработана в соответствии с требованиями постнеклассической рациональности к построению моделей самоорганизации. В модели развитие РМД как целостной системы осуществляется в последовательном разворачивании процессов под воздействием внешних причин (культурно-образовательная среда, первый язык) и внутренних условий (психологические механизмы), внешних условий (культурно-образовательная среда, второй язык) и внутренних причин (психологические закономерности) и взаимосвязей между причинами и условиями по типу инверсионного замещения.

Результаты формирующего эксперимента подтвердили, что в процессе развития РМД как целостной системы с вариативными отношениями с культурно-образовательной средой устанавливаются внутрисистемные отношения (взаимосвязи между компонентами системы) при переходе от одного цикла к другому. Когда культурный дискурс на родном языке является психолого-педагогическим средством в образовательной среде, усиливается интеграция системы с появлением новых связей между ее компонентами (изменяется структура системы), устанавливаются доли дисперсии зависимых переменных (понятийного речевого и понятийного интуитивного мышления), объясняемые вариацией независимой переменной (речевое развитие на родном языке). Когда культурный дискурс на русском языке становится организационной формой обучения, а именно творческой самостоятельной деятельности, происходит дифференциация речевых процессов и функций, появляется письменная речь, устанавливается вклад понятийного речевого мышления в дисперсию речевого развития на русском языке.

В дальнейшем работа будет направлена на верификацию авторской теоретической процессуальной модели развития РМД как сложной открытой нелинейной системы с использованием современных методов математического моделирования, эмпирическим контролем психолого-педагогической интервенции в вариативной культурно-образовательной среде, увеличением объема экспериментальной выборки детей с языковой вариабельностью.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Волкова Е.В.* Единство дифференционно-интеграционных механизмов развития специальных способностей и креативности в контексте роста научных знаний // Психологический журнал. 2014. Т. 35. № 1. С. 54–70.
2. *Выготский Л.С.* Основы дефектологии. СПб.: Лань, 2003.
3. *Журавлев А.Л.*, *Сергиенко Е.А.* Принцип развития в психологии // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 29–40.
4. *Зимняя И.А.* Лингвопсихология речевой деятельности. М.: Московский психолого-социальный институт; Воронеж: НПО “МОДЭК”, 2001.
5. *Леонтьев А.А.* Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. Изд. 3-е, стер. М.: URSS, 2005.
6. *Луман Н.* Дифференциация / Пер. с нем. Б. Скуратов. М.: Логос, 2006.
7. *Медведева Д.С.*, *Хотинец В.Ю.*, *Вяткин Б.А.* Неравновесность интеграции и дифференциации речемыслительных функций у детей-билингвов в период после дошкольного возраста // Фундаментальные и прикладные исследования современной психологии: результаты и перспективы развития / Отв. ред. А.Л. Журавлев, В.А. Кольцова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2017. С. 1354–1361.
8. *Погожина И.Н.* Детерминация формирования и развития познавательных структур в системе постнеклассической рациональности: Дисс. ... д-ра психол. наук. М., 2016.
9. *Поддьяков А.Н.* Сравнительная психология развития Х. Вернера в современном контексте // Культурно-историческая психология. 2007. № 1. С. 63–72.
10. *Поддьяков Н.Н.* Доминирование процессов интеграции в развитии детей дошкольного возраста // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 5. С. 103–111.
11. *Хотинец В.Ю.*, *Плетников А.И.* Согласованность индивидуальных и культурных ценностей как фактор защищенности подростков от буллинга в школьной среде // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 72–85.
12. *Ясюкова Л.А.* Методика определения готовности к школе. Прогноз и профилактика проблем обучения в начальной школе. Методическое руководство. СПб.: ГП ИМАТОН, 2008.
13. *Adesope O.O.*, *Lavin T.*, *Thompson T.*, *Ungerleider C.* A systematic review and meta-analysis of the cognitive correlates of bilingualism // Review of Educational Research. 2010. V. 80. № 2. P. 207–245.
14. *Bialystok E.*, *Craik F.I.M.*, *Luk G.* Cognitive control and lexical access in younger and older bilinguals // Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 2008. V. 34. № 4. P. 859–873.

15. *Bialystok E.*, *Craik F.I.M.*, *Klein R.*, *Viswanathan M.* Bilingualism, aging, and cognitive control: Evidence from the Simon task // Psychology and Aging, 2004. V. 19. № 2. P. 290–303.

16. *Bialystok E.*, *Poarch G.J.*, *Luo L.*, *Craik F.I.M.* Effects of bilingualism and aging on executive function and working memory // Psychology and aging. 2014. V. 29. № 3. P. 696–705.

17. *Costa A.*, *Hernandez M.*, *Sebastian-Galles N.* Bilingualism aids conflict resolution: evidence from the ANT task // Cognition. 2008. V. 106. № 1. P. 59–86.

18. *Berry J.W. et al.* Cross-cultural psychology: Research and applications / 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.

19. *Cummins J.* Language, Power, and Pedagogy: Bilingual Children in the Crossfire. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2000.

20. *Lehtonen M.*, *Soveri A.*, *Laine A.*, *Järvenpää J.*, *de Bruin A.*, *Antfolk J.* Is bilingualism associated with enhanced executive functioning in adults? A meta-analytic review // Psychological Bulletin. 2018. V. 144. № 4. P. 394–425.

21. *Mindt M.R.*, *Arentoft A. et al.* Neuropsychological, cognitive, and theoretical considerations for evaluation of bilingual individuals // Neuropsychology Review. 2008. V. 18. № 3. P. 255–268.

22. *Ricciardelli L.A.* Bilingualism and cognitive development in relation to threshold theory // Journal of Psycholinguistic Research. 1992. V. 21. № 4. P. 301–316.

23. *Skutnabb-Kangas T.*, *May S.* Linguistic Human Rights in Education // T. McCarty, S. May (Eds.). Language Policy and Political Issues in Education. Encyclopedia of Language and Education. Springer, Cham., 2017. P. 125–141.

24. *Trudell B.* Language choice, education and community identity // International Journal of Educational Development. 2005. V. 25. № 3. P. 237–251.

PECULIARITIES OF SPEECH-THINKING ACTIVITY IN CHILDREN WITH MONOLINGUALISM AND NATURAL BILINGUALISM

V. Yu. Khotinets*, D. S. Medvedeva**

Udmurt State University;
426034, *Izhevsk*, *Universitetskaya str.*, *1*, *Russia*.
**ScD* (*Psychology*), *Professor*, *Head of General Psychology Chair*.
E-mail: *khotinets@mail.ru*
***Post Graduate*, *General Psychology Chair*.
E-mail: *medvedevadarya23@yandex.ru*

Received 19.08.2019

Abstract. Theoretical procedural model of speech-thinking activity development in primary school children with natural bilingualism under educational situation that meets modern requirements for self-organization models is constructed. The study involved 152 children, senior preschoolers and junior schoolchildren, bilinguals and monolinguals. The results of formative experiment confirmed the establishment of intra-system relations (relationships between the components of the system) in transition from one cycle to another in development of speech-thinking activity as an integral system with variable relations with cultural and educational environment. It is shown that in situation where cultural discourse in the native language is a psychological and pedagogical tool in educational environment, the integration of the system increases and new connections between its components (the structure of the system changes) appears, the proportions of dependent variables' (conceptual speech and conceptual intuitive thinking) variance that can be explained by the variance of independent variable (speech development) are established. When cultural discourse in Russian becomes an organizational form for learning-creative independent activity the differentiation of speech processes and functions becomes apparent, written speech appears and contribution of conceptual speech thinking to the variance of speech development is established.

Keywords: self-organization model, integral system, intra-system connections, cultural and educational environment, educational situation, cultural discourse, speech-thinking activity, bilinguals, primary school age.

REFERENCES

1. *Volkova E.V.* Edinstvo differencionno-integracionnyh mehanizmov razvitija special'nyh sposobnostej i kreativnosti v kontekste rosta nauchnyh znanij. Psikhologicheskii zhurnal. 2014. V. 35. № 1. P. 54–70. (In Russian)
2. *Vygotskii L.S.* Osnovy defektologii. Saint Petersburg: Lan', 2003. (In Russian)
3. *Zhuravlev A.L.*, *Sergienko E.A.* Princip razvitija v psihologii. Psikhologicheskii zhurnal. 2017. V. 38. № 4. P. 29–40. (In Russian)
4. *Zimnjaja I.A.* Lingvopsihologija rechevoj dejatel'nosti. Moscow: Moskovskij psihologo-social'nyj institut; Voronezh: NPO "MODJeK", 2001. (In Russian)
5. *Leont'ev A.A.* Psiholingvisticheskie edinicy i porozhdenie rechevogo vyskazyvanija. Izd. 3-e, ster. Moscow: URSS, 2005. (In Russian)
6. *Luman N.* Differenciacija. Per. s nem. B. Skuratov. Moscow: Logos, 2006. (In Russian)
7. *Medvedeva D.S.*, *Hotinec V.Ju.*, *Vjatkin B.A.* Neravnovesnost' integracii i differenciacii rechemyslitel'nyh funkcij u detej-bilingvov v period posle doshkol'nogo vozrasta. Fundamental'nye i prikladnye issledovanija sovremennoj psihologii: rezul'taty i perspektivy razvitija. Ed. A.L. Zhuravljov, V.A. Kol'cova. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2017. P. 1354–1361. (In Russian)
8. *Pogozhina I.N.* Determinacija formirovanija i razvitija poznavatel'nyh struktur v sisteme postneklassicheskoj racional'nosti: Diss. ... d-ra psihol. nauk. Moscow, 2016. (In Russian)
9. *Podd'jakov A.N.* Sravnitel'naja psihologija razvitija H. Vernera v sovremennom kontekste. Kul'turno-istoricheskaja psihologija. 2007. № 1. P. 63–72. (In Russian)
10. *Podd'jakov N.N.* Dominirovanie processov integracii v razvitii detej doshkol'nogo vozrasta. Psikhologicheskii zhurnal. 1997. V. 18. № 5. P. 103–111. (In Russian)
11. *Hotinec V.Ju.*, *Pletnikov A.I.* Soglasovannost' individual'nyh i kul'turnyh cennostej kak faktor zashhishhennosti podrostkov ot bullinga v shkol'noj srede. Psikhologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 4. P. 72–85. (In Russian)
12. *Jasjukova L.A.* Metodika opredelenija gotovnosti k shkole. Prognoz i profilaktika problem obuchenija v nachal'noj shkole. Metodicheskoe rukovodstvo. Saint Petersburg: GP IMATON, 2008. (In Russian)
13. *Adesope O.O.*, *Lavin T.*, *Thompson T.*, *Ungerleider C.* A systematic review and meta-analysis of the cognitive correlates of bilingualism. Review of Educational Research. 2010. V. 80. № 2. P. 207–245.
14. *Bialystok E.*, *Craik F.I.M.*, *Luk G.* Cognitive control and lexical access in younger and older bilinguals. Journal of Experimental Psychology: Learning, Memory, and Cognition. 2008. V. 34. № 4. P. 859–873.
15. *Bialystok E.*, *Craik F.I.M.*, *Klein R.*, *Viswanathan M.* Bilingualism, aging, and cognitive control: Evidence from the Simon task. Psychology and Aging, 2004. V. 19. № 2. P. 290–303.
16. *Bialystok E.*, *Poarch G.J.*, *Luo L.*, *Craik F.I.M.* Effects of bilingualism and aging on executive function and working memory. Psychology and aging. 2014. V. 29. № 3. P. 696–705.
17. *Costa A.*, *Hernandez M.*, *Sebastian-Galles N.* Bilingualism aids conflict resolution: evidence from the ANT task. Cognition. 2008. V. 106. № 1. P. 59–86.
18. *Berry J.W. et al.* Cross-cultural psychology: Research and applications. 3rd ed. Cambridge: Cambridge University Press, 2011.
19. *Cummins J.* Language, Power, and Pedagogy: Bilingual Children in the Crossfire. Clevedon, UK: Multilingual Matters, 2000.
20. *Lehtonen M.*, *Soveri A.*, *Laine A.*, *Järvenpää J.*, *de Bruin A.*, *Antfolk J.* Is bilingualism associated with enhanced executive functioning in adults? A meta-analytic review. Psychological Bulletin. 2018. V. 144. № 4. P. 394–425.
21. *Mindt M.R.*, *Arentoft A. et al.* Neuropsychological, cognitive, and theoretical considerations for evaluation of bilingual individuals. Neuropsychology Review. 2008. V. 18. № 3. P. 255–268.
22. *Ricciardelli L.A.* Bilingualism and cognitive development in relation to threshold theory. Journal of Psycholinguistic Research. 1992. V. 21. № 4. P. 301–316.
23. *Skutnabb-Kangas T.*, *May S.* Linguistic Human Rights in Education. T. McCarty, S. May (Eds.). Language Policy and Political Issues in Education. Encyclopedia of Language and Education. Springer, Cham., 2017. P. 125–141.
24. *Trudell B.* Language choice, education and community identity. International Journal of Educational Development. 2005. V. 25. № 3. P. 237–251.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 36–44

КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9.019

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ОТНОШЕНИЙ В. Н. МЯСИЩЕВА: УЧЕНИЕ О НЕВРОЗАХ И ПСИХОТЕРАПИЯ

© 2021 г. Г. Л. Исурина[1,*], Э. Б. Карпова[1,], А. Л. Журавлев[2,***]**

[1]Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9, Россия.
[2]ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
[*]Кандидат психологических наук, профессор кафедры медицинской психологии и психофизиологии.
E-mail: g.isurina@spbu.ru
[**]Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии кризисных и экстремальных ситуаций.
E-mail: e.karpova@spbu.ru
[***]Академик РАН, профессор, научный руководитель Института психологии РАН.
E-mail: ALZhuravlev2018@yandex.ru

Поступила 01.12.2020

Аннотация. Высокий научный потенциал идеи об отношении как единице психологического анализа подтверждается созданным В.Н. Мясищевым целостным подходом к проблеме личности, ее нарушениям и психологическим вмешательствам, направленным на их коррекцию. Объединенные концептуальным единством теория отношений личности, концепция психологического происхождения невротических расстройств и психотерапевтическая система являются уникальным в отечественной психологии подходом, восполняющим недостаток психотерапевтической практики в четкой теоретической обоснованности. В статье предпринята попытка рассмотреть содержание патогенетической концепции неврозов и психотерапии В.Н. Мясищева во взаимосвязи с психологией отношений.

Ключевые слова: история психологии, психология отношений, нарушение системы отношений, неврозы, психогении, невротический конфликт, патогенетическая концепция неврозов и психотерапии, личностно-ориентированная (реконструктивная) психотерапия.

DOI: 10.31857/S020595920014238-7

Статья, в которой была предпринята попытка систематизированно изложить психологическую концепцию отношений В.Н. Мясищева и показать ее высокий потенциал для теоретической и практической психологии, опубликована в “Психологическом журнале” в 2020 г. [11]. В наиболее явном и законченном виде выдвинутые в теории отношений идеи воплотились ее автором, его учениками и последователями в клинической психологии и медицине.

Разработанная В.Н. Мясищевым теория личности как системы отношений явилась методологической основой для формирования психологической концепции происхождения невротических расстройств и психотерапевтической системы (патогенетической концепции неврозов и психотерапии). Все три концепции образуют теоретическое единство, являющееся отличительной чертой основных направлений психотерапии, получивших практическое применение и эмпирически подтвердивших свою эффективность [3; 5; 6; 10].

Проблема теоретической обоснованности психотерапевтических вмешательств является чрезвычайно актуальной, поскольку широко использующиеся в практике методы психотерапии не всегда имеют в своей основе отчетливые теоретические представления о норме и патологии, наличие которых является необходимым условиям формирования любой лечебной системы. Теоретическая обоснованность различных направлений психотерапии состоит в их взаимосвязи с психологическими теориями, прежде всего концепциями личности, которые, наряду с представлениями о структуре, мотивации и развитии личности, содержат представления о психологическом благополучии и психическом здоровье, личностных нарушениях и их причинах, возможностях изменений в процессе психотерапии. Именно психологические теории предоставляют возможности для раскрытия

специфичного для данной психотерапевтической системы содержания понятий “норма” и “патология” применительно к личности. В качестве концепции нормы выступает концепция личности, которая определяет основные детерминанты развития и функционирования человека. Концепция патологии — это “этиология” (причины и условия возникновения и развития) невротических расстройств, которые рассматриваются в контексте соответствующих представлений о норме. Именно теоретические представления, раскрывающие психологическое содержание понятий “норма” и “патология”, определяют общую направленность психотерапевтических вмешательств, их задачи, тактику и стратегию психотерапевта, методы, продолжительность и интенсивность воздействия.

В отечественной психологии, безусловно, существуют психологические концепции, которые могли бы послужить основой для разработки представлений о психологической природе невротических расстройств и создания соответствующей психотерапевтической системы. И здесь прежде всего следует назвать психологию деятельности А.Н. Леонтьева. Однако московская психологическая школа традиционно была связана с психиатрической и нейрохирургической клиниками, что способствовало созданию таких мощных направлений отечественной клинической психологии, как патопсихология и нейропсихология. До 70-х годов XX в. проблема невротических расстройств не была в фокусе внимания московской школы психиатрии и клинической психологии. Ленинградская школа клинической психологии, основоположник которой В.Н. Мясищев был учеником выдающихся русских ученых В.М. Бехтерева и А.Ф. Лазурского, напротив, самым тесным образом была связана с неврозологией, что создавало возможности для развития как теоретических представлений о природе невротических расстройств и их психотерапии, так и практического использования и эмпирической проверки разработанной психотерапевтической системы.

К сожалению, В.Н. Мясищев, автор психологии отношений, не оставил отдельного труда, в котором было бы систематизированно представлено во всей своей полноте изложение психологии личности, концепции неврозов и психотерапевтической системы.

В этой статье предпринята попытка в тесной связи с психологией отношений рассмотреть психологическое содержание патогенетической концепции неврозов и психотерапии В.Н. Мясищева на основании анализа его теоретических представлений о личности как системе отношений, а также результатов многолетних исследований, проведенных в Санкт-Петербургском научно-исследовательском психоневрологическом институте им. В.М. Бехтерева под руководством Б.Д. Карвасарского — ученика и последователя В.Н. Мясищева, внесшего огромный вклад в дальнейшее развитие и практическое внедрение идей своего учителя [1; 2; 4–10; 12; 13; 18; 20; 21].

ПАТОГЕНЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ НЕВРОЗОВ В.Н. МЯСИЩЕВА

Подход к пониманию природы невротических расстройств исторически характеризовался двумя направлениями: биологическим и психологическим [8]. Патогенетическая концепция неврозов В.Н. Мясищева является единственной в отечественной неврозологии концепцией психологического происхождения невротических расстройств.

Существующие подходы к пониманию этиопатогенеза невротических расстройств, учитывающие, наряду с другими факторами, и роль фактора психологического, как правило, понимают его достаточно ограниченно. Невроз рассматривают либо как нарушение функционирования какого-либо органа или системы организма под воздействием сильных переживаний, либо как следствие блокирования ведущей потребности, либо как результат наличия определенных “невротических” личностных черт. В.Н. Мясищев рассматривает невроз как глобальное личностное нарушение и определяет его как заболевание, имеющее психогенное происхождение, “...в основе которого лежит неудачно, нерационально и непродуктивно разрешаемое личностью противоречие между нею и значимыми для нее сторонами действительности, вызывающее болезненно тягостные для нее переживания... Неумение найти рациональный и продуктивный выход влечет за собой психическую и физиологическую дезорганизацию личности” [14, с. 424].

В.Н. Мясищевым сформулирован ряд положений, раскрывающих содержание категории “психогенное заболевание” [14]. Во-первых, возникновение психогенного заболевания связано с личностью больного и его отношениями, с психотравмирующей ситуацией и ее субъективной неразрешимостью, т.е. неспособностью личности с ее определенными особенностями именно эту ситуацию разрешить. Во-вторых, возникновение и течение невроза связаны с патогенной ситуацией и переживаниями личности; наблюдается определенное соответствие между динамикой клинического состояния больного и изменениями психотравмирующей

ситуации. В-третьих, клинические проявления невроза представляют собой патологическую фиксацию тех или иных переживаний и по своему содержанию связаны с наиболее значимыми отношениями, наиболее сильными и глубокими потребностями и стремлениями личности. В-четвертых, отмечается более высокая эффективность психотерапевтических методов по сравнению с биологическими.

В рамках патогенетической концепции *невроз* понимается как "...психогенное (как правило, конфликтогенное) нервно-психическое расстройство, возникающее в результате нарушения особо значимых жизненных отношений личности и проявляющееся в специфических клинических феноменах при отсутствии психотических явлений" [14, с. 15]. Рассматривая невроз как результат нарушения системы отношений, В.Н. Мясищев, по сути, нигде точно не раскрывает содержание понятий "нарушение отношения" или "нарушение системы отношений". Он лишь указывает, что "для невроза как болезни личности исходным и определяющим является нарушение отношений" [14, с. 27]. Несмотря на отсутствие четкого определения понятия "нарушение отношения", в трудах В.Н. Мясищева мы находим указание на то, что *нарушение отношения* понимается им как нарушение его отдельных характеристик. В этой связи представляется, что при анализе категорий "нарушенное отношение", "нарушение системы отношений" следует опираться на сущностные характеристики отношения, выделенные В.Н. Мясищевым, — целостность, сознательность, избирательность, активность, а также рассматривать отношение в контексте когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов и их дисбаланса.

Нарушение сущностных характеристик отношения проявляется в неадекватном отражении его объекта во всей своей полноте, дезинтеграции его различных сторон и характеристик, а также в несбалансированности представленных в отношении характеристик объекта и субъекта (*целостность*), в недостаточном уровне осознания (*сознательность*), неадекватной оценке истинной значимости конкретного отношения (*избирательность*), неспособности выполнять функцию регуляции поведения (*активность*).

Нарушение *когнитивного* компонента обусловлено как недостаточным знанием об объекте отношения, так и недостаточным раскрытием и пониманием его сущности и смыслов. Нарушение *эмоционального* компонента отношения состоит прежде всего в его противоречивости, гипертрофированности, что, в свою очередь, нарушает избирательность отношения и снижает его активность. Нарушение *поведенческого* компонента можно рассматривать как вторичное, связанное с искажением когнитивного и эмоционального компонентов, что проводит к формированию неадекватных способов реагирования на объект отношения и более общих поведенческих стереотипов.

Нарушение отношения, возникающее либо в процессе его формирования, либо вследствие его ригидности, неспособности пластично изменяться вслед за изменениями объекта или реальной ситуации, может, в частности, выражаться в преобладании характеристик субъекта над характеристиками объекта и рассматриваться как результат дисбаланса между когнитивными и эмоциональными характеристиками отношения или их неадекватности. Наиболее частый вариант такого дисбаланса заключается в преобладании гипертрофированного эмоционального компонента над искаженным когнитивным.

Таким образом, термин "нарушение отношения" следует понимать как нарушение его характеристик разного уровня, ведущее к неспособности отношения выполнять две его основные функции — адекватное отражение реальности и эффективная регуляция поведения. Следует подчеркнуть, что неточности в отражении реальности не связаны с когнитивными дефицитами, а являются результатом дисбаланса между характеристиками объекта и субъекта, представленными в отношении. Преобладание характеристик субъекта в отношении означает, по сути, доминирование эмоционального компонента отношения, который при своей гипертрофированности (как положительной, так и отрицательной модальности) может в значительной степени искажать восприятие реальности.

Представляется, что в описываемом контексте понятие "нарушение" следует рассматривать не столько применительно к отдельным отношениям, сколько ко всей системе в целом. Нарушение состоит прежде всего в рассогласованности (дискордантности) системы, что связано с важнейшим ее свойством — иерархичностью и выражается в дезорганизации иерархических связей внутри системы, наличии в ней одинаково значимых для личности, но противоречащих друг другу отношений, разрыве связей между отдельными отношениями или между блоками отношений.

Нарушения системы отношений формируются в процессе индивидуального развития под воздействием различных факторов. Наибольшее значение как понимания для содержания конкретного отношения, так и причин его неадекватности имеют *микросоциальные влияния*, прежде всего особенности

воспитания, эмоционально-психологические воздействия в детстве и на протяжении всей жизни человека. Система отношений, сформировавшаяся вследствие неблагоприятных психологических воздействий, характеризуется наличием неадекватных отношений или нарушением своей структурной (иерархической) согласованности, в результате чего система отношений становится неспособной обеспечить полноценное функционирование и дальнейшее развития личности. В.Н. Мясищев подчеркивал, что важнейшим фактором развития этих расстройств является место отношения в иерархии всей системы. Нарушение отношений становится источником болезненного переживания, психологических проблем и конфликтов в том случае, если они "занимают центральное или, по крайней мере, *значимое* место в системе отношений личности. Их *значимость* (курсив наш. — *Авт*.) является условием аффективного напряжения и аффективной реакции" [14, с. 237]. Таким образом, нарушение наиболее значимых элементов системы отношений влечет за собой наиболее "тяжелые" последствия для личности, при этом личностное функционирование нарушается в более широком диапазоне, более глубоко и более интенсивно.

Результаты исследований, проведенных под руководством Б.Д. Карвасарского, позволили более четко определить характер нарушений системы отношений [1; 5; 20; 21]. Эмпирические данные свидетельствуют, что нарушения системы отношений при неврозах носят более выраженный характер, чем нарушение отдельных наиболее значимых отношений личности, и состоят в дезинтеграции всей системы за счет нарушения практически всех значимых отношений [1; 2; 4; 5; 20]. В основе такого глобального нарушения лежат неадекватное отношение к себе и связанная с ним самооценка, которая, являясь системообразующей, вовлекает в этот процесс практически все значимые отношения личности. Под нарушением *отношения к себе* понимается как недостаточное осознание или искажение многих аспектов собственного "Я" (когнитивный компонент), так и эмоционально неблагоприятная оценка себя (эмоциональный компонент).

Результаты исследований свидетельствуют о том, что для невротических пациентов характерна низкая самооценка все зависимости от формы невроза. Являясь результатом индивидуального развития под воздействием ряда неблагоприятных факторов, прежде всего особенностей воспитания, она играет важнейшую роль в формировании, усилении и фиксации нарушений всей системы отношений. Эмоционально неблагоприятное отношение к себе находит выражение не только в низкой самооценке, но и в отношениях к тем объектам или явлениям, которые могут рассматриваться как результаты собственных достижений. Недостаточная осознанность этих отношений в сочетании с эмоционально неблагоприятной их окраской влечет за собой нарушение регулятивной функции, вследствие чего отдельные отношения и система отношений в целом не могут выступать в качестве адекватного регулятора поведения, а выполняют защитную функцию, ограничивая деятельность личности сферами, не угрожающими самооценке. Формирующееся ограничительное поведение обусловливает объективное снижение реального уровня достижений, вторично оказывающее негативное воздействие на отношение к себе и самооценку.

Неадекватность системы отношений приводит к неспособности человека конструктивным образом разрешать собственные интрапсихические и межличностные *конфликты*. Однако интрапсихические конфликты сами по себе не являются невротическими, а могут рассматриваться как существенные факторы развития человеческой личности. Следует подчеркнуть, что в самой природе системы отношений есть латентная активность, выбор между доминированием в данный момент того или иного отношения, выбор отношения, которое в конкретный отрезок времени будет регулировать поведение и активность человека. Осознание, анализ, разрешение и преодоление таких конфликтов предполагают активную деятельность личности, развитие самых разнообразных ее способностей, формирование более высокого уровня развития и иерархии потребностей. Результатом такой деятельности является повышение функциональных возможностей человека, совершенствование его системы отношений, т.е. активизация процесса личностного развития. Однако нарушенная система отношений (особенно в том случае, если нарушенными, неадекватными являются наиболее значимые для личности отношения, прежде всего отношение к себе) не позволяет человеку конструктивным образом разрешить внутренний психологический конфликт, характеризуется индивидуальной и относительной неразрешимостью. Это приводит к росту *нервно-психического напряжения* (тревоги), "наиболее яркой и заметной стороной которого является аффективное напряжение; оно, в свою очередь, обостряет противоречие, затрудняет рациональное решение, создавая конфликты, повышая неустойчивость и возбудимость человека, углубляя и болезненно фиксируя переживания" [14, с. 239]. Возникающие новые конфликты в сфере межличностного взаимодействия, уже вторично усиливают внутренний конфликт, обостряя и порождая новые трудности и противоречия, что,

в свою очередь, ведет к новому витку роста нервно-психического напряжения. Нарастающая тревога влечет за собой функциональную дезорганизацию личности, которая проявляется как на личностном уровне, так и на уровне физиологических сдвигов. Включение *механизмов психологической защиты* лишь на непродолжительный срок может привести к некоторому снижению тревоги. В целом их действие в ситуации хронического внутреннего конфликта, вызванного нарушениями системы отношений, не является эффективным, так как приводит не к конструктивному разрешению конфликта, а, напротив, к его хронизации.

Патогенная (*психотравмирующая*) *ситуация*, провоцирующая манифестацию невротических расстройств, как правило, объективно не является высокотравматичной. В.Н. Мясищев подчеркивал, что "понятием патогенной ситуации широко пользуются, но часто неправильно отождествляют его с понятием внешних условий. Патогенная ситуация представляет то положение, в котором оказывается личность, с ее качествами (преимуществами и недостатками), сочетанием условий, лиц, с которыми она взаимодействует, со стечением обстоятельств, создающих неразрешимую совокупность внешних и внутренних трудностей. В этой ситуации возникает ряд субъективных переживаний противоречивого характера" [14, с. 238].

Таким образом, патогенная ситуация характеризуется субъективной неразрешимостью, т.е. неспособностью конкретной личности с ее особенностями эту ситуацию разрешить. Психотравмирующая ситуация играет лишь роль пускового механизма, актуализирующего уже существовавшую неадекватность системы отношений. В заключение следует еще раз подчеркнуть, что в основе невроза, как он понимается в рамках патогенетической концепции, лежит не вторичная неадекватность системы отношений, возникающая под воздействием внешней психотравмирующей ситуации, и не сам по себе внутренний психологический конфликт, а неадекватность системы отношений, сформировавшаяся в процессе развития личности, обусловленная всей ее историей и провоцирующая субъективно неразрешимые интрапсихические и межличностные конфликты.

ПАТОГЕНЕТИЧЕСКАЯ ПСИХОТЕРАПИЯ В.Н. МЯСИЩЕВА

Основная цель патогенетической психотерапии определялась ее автором как восстановление и перестройка нарушенной системы отношений пациента [9; 14; 15; 17; 19].

В.Н. Мясищевым были сформулированы и конкретные задачи психотерапии, отражающие поэтапный характер психотерапевтического процесса: от изучения личности пациента, в том числе и самим пациентом, через различные этапы осознания к изменению (реконструкции) нарушенной системы отношений.

Первую задачу В.Н. Мясищев определяет как всестороннее изучение личности больного неврозом, особенностей формирования, развития и нарушений его системы отношений. Тщательному исследованию личности пациента здесь уделяется особое внимание. В.Н. Мясищев неоднократно подчеркивал, что нарушения системы отношений носят индивидуальный характер, связанный со значимостью отношений. Значимые отношения занимают центральное место в иерархии системы отношений и могут рассматриваться как доминирующие и, следовательно, в наибольшей степени проявляющиеся в поведении. Именно поэтому одним из важнейших аспектов изучения и анализа личности пациента является выявление значимых отношений и формирование у психотерапевта (а в дальнейшем и у пациента) представлений об иерархии системы отношений и иерархических связях между сформировавшимися отношениями.

Направленность на максимально полное изучение личности обусловлена еще и тем, что внутренний психологический конфликт, практически всеми авторами рассматривающийся как важный этиопатогенетический фактор, в каждом конкретном случае характеризуется не только индивидуальной неразрешимостью, но и уникальностью и не может быть сведен к некоему общему содержанию, выделяемому в различных концепциях как универсальное. Вторая задача патогенетической психотерапии формулируется как выявление и изучение этиопатогенетических механизмов невротического состояния. Речь идет не только об информации, которую получает психотерапевт, но и о частичном осознании пациентом психологических механизмов своего заболевания уже на ранних этапах психотерапии. В ряде психотерапевтических систем этому процессу не придается особого значения или даже отрицается его необходимость. Действительно подобное осознание не имеет собственно терапевтического значения, но способствует пониманию пациентом направленности психотерапии и создает необходимую мотивацию для его активного участия. Следует отметить, что содержательно желательная активность пациента в процессе психотерапии носит различный характер: психотерапевт может стимулировать пациента к продуцированию свободных ассоциаций,

воспоминаниям прошлого, фиксации внимания на мыслях, предшествующих проявлению симптоматики, актуальных переживаниях и т.д. Поэтому осознание пациентом психологических механизмов своего заболевания направляет активность пациента в определенное русло, соответствующее направленности психотерапевтического процесса в рамках той или иной теоретической ориентации. На последующих этапах пациент и психотерапевт вновь обращаются к этиопатогенетическим механизмам невротического заболевания, но уже на новом уровне, используя более глубокий личностный материал.

Третья и четвертая задачи (3 — осознание причинно-следственных связей между ситуацией, личностью и болезнью, между особенностями нарушений его системы отношений и заболеванием; 4 — осознание характера нарушений собственной системы отношений) взаимосвязаны и могут рассматриваться совместно. Выявление причинно-следственных связей между ситуацией, личностью и болезнью, по сути дела, представляет собой позитивную диагностику (выявление психогенного характера заболевания) невротического расстройства психотерапевтом и в дальнейшем осознание этих связей пациентом. Изначально большинство пациентов указывают органические причины своего заболевания или неблагоприятные психологические факторы внешнего порядка, не придавая значения собственному вкладу в происходящее и, тем более, “содержанию” этого вклада. Последовательность психотерапевтического процесса предполагает вначале вычленение психотравмирующей ситуации, вызвавшей манифестацию невротической симптоматики, а затем тщательный анализ содержания ситуации с фокусированием внимания на собственной роли в ее возникновении и хронизации. Начиная с анализа особенностей поведения и эмоционального реагирования в психотравмирующей ситуации психотерапевтический процесс развивается в направлении понимания пациентом собственной роли в ее возникновении. Основным механизмом патогенетической психотерапии является *осознание пациентом* собственных отношений, их иерархической взаимосвязи и их роли в регуляции поведения. Анализу подвергаются прежде всего наиболее значимые отношения личности с точки зрения их сущностных характеристик: точности представленности в отношении характеристик субъекта и объекта, истинной оценки значимости, уровня осознанности. Особое место принадлежит осознанию противоречивости значимых отношений, которая играет важнейшую роль в формировании интрапсихического конфликта. Патогенетическая психотерапия характеризуется собственным методологическим подходом к достижению осознания. Традиционно установление этиопатогенеза является промежуточным этапом для достижения главной цели — выбора терапевтической тактики. В патогенетической психотерапии сам процесс установления патогенеза выступает в качестве лечебного средства.

Согласно В.Н. Мясищеву, больной осознает внутриличностный конфликт, являющийся первопричиной заболевания, если сможет последовательно проследить и понять всю историю возникновения и развития своей болезни. Для этого ему предстоит установить понятные связи возникшего заболевания с различными значимыми для него отношениями. Для осознания невротического конфликта больной должен сам установить этиопатогенез своего психогенного заболевания, так как причинно-следственная цепь патогенеза, представленная больному в готовом виде психотерапевтом как конечный результат познания его душевной жизни, его психологической организации, не позволяет добиться осознания пациентом его невротического конфликта. Это принципиальная особенность механизма осознания как лечебного метода в патогенетической психотерапии.

Важно подчеркнуть, что вся причинно-следственная цепь постижения больным развития своего заболевания должна разворачиваться во всех трех компонентах, которые описывают категорию “отношение”, — когнитивном, эмоциональном и мотивационно-поведенческом. Сформированная больным внутренняя картина возникновения и развития заболевания должна стать новым знанием, имеющим соответствующую эмоциональную и мотивационно-поведенческую основу.

Единство нового знания с насыщенными эмоциональными переживаниями делает это знание прочувствованным глубоким убеждением, субъективно необходимым для реконструкции больным системы его отношений.

Пятая задача патогенетической психотерапии — это восстановление, коррекция нарушенной системы отношений. Сам В.Н. Мясищев использовал преимущественно термин “перестройка”. Однако в силу идеологических событий конца 80-х годов XX в. этот термин приобрел политическую коннотацию и практически выпал из данного контекста. С нашей точки зрения, при описании динамики отдельного отношения в большей степени соответствует сути термин “изменение”, а системы отношений в целом — “реконструкция”.

Осознание пациентом собственных отношений, собственного “вклада” в формирование проблем

и конфликтов не является завершающим этапом психотерапии. Завершающий этап предполагает коррегирующий анализ нарушенных отношений личности с точки зрения их сущностных характеристик (целостности, активности, избирательности, сознательности), а также с позиции содержания и сбалансированности когнитивного и эмоционального компонентов отношения. Как уже указывалось ранее [11], отношение — это не столько отношение непосредственно к объекту (событию), сколько к его содержанию, представляющему (репрезентирующему) этот объект (событие) в психике человека. Нарушенное отношение содержит недостаточно точную или неадекватную репрезентацию объекта, что связано не столько с неточным отражением характеристик объекта, сколько с внутренним опытом и другими отношениями человека. Изменение репрезентации объекта в сознании за счет проработки материала, полученного на предыдущих этапах психотерапии, представляет собой один из важнейших механизмов психотерапевтического процесса. Особую значимость этот фактор приобретает, когда речь идет об отношении к себе. Психотерапевтический процесс представляет собой для пациента чрезвычайно насыщенный опыт, при котором анализ затрагивает наиболее значимые для человека отношения, потребности, конфликты и проблемы, затрагивает *ядро* системы отношений — отношение человека к самому себе. Изменение этого отношения влечет существенные изменения других отношений и системы отношений в целом, в частности ее иерархической согласованности. В реальной жизни такие изменения также возможны, но они, как правило, происходят спонтанно под влиянием экстраординарных событий и переживаний. Психотерапия стремится создать специальные условия для таких изменений.

В заключение хотелось бы еще раз подчеркнуть специфические особенности патогенетической психотерапии В.Н. Мясищева. Во-первых, задачи психотерапевтической системы фокусируются преимущественно на когнитивных компонентах. Во-вторых, особое внимание уделяется тщательному исследованию личности пациента вне рамок какой-либо теоретически определенной проблематики. В-третьих, выявление и изучение этиопатогенетических механизмов невротического состояния рассматриваются как важный этап психотерапевтического процесса. В-четвертых, осознание пациентом собственных отношений, своего “вклада” в развитие нарушений не является завершающим этапом психотерапии. Им становятся изменения, реконструкция нарушенной системы отношений — процесс, протекающий в сопровождении психотерапевта.

Дальнейшее развитие идей В.Н. Мясищева в 1970-е годы связано с созданием личностно-ориентированной (реконструктивной) психотерапии [2; 4–6; 9; 19; 20]. Эта психотерапевтическая система отражает новый этап развития патогенетической психотерапии В.Н. Мясищева, который позволил развить представления о целях и задачах патогенетической психотерапии, механизмах лечебного действия, формах и методах, взаимоотношениях пациента и психотерапевта, психотерапевтическом процессе и его этапах. Разработанная модель личностно-ориентированной (реконструктивной) психотерапии нашла широкое применение в практике и подтвердила свою эффективность [1; 2; 4; 5; 7; 12; 13; 20; 21].

В *заключение* хотелось бы отметить, что ценность теоретических идей во многом определяется заложенным в них потенциалом к развитию и проверяется временем и практикой. Психологическая категория “отношение”, введенная в психологию в первом десятилетии прошлого века А.Ф. Лазурским и его учениками и последователями В.Я. Басовым и В.Н. Мясищевым, безусловно, в полной мере отвечает этим требованиям. Подтверждением научной плодотворности идей об отношении как единице психологического анализа явились созданные В.Н. Мясищевым теория личности, а затем — концепции неврозов и психотерапии. Как показало время, эти концепции, имеющие основополагающий теоретический базис, содержат достаточно степеней свободы для развития, тем самым обладая значительным потенциалом для их дальнейшего осмысления и творческого обогащения новыми знаниями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Возрастные аспекты групповой психотерапии при нервно-психических расстройствах: Труды Ленинградского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева / Под ред. Б.Д. Карвасарского. Л., 1988. 164 с.
2. Интегративные аспекты современной психотерапии: Сборник трудов Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева / Под ред. Б.Д. Карвасарского. СПб., 1992. 157 с.
3. *Иовлев Б.В.*, *Карпова Э.Б.* Психология отношений. Концепция В.Н. Мясищева и медицинская психология. СПб.: Сенсор, 1999. 85 с.
4. Исследование механизмов и эффективности психотерапии при нервно-психических расстройствах: Труды Ленинградского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева. Л., 1982. 152 с.

5. *Исурина Г.Л.* Механизмы психологической коррекции личности в процессе групповой психотерапии в свете концепции отношений // Групповая психотерапия / Под ред. Б.Д. Карвасарского, С. Ледера. М.: Медицина, 1990. С. 89–121.
6. *Исурина Г.Л.* Личностно-ориентированная (реконструктивная) психотерапия как система клинико-психологических вмешательств // Ананьевские чтения 2004. Актуальные проблемы клинической психологии и психофизиологии. СПб., 2004. С. 190–199.
7. *Караваева Т.А.*, *Колотильщикова Е.А.*, *Мизинова Е.Б.* Изменение психологических характеристик у больных с невротическими расстройствами в последние три десятилетия // Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2010. № 4. С. 62–65.
8. *Карвасарский Б.Д.* Неврозы. М.: Медицина, 1980. 448 с.
9. *Карвасарский Б.Д.* Психотерапия. М.: Медицина, 1985. 304 с.
10. *Карпова Э.Б.* Механизмы лечебного действия патогенетической психотерапии // Антология российской психотерапии и психологии. Вып. 7. Материалы международного конгресса “Психотерапия, психология, психиатрия — на страже душевного здоровья!”. Санкт-Петербург, 22–24 марта. СПб., 2019. С. 135–136.
11. *Карпова Э.Б.*, *Исурина Г.Л.*, *Журавлев А.Л.* Психологическая концепция отношений В.Н. Мясищева: основы и содержание // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 5–14.
12. Клинико-психологические исследования групповой психотерапии при нервно-психических расстройствах // Труды Ленинградского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева / Под ред. В.Е. Рожнова, Б.Д. Карвасарского. Л., 1979. 156 с.
13. *Лысенко И.С.*, *Караваева Т.А.* Уровень и структура личностной и межличностной конфликтности у больных с невротическими расстройствами // Вестник психотерапии. 2016. № 58 (63). С. 57–74.
14. *Мясищев В.Н.* Личность и неврозы. Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1960. 426 с.
15. *Мясищев В.Н.* Понятие личности и его значение для медицины // Методологические проблемы психоневрологии. Л., 1966. С. 25–55.
16. *Мясищев В.Н.* Проблема отношения человека и ее место в психологии // Вопросы психологии. 1957. № 5. С. 142–155.
17. *Мясищев В.Н.* Психотерапия как система средств воздействия на психику человека в целях восстановления его здоровья // Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 1993. № 3. С. 9–20.
18. Психологические методы исследования личности в клинике: Труды Ленинградского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева. Л., 1978.
19. Психотерапевтическая энциклопедия / Под ред. Б.Д. Карвасарского. 2-е изд., доп. и перераб. СПб.: Питер, 2000. 1019 с.
20. Теория и практика медицинской психологии и психотерапии: Сборник трудов Санкт-Петербургского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева. СПб., 1994. 237 с.
21. Транскультуральные исследования в психотерапии: Труды Ленинградского научно-исследовательского психоневрологического института им. В.М. Бехтерева. Л., 1989. 203 с.

PSYCHOLOGICAL CONCEPT OF RELATIONS OF V. N. MYASISHCHEV: THE DOCTRINE OF NEUROSES AND PSYCHOTHERAPY

G. L. Isurina[1,*], E. B. Karpova[1,], A. L. Zhuravlev[2,***]**

[1]Sankt-Petersburg State University;
199034, *Sankt-Petersburg*, *Universitetskaya nab.*, *7/9*, *Russia*.
[2]Federal State-Financed Establishment of Science, *Institute of Psychology RAS*;
129366, *Moscow*, *Yaroslavskaya str.*, *13*, *bld. 1*, *Russia*.
[*]PhD (*Psychology*), *Professor of Department of Medical Psychology and Psychophysiology*.
E-mail: *g.isurina@spbu.ru*
[**]PhD (*Psychology*), *Docent of Department of Psychology of Crisis and Extreme Situations*.
E-mail: *e.karpova@spbu.ru*
[***]Academician of the RAS, *ScD* (*Psychology*), *Professor*, *Scientific Leader of IP RAS*.
E-mail: *ALZhuravlev2018@yandex.ru*

Received 01.12.2020

Abstract. The high scientific potential of ideas about personality as a unit of psychological analysis is confirmed by V.N. Myasischev's holistic approach to the problem of personality, its disorders, and psychological interventions aimed at their correction. The theory of personality relations, the concept of psychological origin of neurotic disorders and the psychotherapeutic system interconnected with them, united in conceptual unity, is a unique approach in Russian psychology, which fills the lack of a clear theoretical basis of psychotherapeutic practice. The article makes an attempt to consider the psychological content of V.N. Myasischev's pathogenetic concept of neuroses and psychotherapy in connection with the psychology of relations.

Keywords: psychology of relations, relations system disorder, neuroses, psychogenias, neurotic conflict, pathogenetic concept of neuroses and psychotherapy, personality-oriented (reconstructive) psychotherapy.

REFERENCES

1. Vozrastnye aspekty gruppovoj psihoterapii pri nervno-psihicheskih rasstrojstvah: Trudy Leningradskogo nauchno-issledovatel'skogo psihonevrologicheskogo instituta im. V.M. Bekhtereva. Ed. B.D. Karvasarskij. Leningrad, 1988. 164 p. (In Russian)
2. Integrativnye aspekty sovremennoj psihoterapii: Sbornik trudov Sankt-Peterburgskogo nauchno-issledovatel'skogo psihonevrologicheskogo instituta im. V.M. Bekhtereva. Ed. B.D. Karvasarskij. Saint Petersburg, 1992. 157 p. (In Russian)
3. *Iovlev B.V.*, *Karpova E.B.* Psihologiya otnoshenij. Koncepciya V.N. Myasishcheva i medicinskaya psihologiya. Saint Petersburg: Sensor, 1999. 85 p. (In Russian)
4. Issledovanie mekhanizmov i effektivnosti psihoterapii pri nervno-psihicheskih rasstrojstvah: Trudy Leningradskogo nauchno-issledovatel'skogo psihonevrologicheskogo instituta im. V.M. Bekhtereva. Leningrad, 1982. 152 p. (In Russian)
5. *Isurina G.L.* Mekhanizmy psihologicheskoj korrekcii lichnosti v processe gruppovoj psihoterapii v svete koncepcii otnoshenij. Gruppovaya psihoterapiy. Ed. B.D. Karvasarskij, S. Leder. Moscow: Medicina, 1990. P. 89–121. (In Russian)
6. *Isurina G.*L. Lichnostno-orientirovannaya (rekonstruktivnaya) psihoterapiya kak sistema kliniko-psihologicheskih vmeshatel'stv. Anan'evskie chteniya 2004. Aktual'nye problemy klinicheskoj psihologii i psihofiziologii. Saint Petersburg, 2004. P. 190–199. (In Russian)
7. *Karavaeva T.A.*, *Kolotil'shchikova E.A.*, *Mizinova E.B.* Izmenenie psihologicheskih harakteristik u bol'nyh s nevroticheskimi rasstrojstvami v poslednie tri desyatiletiya. Obozrenie psihiatrii i medicinskoj psihologii im. V.M. Bekhtereva. 2010. № 4. P. 62–65. (In Russian)
8. *Karvasarskij B.D.* Nevrozy. Moscow: Medicina, 1980. 448 p. (In Russian)
9. *Karvasarskij B.D.* Psihoterapiya. Moscow: Medicina, 1985. 304 p. (In Russian)
10. *Karpova E.B.* Mekhanizmy lechebnogo dejstviya patogeneticheskoj psihoterapii. Antologiya rossijskoj psihoterapii i psihologii. Vyp. 7. Materialy mezhdunarodnogo kongressa "Psihoterapiya, psihologiya, psihiatriya — na strazhe dushevnogo zdorov'ya!" Saint Peterburg, 22–24 marta. Saint Peterburg, 2019. P. 135–136. (In Russian)
11. *Karpova E.B.*, *Isurina G.L.*, *Zhuravlev A.L.* Psihologicheskaya koncepciya otnoshenij V.N. Myasishcheva: osnovy i soderzhanie. Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 41. № 2. P. 5–14. (In Russian)
12. Kliniko-psihologicheskie issledovaniya gruppovoj psihoterapii pri nervno-psihicheskih rasstrojstvah: Trudy Leningradskogo nauchno-issledovatel'skogo psihonevrologicheskogo instituta im. V.M. Bekhtereva. V.E. Rozhnov, B.D. Karvasarskij (Eds.). Leningrad, 1979. 156 p. (In Russian)
13. *Lysenko I.S.*, *Karavaeva T.A.* Uroven' i struktura lichnostnoj i mezhlichnostnoj konfliktnosti u bol'nyh s nevroticheskimi rasstrojstvami. Vestnik psihoterapii. 2016. № 58 (63). P. 57–74. (In Russian)
14. *Myasishchev V.N.* Lichnost' i nevrozy. Leningrad: Izd-vo Leningrad. un-ta, 1960. 426 p.
15. *Myasishchev V.N.* Ponyatie lichnosti i ego znachenie dlya mediciny. Metodologicheskie problemy psihonevrologii. Leningrad, 1966. P. 25–55. (In Russian)
16. *Myasishchev V.N.* Problema otnosheniya cheloveka i ee mesto v psihologii. Voprosy psihologii. 1957. № 5. P. 142–155. (In Russian)
17. *Myasishchev V.N.* Psihoterapiya kak sistema sredstv vozdejstviya na psihiku cheloveka v celyah vosstanovleniya ego zdorov'ya. Obozrenie psihiatrii i medicinskoj psihologii imeni V.M. Bekhtereva. 1993. № 3. P. 9–20. (In Russian)
18. Psihologicheskie metody issledovaniya lichnosti v klinike: Trudy Leningradskogo nauchno-issledovatel'skogo psihonevrologicheskogo instituta im. V.M. Bekhtereva. Leningrad, 1978. (In Russian)
19. Psihoterapevticheskaya enciklopediya. Ed. B.D. Karvasarskij. 2-e izd., dop. i pererab. Saint Petersburg: Piter, 2000. 1019 p. (In Russian)
20. Teoriya i praktika medicinskoj psihologii i psihoterapii: Sbornik trudov Sankt-Peterburgskogo nauchno-issledovatel'skogo psihonevrologicheskogo instituta im. V.M. Bekhtereva. Saint Petersburg, 1994. 237 p. (In Russian)
21. Transkul'tural'nye issledovaniya v psihoterapii: Trudy Leningradskogo nauchno-issledovatel'skogo psihonevrologicheskogo instituta im. V.M. Bekhtereva. Leningrad, 1989. 203 p. (In Russian)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 45–60

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

УДК 159.938

РАЗЛИЧИЯ МОЗГОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ РЕШЕНИЯ АНАЛИТИЧЕСКИХ И ХОЛИСТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ[1)]

© 2021 г. В. В. Апанович[1,2,3,4,*], Э. А. Арамян[1,], М. С. Дольникова[1,***], Ю. И. Александров[1,2,3,4,****]**

[1]Государственный академический университет гуманитарных наук;
119049, г. Москва, Мароновский пер., д. 26, Россия.
[2]ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
[3]Московский государственный психолого-педагогический университет;
127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Россия.
[4]НИУ "Высшая школа экономики";
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Россия.
[*]М.н.с. лаб. психофизиологии им. Швыркова ИП РАН, н.с. лаб. нейрокогнитивных исследований индивидуального опыта МГППУ, м.н.с. международной лаб. социальной нейробиологии ВШЭ, старший преподаватель ГАУГН.
E-mail: apanovitschvv@yandex.ru
[**]Магистрант.
[***]Магистрант.
[***]Чл.-корр. РАО, д.п.н., профессор, зав. лаб. психофизиологии им. Швыркова ИП РАН, зав. лаб. нейрокогнитивных исследований индивидуального опыта МГППУ, г.н.с. международной лаб. социальной нейробиологии ВШЭ, зав. каф. психофизиологии ГАУГН.

Поступила 02.06.2020

Аннотация. Исследовалась системная организация опыта, обеспечивающего решение аналитических и холистических задач. Предполагалось, что наборы функциональных систем, актуализирующихся для решения задач разного типа, имеют различия, которые проявляются в мозговой активности и опосредуются тем, решает ли индивид — аналитичный или холистичный — задачу "своего" типа или "не своего". Было проведено исследование ($N = 52$) мозгового обеспечения процесса решения аналитических и холистических задач представителями аналитической и холистической субпопуляций российской культуры. Было показано, что холистические задачи решаются быстрее и правильнее аналитических, что согласуется с представлением о холистическом характере российской культуры. При этом по мере научения улучшение результативности наблюдалось в задачах "не своего" типа (т.е. холистических задач у аналитичных индивидов, и наоборот) по сравнению с задачами, специфичными для ментальности индивидов. Получены различия между компонентами связанных с событиями потенциалов, возникающих при решении задач разного типа аналитичными и холистичными индивидами, в том числе выявлены субпики P300 при решении аналитической задачи аналитичными индивидами. Полученные различия в связанных с событиями потенциалах сопоставлены с выделенными нами ранее критериями аналитических и холистических задач. Обсуждаются направления дальнейших исследований процесса научения у индивидов с разной ментальностью.

Ключевые слова: аналитичность, холистичность, ЭЭГ, ССП, решение задач.

DOI: 10.31857/S020595920014240-0

[1)] Первичный анализ поведенческих характеристик был выполнен при поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (№ 0159-2020-0001), анализ различий, связанных с мозговым обеспечением процесса принятия решения, выполнен при финансовой поддержке научного проекта "Социальные аспекты формирования индивидуального опыта в онтогенетическом развитии" ФГБУ ВО МГППУ.

Исследование аналитичности–холистичности в контексте изучения различий ментальностей, включая исследование мозговых процессов, обусловливающих эти различия [25; 26], является актуальным на сегодняшний день [13; 24; 36]. В наших предыдущих работах было показано, что мозговая активность представителей аналитичных и холистичных субгрупп внутри российской популяции различается при разных формах социального взаимодействия: конкуренции и кооперации [20]. При этом в литературе описываются разные и даже противоположные феномены в зависимости от того, в аналитическую или холистическую деятельность вовлекались участники исследования [3; 20; 21]. В связи с этим в наших предыдущих исследованиях была проведена формализация и операционализация понятия аналитических и холистических задач, и было показано, что эти задачи решаются с разной степенью успешности аналитичными и холистичными индивидами [9]. Актуальной проблемой является исследование системной организации опыта, обеспечивающего решение таких задач.

Эффективным методом изучения системной организации опыта является регистрация электрической активности мозга, один из вариантов которой — регистрация ЭЭГ у человека — и был использован в настоящем исследовании [1; 10; 12; 16; 18; 19].

В литературе нами были найдены работы, в которых решение аналитических и холистических задач изучалось с помощью фМРТ (см., подробнее, например, обзоры [23; 28].

Однако в доступной нам литературе не было найдено работ, использующих метод регистрации ЭЭГ для изучения решения аналитических и холистических задач. Известно в то же время, что ЭЭГ, имеет, в отличие от фМРТ, значительно лучшее временное разрешение, что дает возможность более точного анализа динамики мозговой активности, соответствующей динамике развертывания системных механизмов поведения. Для безартефактной регистрации ЭЭГ и возможности дальнейшего ее анализа методом выделения связанных с событиями потенциалов (ССП) мы отобрали задачу, соответствующую критериям задачи простого выбора и имеющую варианты в виде аналитической и холистической задач — “*Line-frame task*”. Данная задача была использована при сравнении жителей США и стран Восточной Азии, представляющих культуры, которые описываются как характеризующиеся превалированием аналитического или холистического полюсов соответственно [27; 30; 37], и успешно апробирована в психофизиологическом исследовании с применением фМРТ [27].

В абсолютной (аналитической) задаче необходимо оценивать размеры вертикальной линии, игнорируя контекст, в который она помещена. В относительной (холистической) задаче нужно, наоборот, оценивать вертикальную линию с учетом контекста. Вычленение отдельного элемента фигуры и игнорирование его взаимосвязей с другими объектами описывается как признак аналитичности, а учет целостной фигуры — как признак холистичности [31].

Целью исследования была оценка различий в активности мозга, обеспечивающей решение аналитических и холистических задач аналитичными и холистичными индивидами. Мы предполагали, что набор функциональных систем, актуализирующихся для решения задач разного типа, различается, что проявляется в мозговой активности, и эти различия опосредуются тем, задачу “своего” типа или нет решает аналитичный или холистичный индивид.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие *задачи* исследования:

1) анализ поведенческих показателей решения аналитических и холистических задач: а) времени отчетного действия и б) количества ошибок;

2) анализ амплитудно-временных характеристик компонентов *P*300 ССП, включая анализ конфигурации компонента.

МЕТОДИКА

Участники исследования. В исследовании приняли участие 52 человека в возрасте от 18 до 34 лет (средний возраст 21.2 года, *Me* = 20), из них 27 мужчин и 25 женщин. Участники исследования заполняли тест “Шкала аналитичности–холистичности” [8] и затем проходили экспериментальную процедуру с регистрацией ЭЭГ.

Выборка была разделена на группу аналитичных и группу холистичных индивидов по популяционной медиане для удобства расчета статистики. Группа аналитичных индивидов составляла 24 человека, группа холистичных индивидов — 23 индивида. У 5 респондентов не удалось определить значение аналитичности—холистичности, так как они злоупотребляли категорией “затрудняюсь ответить” ([8]; см. об этом также ниже).

После отсева респондентов, чьи данные по тесту “Шкала аналитичности–холистичности” нельзя было рассматривать как объективные, а также тех,

чьи записи ЭЭГ содержали большое количество артефактов, затрудняющих выделение ССП, в анализ физиологических показателей были включены данные 37 участников исследования.

Использованные методики. Участники исследования заполняли апробированный нами ранее тест “Шкала аналитичности–холистичности” [8]. В анализ включались данные только тех участников исследования, ответы которых соответствовали средней категории “затрудняюсь ответить” не чаще, чем остальными категориями (в статистическом смысле). Обоснование для такого исключения участников исследования см. в [8].

Процедура исследования. Вначале участник исследования заполнял тест “Шкала аналитичности—холистичности” и оставлял о себе социодемографические данные (пол, возраст и образование), после чего принимал участие в исследовании по решению задач с регистрацией ЭЭГ. Во время исследования экспериментатор находился в одной комнате с участником исследования, но так, чтобы участник исследования не видел экспериментатора (был вне его поля зрения). Участник исследования получал инструкции о том, что ему надо свести к минимуму движения, разговоры и моргания, — эти указания давались с целью уменьшить количество артефактов на ЭЭГ, а также инструкцию о том, какими клавишами ему нужно будет пользоваться во время исследования. Инструкции к каждой серии (см. ниже) давались непосредственно перед экспериментальными сериями. В конце исследования его участникам разъяснялась истинная цель исследования, и экспериментатор отвечал на вопросы участника исследования.

Описание одной пробы. Перед каждой пробой участникам исследования предъявлялся сигнал “Внимание” (белый крест размерами 1.5 × 1.5 см на темном фоне), который указывал на то, что сейчас будет предъявлена пара основных сигналов. Первый основной сигнал предъявлялся через 900 мс после сигнала “Внимание”, второй — через плавающий интервал от 700 до 900 мс после первого основного сигнала. Каждый из основных сигналов представлял собой вертикальную черту, которая на своем верхнем конце соприкасалась с квадратной рамкой, эту черту обрамлявшую (рис. 1). Задачей участника исследования было определить равенство или неравенство сигналов (в зависимости от инструкции) и нажать соответствующую кнопку на специальном отметчике — правую или левую (расположение кнопок было контрбалансировано для разных участников). По умолчанию большие пальцы, которыми нужно было отвечать, располагались непосредственно над кнопками.

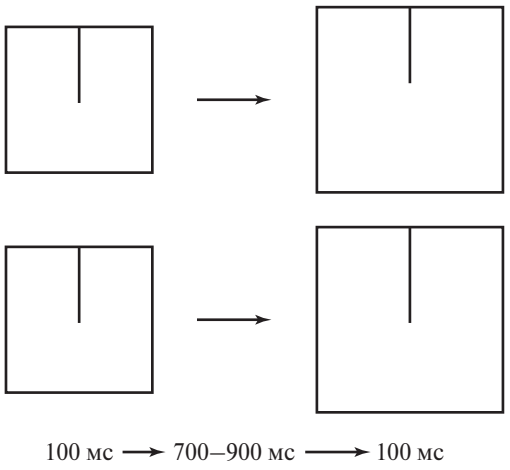


Рис. 1. Примеры предъявления равных фигур в аналитической (сверху) и холистической (снизу) задачах

Выполнение описанных выше проб представляло собой решение аналитической или холистической задачи в зависимости от инструкции, задававшей специфику деятельности, соответствующую аналитической или холистической задаче [30; 31].

В аналитической инструкции участнику исследования предлагалось оценить равенство/неравенство вертикальных линий, игнорируя размеры квадратной рамки.

В холистической инструкции участнику исследования предлагалось оценить равенство/неравенство пропорции вертикальной линии относительно квадратной рамки (т.е. общее равенство/неравенство фигур с учетом масштаба).

После зачитывания инструкции экспериментатор в тренировочной пробе спрашивал участника исследования о равенстве/неравенстве предлагаемых фигур по указанному в инструкции принципу (аналитическому или холистическому). Исследование начиналось только после того, как участник верно понял инструкцию и правильно справился с пробным заданием.

Схема исследования. Исследование состояло из четырех основных серий и двух контрольных. В первой контрольной серии записывали ЭЭГ в состоянии покоя. Это было необходимо для стабилизации работы электродов и для контроля работоспособности установки. В этой контрольной серии с помощью ЭКГ-электрода также регистрировалась ЭКГ в состоянии покоя[2].

Во второй контрольной серии из 40 проб участникам исследования предлагалось отвечать как можно быстрее и точнее на предъявляемые

[2] Анализ данных регистрации ЭКГ выходит за рамки данной статьи.

линии — горизонтальную и вертикальную. На горизонтальную линию следовало отвечать нажатием левой кнопки, на вертикальную — правой. Это было необходимо для знакомства участников исследования с процедурой ответа. Кроме того, измерялась скорость нажатия левой и правой рукой для учета этих данных в дальнейшем анализе.

В каждой основной серии было по 60 проб. Каждая задача (аналитическая и холистическая) повторялась по два раза; их порядок был контрсбалансирован. Таким образом, были две последовательности:

— Аналитическая—Холистическая—Холистическая—Аналитическая;

— Холистическая—Аналитическая—Аналитическая—Холистическая.

Регистрация электроэнцефалограммы. Регистрация проводилась при помощи усилителя "Энцефалан ЭЭГР-19/26" (Таганрог). Частота дискретизации сигнала составляла 250 Гц. Регистрировались 5 мозговых отведений: *F*3, *F*4, *Cz*, *P*3, *P*4 по международной системе 10–20. Выбор отведений был обусловлен многочисленными данными и представлениями об их функциональном различии (см., например, [10]). При установке электродов их сопротивление не превышало 10 кОм. Регистрация проводилась монополярно относительно объединенного ушного референта. Также для контроля движения глаз регистрировалась ЭОГ (вертикальная составляющая). При записи были использованы следующие фильтры: ФНЧ составлял 0.1 Гц, ФВЧ — 70 Гц. Частота работы режекторного фильтра составляла 50 Гц.

В сигнале ЭЭГ анализировались ССП, получаемые методом усреднения по всем отведениям (general potential). В усреднения шли фрагменты ЭЭГ, не имеющие глазодвигательных или мышечных артефактов. Удаление артефактных фрагментов происходило экспертным методом. Усреднение проводилось от момента предъявления второго сигнала из пары (на который необходимо было давать ответ). В качестве нулевой линии бралась средняя мгновенных амплитуд ЭЭГ в течение 100 мс до момента предъявления сигнала. ССП выделялся отдельно для каждого участника исследования в каждой серии. В среднем каждый ССП усреднялся по 47.1 пробы.

Среди компонентов ССП мы анализировали компонент Р300 как связанный с процессом принятия решения и интерпретированный ранее с системных позиций как манифестирующий процесс смены составов систем при переходе от акта к акту в континууме, а также отражающий по своим характеристикам возраст и степень дифференцированности актуализированных систем (см. в [1; 5; 12]). Среднее значение латентного периода выявленного компонента составило 327 мс, что позволяет идентифицировать его как *P*300.

Учитывались следующие характеристики *P*300:

— амплитуда *P*300 (оценивалась как разница между предшествующим *N*-пиком и максимальной выраженностью *P*-пика), мВ;

— конфигурационные характеристики *P*300. При появлении субкомпонентов *P*300 анализировались их число по каждому индивиду, а также относительные амплитудные показатели (выраженность второго пика относительно общей амплитуды *P*300, %);

— латентный период пика *P*300 (от момента предъявления сигнала до точки наибольшей выраженности пика, мс).

Регистрировались время отчетного действия при решении задачи простого выбора и процент правильных ответов.

Результаты обрабатывались в программе "ССП-анализатор"[3], специально созданной для работы с ССП и позволяющей удалять из записи фрагменты, содержащие артефакты (включая возможность проведения экспертного анализа), строить ССП с учетом широкого спектра параметров, графически отображать ССП и экспортировать данные в табличном и графическом виде.

Статистические методы и процедуры. Поведенческие данные обрабатывались с помощью параметрических критериев, а физиологические — в силу меньшего объема данных — непараметрическими, входящими в пакеты статистических программ Statistica 7.0 и SPSS17. Размер эффекта для непараметрической статистики рассчитывался по методам, основанным на точных тестах [29]. Различия считались достоверными при уровне значимости $p \leq 0.05$, тенденция определялась при $p \leq 0.1$.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ времени отчетного действия. Время отчетного действия было усреднено после исключения экстремальных значений (отсеивались все пробы, время решения в которых превышало в любую сторону две единицы стандартного отклонения). Обнаружено, что показатели времени отчетного действия у каждого участника исследования

[3] Автор программы — С.А. Карпов.

распределены нормально (по критерию Колмогорова–Смирнова). Также отсутствие отличий от нормального распределения было показано по всей выборке и по группам аналитичных и холистичных индивидов (критерий Колмогорова–Смирнова d — в диапазоне от 0.048 до 0.380, p — в диапазоне от 0.307 до 0.999).

Было сопоставлено время отчетного действия (рис. 2) при решении аналитических и холистических задач аналитичными и холистичными индивидами. Аналитические задачи решаются медленнее холистических, но только на этапе первого тестирования ($t = 2.352$, $p = 0.022$), однако не при повторном тестировании ($t = 1.655$, $p = 0.103$). Аналитичные индивиды решают задачи одинаково и при первом ($t = 1.705$, $p = 0.101$), и при втором ($t = 1.06$, $p = 0.3$) тестировании. Холистичные индивиды быстрее на уровне тенденции решают холистические задачи, по сравнению с аналитическими задачами, при первом тестировании ($t = 1.793$, $p = 0.086$), но не при втором тестировании ($t = 1.567$, $p = 0.131$). Таким образом, можно говорить о том, что холистическая задача могла быть легче для респондентов. Также можно сказать, что наибольшие различия были найдены при первом тестировании по сравнению со вторым.

При сопоставлении показателей решения задач аналитичными и холистичными индивидами было показано, что холистичные индивиды в целом решают все задачи быстрее (табл. 1), включая (на уровне тенденции) контрольную задачу (по нажатию левой и правой кнопок). При этом эффекты наиболее выражены при сопоставлении аналитичных и холистичных индивидов в холистических задачах (0.831 и 0.895), нежели в аналитических (0.631 и 0.688). В контроле величина эффекта наименьшая (0.518).

Кроме того, было найдено достоверное снижение времени ответа от первого ко второму тестированию (что может говорить о научении). Были найдены различия по всей выборке (аналитические задачи: $t = 5.293$, $p < 0.0001$; холистические задачи: $t = 5.279$, $p < 0.0001$), а также у аналитичных индивидов (аналитические задачи: $t = 4.902$, $p < 0.0001$; холистические задачи: $t = 3.738$, $p = 0.001$) и холистичных индивидов (аналитические задачи: $t = 3.555$, $p = 0.001$; холистические задачи: $t = 4.17$, $p = 0.0003$).

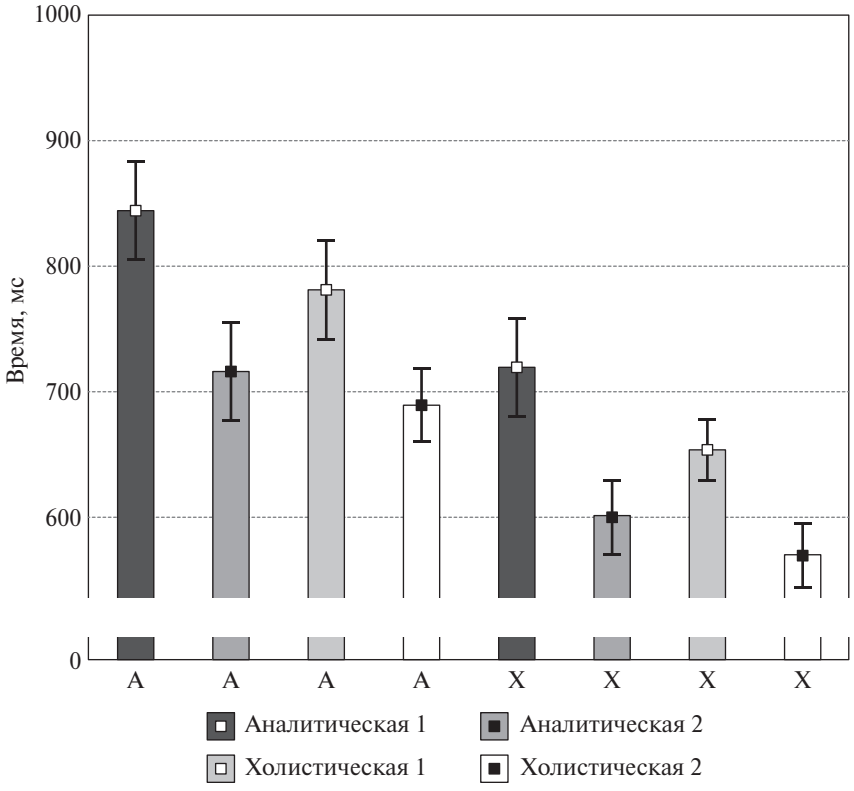


Рис. 2. Время ответа у аналитичных и холистичных индивидов при решении аналитической и холистической задачи

Примечание. В левых четырех столбцах (маркированы “A”) расположены данные по аналитичным индивидам, в правых четырех (маркированы “X”) — по холистичным. Темно-серым и серым отмечены аналитические задачи, светло-серым и белым — холистические. Цифры 1 и 2 указывают на данные по первому и второму тестированию соответственно.

Таблица 1. Сопоставление времени отчетного действия аналитичных и холистичных индивидов по критерию Стьюдента

Тип задачи	*t*	*df*	*p*	*d*
Контроль	1.74	45	0.088	0.518
Аналитическая 1	2.11	45	0.039	0.631
Холистическая 1	2.78	45	0.007	0.831
Аналитическая 2	2.31	45	0.025	0.688
Холистическая 2	3.00	45	0.004	0.895

Примечание. *t* — значение критерия Стьюдента; *df* — степени свободы; *p* — уровень значимости; *d* — размер эффекта (*d* Коэна).

Анализ правильности решения. Данные о правильности решения были проверены на нормальность распределения. Была доказана нормальность распределения данных по всем задачам по группам аналитичных и холистичных индивидов (критерий Колмогорова—Смирнова *d* — в диапазоне от 0.311 до 0.624, *p* — в диапазоне от 0.705 до 1). На рис. 3 представлены данные о правильности решения задач разных типов.

Различий в правильности решения задач аналитичными и холистичными индивидами найдено не было, за исключением первой холистической задачи: холистичные индивиды решают задачу лучше аналитичных (на уровне тенденции: $t = -1.843$, $p = 0.07$).

При этом аналитические задачи решаются хуже холистических и при первом тестировании ($t = -6.302$, $p < 0.0001$), и при повторном ($t = -5.907$, $p < 0.0001$). Этот вывод справедлив как для аналитичных индивидов ($t = -3.718$, $p = 0.001$ при первом тестировании и $t = -4.094$, $p = 0.0004$ при повторном), так и для холистичных (при первом тестировании $t = -4.763$, $p = 0.0001$ и при повторном $t = -3.666$, $p = 0.001$). Также можно отметить, что разница между правильностью решения аналитической и холистической задач при повторном тестировании у холистичных индивидов меньше, чем

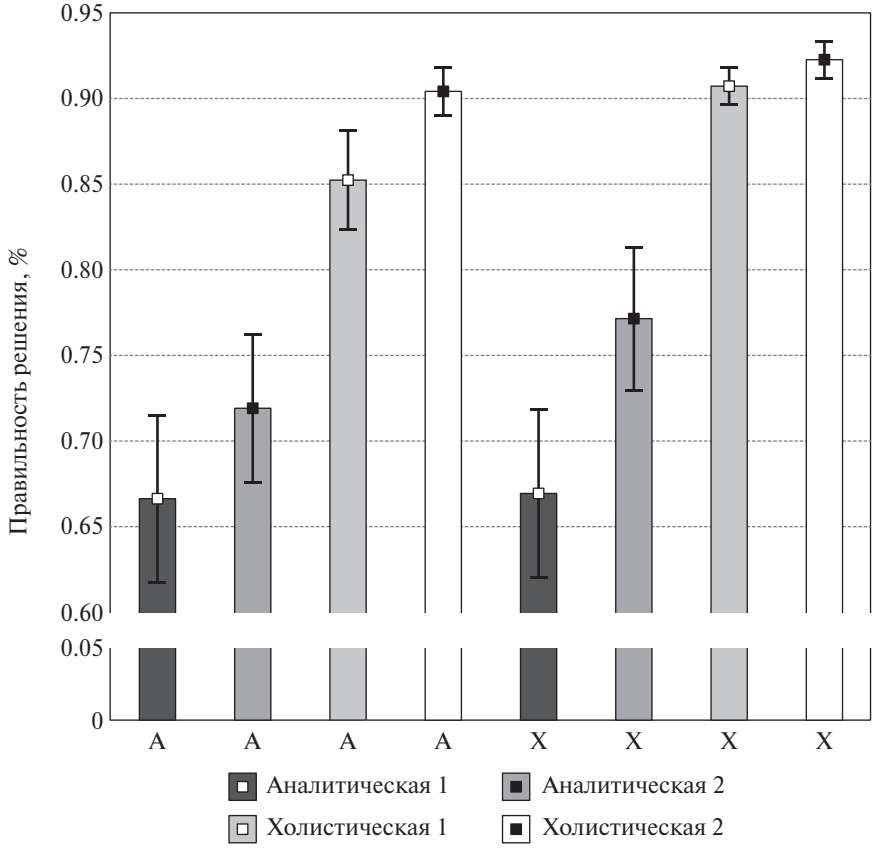


Рис. 3. Правильность решения аналитической и холистической задач аналитичными и холистичными индивидами
Примечание. Обозначения, как на рис. 2.

при первом тестировании, на уровне тенденции ($t = 1.945$, $p = 0.065$).

Был показан достоверный рост процента правильных решений при втором тестировании относительного первого как для аналитических ($t = -3.511$, $p = 0.0009$), так и для холистических ($t = -3.273$, $p = 0.001$) задач. При этом *у аналитичных индивидов в этом случает достоверно увеличивается правильность решения холистических задач* ($t = -2.417$, $p = 0.024$), но не аналитических ($t = -1.732$, $p = 0.096$), а *у холистичных индивидов увеличивается правильность решения аналитических задач* ($t = -2.735$, $p = 0.012$), но не холистических ($t = -1.88$, $p = 0.074$).

Сравнение амплитудных показателей компонентов ССП. В анализ ССП включались только те респонденты, у которых в данных ЭЭГ отчетливо выделялись соответствующие компоненты ЭЭГ (16 аналитичных и 21 холистичный индивид).

Наиболее стабильным при решении задачи выделялся компонент, по своим амплитудно-временным характеристикам совпадающий с *P*300. Наряду с ним, при качественном анализе потенциалов было выявлено, что в ряде случаев у некоторых участников исследования этот компонент представлен более сложной конфигурацией и содержит в себе не один, а, как правило, два (и у двух участников — три) отдельных субкомпонента разной степени выраженности. Примеры субкомпонетов потенциалов см. на рис. 4. В таких случаях амплитуда считалась от точки *N*-пика, предшествующего позитивации *P*300, до наиболее высокоамплитудного субкомпонента; также отдельно оценивалась относительная выраженность субкомпонента в процентах относительно общей амплитуды *P*300. *P*300 считался многопиковым в том случае, когда перепад амплитуд между позитивными и промежуточным негативным пиком превышал средние “фоновые” мелкоамплитудные колебания на ССП. При минимальной выраженности субкомпонент развивал амплитуду в 23% относительно всей амплитуды *P*300.

Графическое изображение амплитудных характеристик см. рис. 5.

Было показано, что в холистических задачах амплитуда *P*300 выше, чем в аналитических, на всей выборке (при первом тестировании $T = 110$, $p < 0.001$, размер эффекта 0.865; при втором тестировании $T = 207$, $p = 0.01$, размер эффекта 0.734), а также в отдельных группах при первом тестировании (в группе аналитичных индивидов $T = 4$, $p = 0.001$, размер эффекта 0.996; в группе холистичных индивидов $T = 57$, $p = 0.042$, размер эффекта 0.764), но не при втором тестировании (у аналитичных индивидов $T = 37$, $p = 0.108$, размер эффекта 0.727; у холистичных $T = 55$, $p = 0.107$, размер эффекта 0.710). Можно говорить о том, что разница между мозговой активностью при решении аналитической и холистической задач проявляется только при первом тестировании, а потом различия нивелируются. Этот вывод подтверждается сравнением различий между задачами для аналитичных и холистичных индивидов. Рассчитывалась разница амплитудных показателей между аналитической и холистической задачами отдельно для первого тестирования, отдельно для повторного; потом эти распределения сравнивались друг с другом. Этот феномен (более сильные различия между задачами при первом тестировании) проявился на всей выборке ($T = 180$, $p = 0.009$) и отдельно в группе аналитичных ($T = 25$, $p = 0.046$), но не холистичных ($T = 57$, $p = 0.214$) индивидов.

Сопоставляя эти результаты с описательной статистикой, можно отметить, что данный феномен (существенное различие между активностью мозга, обеспечивающей решение аналитической и холистической задач) во многом обусловливается низкими амплитудными показателями при решении аналитической задачи в группе аналитичных индивидов (см. рис. 5, самый левый столбик). В подтверждение этого можно отметить, что при сравнении амплитуд *P*300 в первой аналитической задаче аналитичные индивиды имеют значимо более низкое значение, чем холистичные ($U = 92$, $p = 0.035$). Также из-за этого у аналитичных индивидов при первом тестировании больше разница амплитуд между аналитической и холистической задачами, чем у холистичных, на уровне тенденции ($U = 97$, $p = 0.053$).

В соответствии с данными литературы, можно было предположить, что при втором тестировании амплитуда *P*300 будет ниже, чем при первичном (в связи с научением). Однако здесь мы получили неоднозначные данные. При решении холистической задачи амплитуда действительно уменьшается как по всей выборке ($T = 199$, $p = 0.021$), так и в группе холистичных ($T = 32$, $p = 0.019$), но не в группе аналитичных ($T = 45$, $p = 0.39$) индивидов. При решении аналитической задачи эффекта снижения амплитуды не было, более того, в группе аналитичных индивидов заметно, что амплитуда больше на 0.72 мВ (однако различие статистически недостоверно: $T = 39$, $p = 0.23$).

Продолжая анализ временно́й динамики, мы посмотрели выраженность этой динамики при решении аналитических и холистических задач. Для этого была рассчитана разница амплитудных

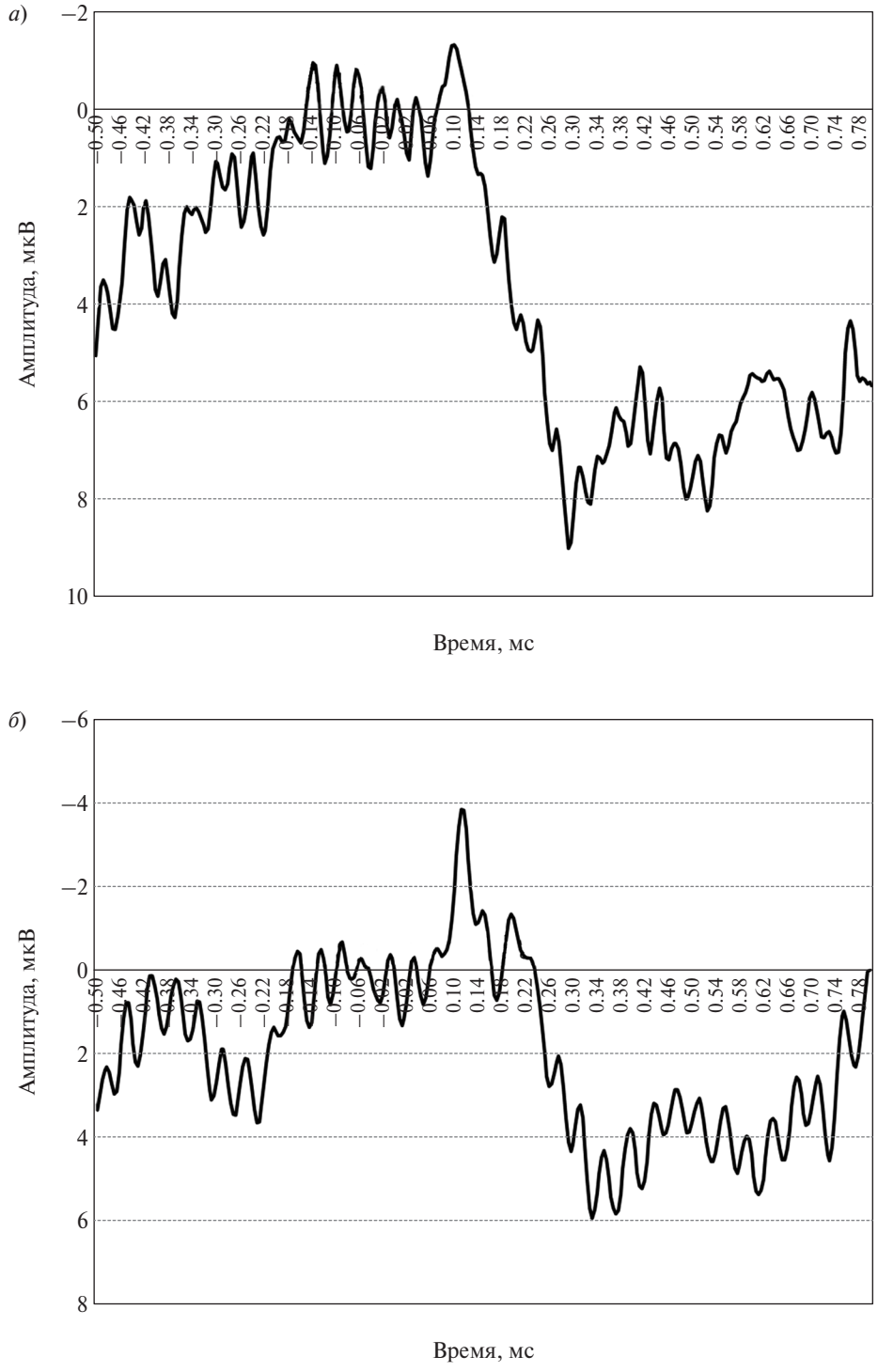


Рис. 4. ССП с множественными пиками *P*300: *а* — участник № 4 (со средней выраженностью субкомпонента *P*300; 35% от общей амплитуды *P*300); *б* — участник № 5 (с высокой выраженностью).
Примечание. Представлены *general potential* по всем зарегистрированным отведениям при решении аналитической задачи (первое из двух тестирований). Интервал от –100 мс до 0 мс использовался в качестве базовой линии.

показателей в аналитических и холистических задачах (при повторном тестировании относительно первого).

Было показано, что эта динамика более выражена в холистических задачах, чем в аналитических, на всей выборке ($T = 217$, $p = 0.026$), а также в группе аналитичных ($T = 25$, $p = 0.046$), но не холистичных ($T = 76$, $p = 0.444$) индивидов.

Был проведен анализ субкомпонентов *P*300. В табл. 2 приведено количество участников

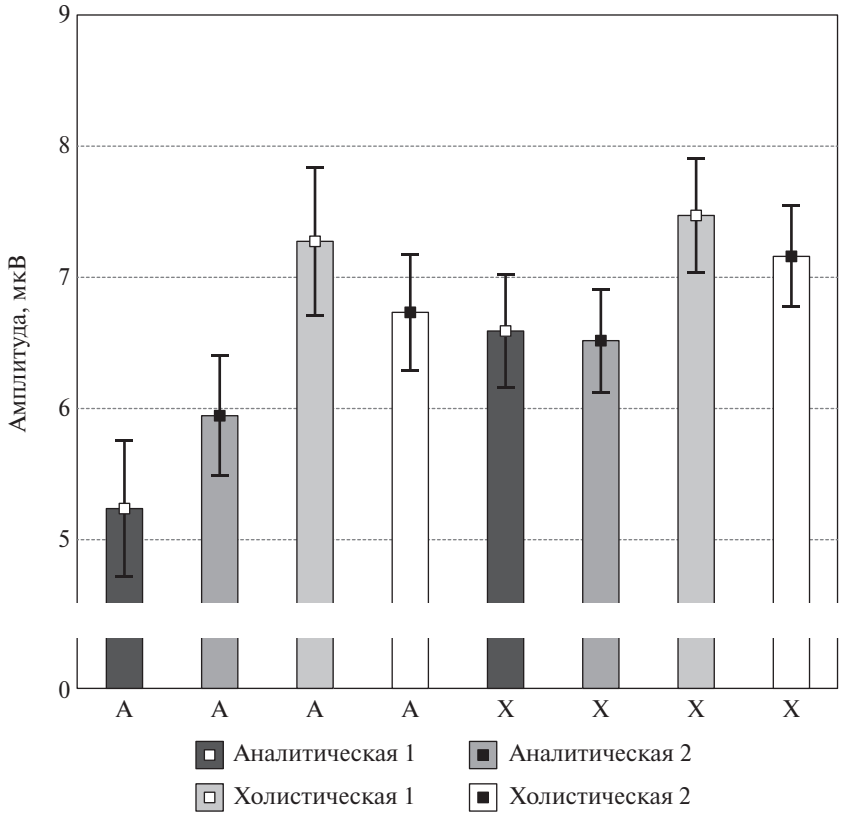


Рис. 5. Амплитуда P300 у аналитичных и холистичных индивидов при решении аналитической и холистической задач
Примечание. Обозначения, как на рис. 2.

Таблица 2. Количество участников исследования, у которых в *P*300 были выявлены субкомпоненты

Тип задачи	Вся выборка	Аналитичные индивиды	Холистичные индивиды
1 аналитическая	20 из 36 (0.55)	12 из 15 (0.8)	8 из 21 (0.38)
1 холистическая	12 из 36 (0.33)	7 из 15 (0.46)	5 из 21 (0.238)
2 аналитическая	14 из 37 (0.378)	8 из 16 (0.5)	6 из 21 (0.285)
2 холистическая	14 из 36 (0.388)	6 из 16 (0.375)	8 из 20 (0.4)

Примечание. Указаны абсолютные значения числа участников, в скобках — относительные частоты.

исследования, у которых были выделены субкомпоненты *P*300.

Можно увидеть, что при первом решении аналитической задачи в группе аналитичных индивидов у подавляющего большинства участников выделялись субкомпоненты.

По точному критерию Фишера было показано, что у аналитичных индивидов чаще, чем у холистичных появляются субкомпоненты *P*300 ($p = 0.017$) в первой аналитической серии. У аналитичных индивидов в первой аналитической серии чаще, чем в первой холистической, появляются субкомпоненты ($p = 0.064$), на уровне тенденции.

Дополнительный анализ был связан с анализом амплитудной выраженности этих субкомпонентов. На рис. 6 приведены данные об относительной выраженности субкомпонента *P*300 по сериям.

Было показано, что у аналитичных индивидов сильнее, чем у холистичных, выражен субкомпонент *P*300 в первой аналитической задаче ($U = 81.5$, $p = 0.013$). Также у аналитичных индивидов в первой аналитической задаче выраженность субкомпонента выше, чем в первой холистической ($T = 9$, $p = 0.01$), этот же вывод подтверждается и на всей выборке ($T = 50$, $p = 0.004$), хотя есть основания полагать, что этот феномен проявляется за счет аналитической группы. Различия между первой аналитической и первой холистической задачами также сильнее проявляются в группе аналитичных, нежели холистичных, индивидов, на уровне тенденции ($U = 98$, $p = 0.057$).

В качестве альтернативного предположения о появлении субкомпонентов *P*300 можно было выдвинуть гипотезу о том, что в разных отведениях проявляются пики разной латентности и при объединении их в общий потенциал появляется

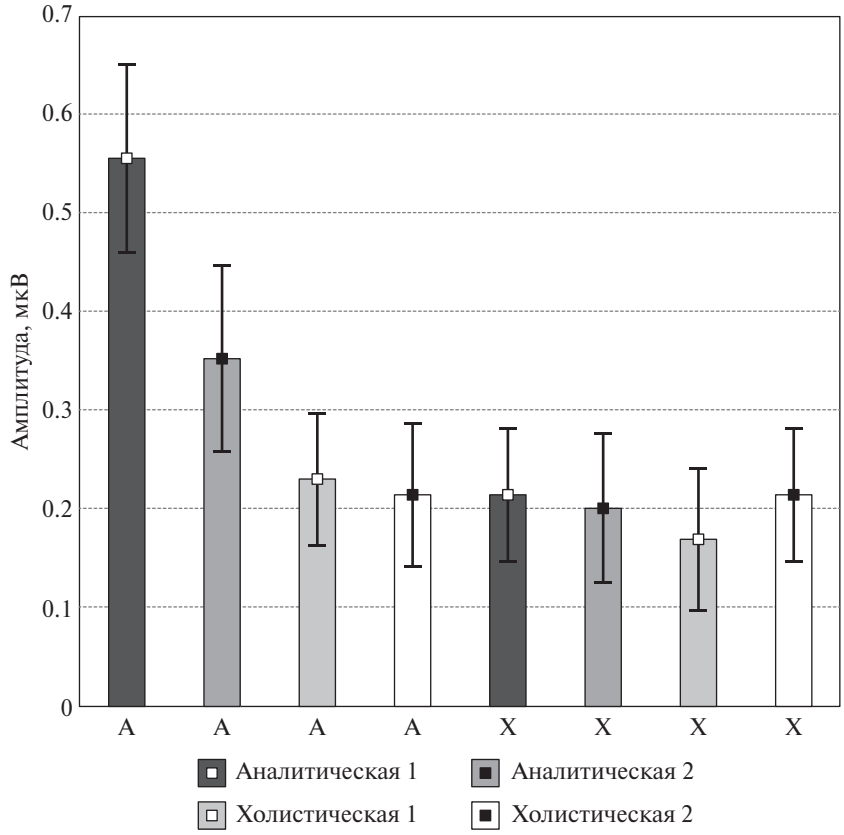


Рис. 6. Выраженность субкомпонента *P*300 у аналитичных и холистичных индивидов при решении аналитической и холистической задач
Примечание. Обозначения, как на рис. 2.

феномен субкомпонентов. Для проверки этого предположения были сопоставлены конфигурации потенциалов, зарегистрированных в отдельных отведениях. Было показано, что конфигурация сохраняется у 84.8% ССП, имеющих субкомпоненты на общем потенциале, и только у 15.1% феномен появления субкомпонента можно было объяснить разной латентностью в отдельных отведениях. По точному критерию Фишера было показано, что частота случаев с сохранением конфигурации (т.е. появлением субкомпонентов при анализе отдельных отведений) превышает частоту изменения конфигурации ($p < 0.001$).

При более детальном анализе того, кто именно из участников исследования являлся аналитичным или холистичным и в какой задаче было больше "ложных" появлений субкомпонентов, статистических эффектов найдено не было.

Другим возможным альтернативным объяснением появления субкомпонентов *P*300 могло стать предположение о том, что в задаче для участника исследования субъективно присутствовали две разные ситуации — ответы разных категорий. Для проверки этого предположения проверялось, сохраняются ли субкомпоненты в двух ситуациях, соответствующих двум отчетным действиям. Было показано, что в 78.51% случаев конфигурация потенциалов сохраняется при обоих отчетных действиях, в 19% случаев — в одном из двух отчетных действий (т.е. феномен субкомпонентов также есть, но только применительно к одной категории ответа), и лишь в 2.47% случаев субкомпонент пропадал. По точному критерию Фишера было показано, что частота сохранения конфигурации субкомпонентов при реализации обоих отчетных действий выше, чем во всех прочих ситуациях ($p < 0.001$).

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Сопоставление аналитических и холистических задач. Было показано, что в целом по выборке холистическая задача решается быстрее и правильнее, чем аналитическая. Это можно интерпретировать как то, что аналитическая задача является более трудной по сравнению с холистической. Однако, сопоставляя полученные данные с данными исследований, в которых использовалась та же задача, можно говорить о том, что респонденты именно из российской культуры справляются с аналитической задачей хуже, чем с холистической. Американцы

справляются с аналитической задачей успешнее, чем с холистической, а японцы, наоборот, показывают результаты, сходные с нашими. Причем различия между аналитической и холистической задачами у американцев выше, чем у японцев [30]. Таким образом, этот результат можно интерпретировать как подтверждающий отнесение российской культуры к культурам холистическим.

Сравнение скорости решения задач аналитичными и холистичными индивидами. В нашем исследовании холистические задачи быстрее всего решались именно холистичными индивидами. Было показано, что использующие интуитивный стиль мышления люди решают задачи в принципе быстрее [32], что согласуется с нашими данными. Холистичные индивиды решают все задачи быстрее, включая контрольную, которая является неспецифической относительно аналитичности–холистичности. При этом аналитичные индивиды меньше всего "отстают" от холистичных в аналитической задаче, т.е. в той, которая является специфической для них. Также это может говорить о том, что быстрота холистического решения лучше всего подтверждается у холистичных индивидов в силу того, что эта задача является для них специфической.

Поведенческие и физиологические различия в контексте временно́й динамики. Было получено несколько результатов, обладающих сходной временно́й динамикой. Различия между аналитичными и холистичными индивидами во времени отчетного действия, а также в успешности решения аналитических и холистических задач обнаружены только при первом тестировании, но не при втором. Различия в амплитудах *P*300 при решении аналитической и холистической задач при первом тестировании были достоверно выше, чем при втором.

Известно, что научение — не одномоментный процесс. Оно включает стадии развертывания процессов консолидации и реконсолидации во времени, что выявляется при анализе как поведенческих показателей, так и мозговой активности [4]. В связи с этим изложенные выше данные можно рассматривать как указание на то, что при повторном тестировании, когда предположительно у участников исследования произошло развертывание процесса научения, многие эффекты, как поведенческие, так и физиологические, демонстрирующие различия между поведением и его мозговым обеспечением, у аналитичных и холистичных индивидов нивелировались или достоверно уменьшились. Таким образом, можно говорить о том, что основные поведенческие и физиологические различия, связанные с аналитичностью–холистичностью, проявляются на начальном этапе научения, приобретения навыка, а не в ситуации, когда есть достаточно сформированный опыт. Можно предполагать, что для аналитичных и холистичных индивидов есть специфика научения, получения нового опыта, и эти особенности в меньшей степени проявляются при реализации уже существующего опыта.

Надо отметить, что исследование научения не входило в основную цель данного исследования, и поэтому дизайн исследования допускает разную трактовку наблюдавшейся динамики. Вместе с тем полученные данные свидетельствуют в пользу того, что более углубленное исследование процесса научения является перспективной задачей, которая рассматривается нами как одно из направлений наших будущих исследований.

Полученные результаты позволяют выдвинуть новую гипотезу об особенностях научения, связанных с аналитичностью–холистичностью. Можно полагать, что в связи с различным подходом к анализу ситуаций у аналитичных и холистичных индивидов, они, даже находясь в одной культуре, формируют различающиеся структуры индивидуального опыта, что определяет различающиеся характеристики их научения и мозгового обеспечения поведения на последовательных этапах формирования навыка. Это представление соответствует полученным в настоящем исследовании данным (см. следующий раздел) и сформулированному Я.А. Пономаревым принципу "этапы–уровни–ступени", предполагающему, что структура опыта будет определять специфику приобретения следующих навыков [15]. Также полученные данные соотносятся с работами в области когнитивной психологии. Так, показано, что когнитивно-стилевые различия в наибольшей степени проявляются при первичном взаимодействии с новой ситуацией [14].

Особенности динамики решения аналитических и холистических задач. При анализе особенностей динамики правильных ответов у аналитичных и холистичных индивидов были найдены противоположные результаты. У аналитичных индивидов при сравнении первого и второго тестирования улучшились результаты в холистической задаче, а у холистичных — в аналитической. Возможно, под решение задач "своего" типа имеется более специфицированный индивидуальный опыт, и поэтому улучшение результативности происходит с трудом. Результативность может улучшаться быстрее в ситуациях, для которых исходно активируется меньшее количество функциональных систем опыта, в том числе оппонентных, и поэтому в неспецифичных для ментальности индивида задачах легче

происходит процесс дополнительной дифференциации, который выглядит как улучшение успешности решения. Это также соотносимо с представлениями о большей скорости научения в ситуации регрессии — вре́менной дедифференциации опыта, которая предполагает более эффективную дифференциацию опыта, начинающуюся с временного снижения дифференцированности [2; 6].

Также можно упомянуть результаты работы, в которой было показано, что погружение в условия "чужой" по параметрам аналитичности–холистичности культурной среды приводит к нивелированию в ходе аккультурации исходно наблюдаемых поведенческих различий [27], а также данные о том, что специфика приобретения нового опыта опосредуется уже имеющимся опытом [4; 33].

Амплитуда P300 и неоднородность его пика. Было показано, что в группе аналитичных индивидов при решении аналитической задачи есть тенденция к появлению субкомпонентов *P*300. Это приводит к тому, что компонент становится менее четким, меньшим по амплитуде и более растянутым во времени, что отражается в найденных статистически значимых феноменах.

Неартефактность данного вывода показывается с помощью анализа отдельных отведений и отдельного анализа проб, в которых индивид давал разные ответы. Было показано, что в отдельных отведениях также сохраняются субкомпоненты, и ситуации разных ответов также были одинаковы для участников исследования. Таким образом, можно говорить о том, что субкомпоненты представляют собой не наложение двух компонентов, например *P*300*a* и *P*300*b* (см. обзоры [34; 35]), а единый феномен.

Можно утверждать, что системный процесс принятия решения [7] происходит не одномоментно, а в несколько этапов. Это согласуется с нашим описанием *аналитических* задач, включающим критерий *пошаговости* решения, отличающий эти задачи от холистических, характеризующихся одномоментным, "одношаговым" решением [9]. В доступной нам литературе мы не обнаружили феномен множественности пика *P*300 у аналитичных (но не холистичных) индивидов при решении аналитических, но не холистических задач. Данный результат, с одной стороны, манифестирует мозговые процессы, лежащие в основе такового пошагового решения, а с другой — может рассматриваться в качестве показателя валидности выделенных нами критериев.

При этом отмечен процесс уменьшения частоты появления субкомпонентов *P*300 со временем: при повторном тестировании таких различий уже не наблюдается. И по своим амплитудным характеристикам *P*300 уже не отличается от потенциала, полученного при решении участниками холистической задачи.

Можно предположить, что задача, исходно аналитическая, для участников исследования меняет свой статус. В литературе существуют данные о том, что решение задачи сначала имеет несколько этапов, а затем, при совершенствовании навыка, его "автоматизации" происходит их объединение, они сливаются в один акт [11; 17].

Можно предположить, что при подобной динамике аналитическая задача начинает сдвигаться в сторону холистической по физиологическим характеристикам процесса принятия решения и по времени отчетного действия. Такая "холистизация" задачи может также связываться с переходом на холистический этап решения [22].

ВЫВОДЫ

1. Холистические задачи российской выборкой решаются быстрее и правильнее аналитических, что предположительно говорит в целом о меньшей специфичности аналитической задачи для ментальности представителей российской культуры.

2. Холистичные индивиды решают задачи быстрее аналитичных, причем этот феномен сильнее всего проявляется в холистических задачах. В аналитических задачах различия нивелируются за счет того, что аналитичные индивиды находятся в специфической для себя ситуации.

3. Поведенческие и физиологические различия по аналитичности–холистичности проявляются сильнее при первом тестировании, на начальном этапе обучения. При повторном тестировании различия нивелируются или становятся достоверно слабее. Это может говорить о различии процесса научения у аналитичных и холистичных индивидов.

4. Аналитичные индивиды быстрее научаются холистическим задачам, а холистичные — аналитическим. Это может говорить о необходимости быстрее обучаться неспецифическим для своего типа ментальности задачам, так как навыки решения специфической для своего типа ментальности задачи больше представлены в индивидуальном опыте.

5. На физиологическом уровне, при анализе активности мозга, было показано, что решение аналитической задачи обеспечивается за счет пошагового решения (мультиплицированный компонент). Эта пошаговость исчезает при последующей автоматизации навыка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александров И.О.*, *Максимова Н.Е.* Типология медленных потенциалов мозга, нейрональная активность и динамика системной организации поведения // ЭЭГ и нейрональная активность в психофизиологических исследованиях / Отв. ред. В.Б. Швырков, В.М. Русалов, Д.Г. Шевченко. М.: Наука, 1987. С. 44–72.
2. *Александров Ю.И.* Регрессия // Седьмая международная конференция по когнитивной науке. Тезисы докладов / Отв. ред. Ю.И. Александров, К.В. Анохин. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016. С. 100–101.
3. *Александров Ю.И.*, *Апанович В.В.* Значение меж- и внутрикультурных ментальных вариаций // Нелинейная динамика в когнитивных исследованиях — 2019: труды VI Всероссийской конференции / Отв. ред. В.А. Антонец, С.Б. Парин, В.Г. Яхно. Нижний Новгород: ИПФ РАН, 2019.
4. *Александров Ю.И.*, *Горкин А.Г.*, *Созинов А.А.*, *Сварник О.Е.*, *Кузина Е.А.*, *Гаврилов В.В.* Консолидация и реконсолидация памяти: психофизиологический анализ // Вопросы психологии. 2015. № 3. С. 133–144.
5. *Александров Ю.И.*, *Самс М.*, *Лавикайнен Ю.*, *Рейникайнен К.*, *Наатанен Р.* Зависимость свойств связанных с событиями потенциалов от возраста элементов субъективного опыта, актуализируемых при категоризации слов родного и иностранного языков // Психологический журнал. 1997. Т. 18. № 1. С. 133–145.
6. *Александров Ю.И.*, *Сварник О.Е.*, *Знаменская И.И.*, *Колбенева М.Г.*, *Арутюнова К.Р.*, *Крылов А.К.*, *Булава А.И.* Регрессия как этап развития. М.: Когито-Центр, 2017.
7. *Анохин П.К.* Проблема принятия решения в психологии и физиологии // Вопросы психологии. 1974. № 4. С. 21–29.
8. *Апанович В.В.*, *Знаков В.В.*, *Александров Ю.И.* Апробация шкалы аналитичности–холистичности на российской выборке // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 5. С. 80–96.
9. *Апанович В.В.*, *Тищенко А.Г.*, *Знаков В.В.*, *Александров Ю.И.* Конструирование блоков аналитических и холистических задач и их эмпирическая проверка // Вопросы психологии. 2020. Т. 66. № 4. С. 142–154.
10. *Безденежных Б.Н.* Психофизиологические закономерноси взаимодействия функциональных систем при реализации деятельности: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 2004.
11. *Безденежных Б.Н.*, *Пашина А.Х.* Структура ЭЭГ активности при печатании предложения на пишущей машинке // ЭЭГ и нейрональная активность в психофизиологических исследованиях. М.: Наука, 1987. С. 185–197.
12. *Гаврилов В.В.* Соотношение ЭЭГ и импульсной активности нейронов в поведении у кролика // ЭЭГ и нейрональная активность в психофизиологических исследованиях / Отв. ред. В.Б. Швырков, В.М. Русалов, Д.Г. Шевченко. М.: Наука, 1987. С. 33–43.
13. *Знаков В.В.* Психология понимания мира человека. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2016.
14. *Корнилова Т.В.*, *Тихомиров О.К.* Принятие интеллектуальных решений в диалоге с компьютером. М.: Изд-во МГУ, 1992.
15. *Пономарев Я.А.* Методологическое введение в психологию. М.: Наука, 1983.
16. *Швырков В.Б.* Введение в объективную психологию: нейрональные основы психики. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 1995.
17. *Швырков В.Б.*, *Пашина А.Х.* К вопросу о сокращении времени реакции в обучении // Теория функциональных систем в физиологии и психологии. М.: Наука, 1978. С. 347–357.
18. *Alexandrov Yu.I.*, *Klucharev V.*, *Sams M.* Effect of emotional context in auditorycortex processing // Int. J. Psychophysiol. 2007. V. 65. № 3. P. 261–271.
19. *Alexandrov Yu.I.*, *Sams M.*, *Lavikainen J.*, *Reinikainen K.*, *Naatanen R.* Differential effects of alcohol on the cortical processing of foreign and native language // International Journal of Psychophysiology. 1998. V. 28. P. 1–10.
20. *Apanovich V.V.*, *Bezdenezhnykh B.N.*, *Sams M.*, *Jääskeläinen I.P.*, *Alexandrov Yu.I.* Event-related potentials during individual, cooperative, and competitive task performance differ in subjects with analytic vs. holistic thinking // International Journal of Psychophysiology. 2018. V. 123. P. 136–142.
21. *Bacha-Trams M.*, *Alexandrov Y.I.*, *Broman E.*, *Glerean E.*, *Kauppila M.*, *Kauttonen J.*, *Ryyppö E.*, *Sams M.*, *Jääskeläinen I.P.* A drama movie activates brains of holistic and analytical thinkers differentially // Social cognitive and affective neuroscience. 2018. V. 13. № 12. P. 1293–1304.
22. *Barton J.*, *Haslett T.* Analysis, synthesis, systems thinking and the scientific method: rediscovering the importance of open systems // Systems Research and Behavioral Science: The Official Journal of the International Federation for Systems Research. 2007. V. 24. № 2. P. 143–155.
23. *Bjornsdottir R.T.*, *Rule N.O.* Cultural neuroscience // Advances in Culturally-Aware Intelligent Systems and in Cross-Cultural Psychological Studies. Springer, Cham, 2018. P. 265–282.
24. *de Oliveira S.*, *Nisbett R.E.* Culture changes how we think about thinking: From “Human Inference” to “Geography of Thought” // Perspectives on Psychological Science. 2017. V. 12. № 5. P. 782–790.

25. *Hari R.*, *Henriksson L.*, *Malinen S.*, *Parkonnen L.* Centrality of Social Interaction in Human Brain Function // Neuron. 2015. V. 88. P. 181–193.

26. *Hari R.*, *Sams M.*, *Nummenmaa L.* Attending and neglecting people: bridging neuroscience, psychology and sociology. The Royal Society Publishing, 2016.

27. *Hedden T.*, *Ketay S.*, *Aron A.*, *Markus H.R.*, *Gabrieli J.* Cultural influences on neural substrates of attentional control // Psychological Science. 2008. V. 19. № 1. P. 12–17.

28. *Hyde L.W.*, *Tompson S.*, *Creswell J.D.*, *Falk E.B.* Cultural neuroscience: new directions as the field matures // Culture and Brain. 2015. V. 3. № 2. P. 75–92.

29. *Kerby D.S.* The simple difference formula: An approach to teaching nonparametric correlation // Comprehensive Psychology. 2014. V. 3.

30. *Kitayama S.*, *Duffy S.*, *Kawamura T.*, *Larsen J.T.* Perceiving an object and it's context in different cultures: a cultural look at new look // Psychological science. 2003. V. 14. № 3. P. 201–206.

31. *Masuda T.*, *Nisbett R.E.* Attending holistically versus analytically: comparing the context sensitivity of Japanese and Americans // Journal of Personality and Social Psychology. 2001. V. 81. № 5. P. 922–934

32. *Pacini R.*, *Epstein S.* The relation of Rational and Experiental Information Processing Styles to Personality, Basic Beliefs and the Ratio-Bias Phenomenon // Journ. of Personality and Social Psychology. 1999. V. 76. № 6. P. 972–987.

33. *Parsons R.G.* Behavioral and neural mechanisms by which prior experience impacts subsequent learning // Neurobiology of Learning and Memory. 2018. V. 154. P. 22–29.

34. *Polich J.* Updating P300: an integrative theory of P3a and P3b // Clinical Neurophysiology. 2007. V. 118. № 10. P. 2128–2148.

35. *Polich J.*, *Criado J.R.* Neuropsychology and neuropharmacology of P3a and P3b // International Journal of Psychophysiology. 2006. V. 60. № 2. P. 172–185.

36. *Talhelm T.*, *Zhang X.*, *Oishi S.*, *Shimin C.*, *Duan D.*, *Lan X.*, *Kitayama S.* Large-Scale Psychological Differences within China Explained by Rice Versus Wheat Agriculture // Science. 2014. V. 344. P. 603–608.

37. *Uskul A.K.*, *Kitayama S.*, *Nisbett R.E.* Ecocultural basis of cognition: Farmers and fishermen are more holistic than herders // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2008. V. 105. № 25. P. 8552–8556.

DIFFERENCES IN BRAIN SUPPORT FOR SOLVING ANALYTICAL AND HOLISTIC PROBLEMS[4]

V. V. Apanovich[1,2,3,4,*], E. A. Aramyan[1,], M. S. Dol'nikova[1,***], Yu. I. Aleksandrov[1,2,3,4,****]**

[1]State Academic University for the Humanities;
119049, *Moscow*, *Maronovskiy per.*, *26*, *Russia*.
[2]Institute of Psychology RAS;
129366, *Moscow*, *Yaroslavskaya str.*, *13*, *bld. 1*, *Russia*.
[3]Moscow State Psychological and Pedagogical University;
127051, *Moscow*, *Sretenka str.*, *29*, *Russia*.
[4]HSE University;
101000, *Moscow*, *Myasnitskaya str.*, *20*, *Russia*.
[*]Junior Researcher at Shvyrkov's Laboratory of Psychophysiology, *IP RAS*,
Research Fellow at Laboratory of Neurocognitive Studies of Individual Experience, *MGPPU*,
Junior Researcher at International Laboratory of Social Neuroscience, *HSE*, *Senior Lecturer*, *GAUGN*.
E-mail: *apanovitschvv@yandex.ru*
[**]Master student.
[***]Master student.
[****]Corresponding Member of RAE, *ScD* (*Psychology*), *Professor*, *Head of Shvyrkov's Laboratory of Psychophysiology*, *IP RAS*, *Head of Laboratory of Neurocognitive Studies of Individual Experience*, *MGPPU*, *Chief Science Officer at International Laboratory of Social Neuroscience*, *HSE*, *Head of Psychophysiology Chair*, *GAUGN*.

Received 02.06.2020

Abstract. Topical issue was to study the system organization of experience which ensures the solution of analytical and holistic tasks. It was assumed that the set of functional systems that are updated to solve various problems differs which is manifested in brain activity and these differences are mediated by whether an analytical or holistic individual solves a task of "his" type or not. A study of brain support for the process of analytical and holistic task' solving by representatives of the analytical and holistic subpopulations of Russian culture was conducted ($N = 52$). It was shown that holistic problems are solved faster and more correctly than analytical ones which is consistent with the idea of the holistic nature of Russian culture. At the same time, as learning progressed, there was an improvement in performance in tasks of the "non-own" type, i.e., holistic tasks in analytical individuals, and vice versa, in comparison with tasks specific to the mentality of individuals. The differences between the components of event-related potentials that arise when solving problems of different types by analytical and holistic individuals are obtained including the P300 sub-peaks when solving an analytical problem by analytical individuals. The obtained differences in event-related potentials are compared with the criteria of analytical and holistic problems that we identified earlier. The directions of further research of the learning process in individuals with different mentalities are discussed.

Keywords: analyticity, holism, EEG, BSC, problem solving.

REFERENCES

1. *Aleksandrov I.O.*, *Maksimova N.E.* Tipologiya medlennyh potencialov mozga, nejronal'naya aktivnost' i dinamika sistemnoj organizacii povedeniya. EEG i nejronal'naya aktivnost' v psihofiziologicheskih issledovaniyah. Eds. V.B. Shvyrkov, V.M. Rusalov, D.G. Shevchenko. Moscow: Nauka, 1987. P. 44–72. (In Russian)
2. *Aleksandrov Yu.I.* Regressiya. Sed'maya mezhdunarodnaya konferenciya po kognitivnoj nauke. Tezisy dokladov. Ed. Yu.I. Aleksandrov, K.V. Anohin. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016. P. 100–101. (In Russian)
3. *Aleksandrov Yu.I.*, *Apanovich V.V.* Znachenie mezh- i vnutrikul'turnyh mental'nyh variacij. Nelinejnaya dinamika v kognitivnyh issledovaniyah — 2019: trudy VI Vserossijskoj konferencii. Ed. V.A. Antonec, S.B. Parin, V.G. YAhno. Nizhnij Novgorod: IPF RAN, 2019. (In Russian)
4. *Aleksandrov Yu.I.*, *Gorkin A.G.*, *Sozinov A.A.*, *Svarnik O.E.*, *Kuzina E.A.*, *Gavrilov V.V.* Konsolidaciya i rekonsolidaciya pamyati: psihofiziologicheskij analiz. Voprosy psihologii. 2015. № 3. P. 133–144. (In Russian)
5. *Aleksandrov Yu.I.*, *Sams M.*, *Lavikajnen Yu.*, *Rejnikajnen K.*, *Naatanen R.* Zavisimost' svojstv svyazannyh s sobytiyami potencialov ot vozrasta elementov sub"ektivnogo opyta, aktualiziruemyh pri kategorizacii slov rodnogo i inostrannogo yazykov. Psikhologicheskii zhurnal. 1997. V. 18. № 1. P. 133–145. (In Russian)
6. *Aleksandrov Yu.I.*, *Svarnik O.E.*, *Znamenskaya I.I.*, *Kolbeneva M.G.*, *Arutyunova K.R.*, *Krylov A.K.*, *Bulava A.I.* Regressiya kak etap razvitiya. Moscow: Kogito-Centr, 2017. (In Russian)
7. *Anohin P.K.* Problema prinyatiya resheniya v psihologii i fiziologii. Voprosy psihologii. 1974. № 4. P. 21–29. (In Russian)
8. *Apanovich V.V.*, *Znakov V.V.*, *Aleksandrov Yu.I.* Aprobaciya shkaly analitichnosti–holistichnosti na rossijskoj vyborke. Psikhologicheskii zhurnal. 2017. V. 38. № 5. P. 80–96. (In Russian)
9. *Apanovich V.V.*, *Tishchenko A.G.*, *Znakov V.V.*, *Aleksandrov Yu.I.* Konstruirovanie blokov analiticheskih i holisticheskih zadach i ih empiricheskaya proverka. Voprosy psihologii. 2020. V. 66. № 4. P. 142–154. (In Russian)
10. *Bezdenezhnyh B.N.* Psihofiziologicheskie zakonomernosi vzaimodejstviya funkcional'nyh sistem pri realizacii deyatel'nosti: Avtoref. dis. ... d-ra psihol. nauk. Moscow, 2004. (In Russian)
11. *Bezdenezhnyh B.N.*, *Pashina A.H.* Struktura EEG aktivnosti pri pechatanii predlozheniya na pishushchej mashinke. EEG i nejronal'naya aktivnost' v psihofiziologicheskih issledovaniyah. Moscow: Nauka, 1987. P. 185–197. (In Russian)
12. *Gavrilov V.V.* Sootnoshenie EEG i impul'snoj aktivnosti nejronov v povedenii u krolika. EEG i nejronal'naya aktivnost' v psihofiziologicheskih issledovaniyah. Eds. V.B. Shvyrkov, V.M. Rusalov, D.G. Shevchenko. Moscow: Nauka, 1987. P. 33–43. (In Russian)
13. *Znakov V.V.* Psihologiya ponimaniya mira cheloveka. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2016. (In Russian)
14. *Kornilova T.V.*, *Tihomirov O.K.* Prinyatie intellektual'nyh reshenij v dialoge s komp'yuterom. Moscow: Iz-vo MGU, 1992. (In Russian)
15. *Ponomaryov Ya.A.* Metodologicheskoe vvedenie v psihologiyu. Moscow: Nauka, 1983. (In Russian)
16. *Shvyrkov V.B.* Vvedenie v ob"ektivnuyu psihologiyu: nejronal'nye osnovy psihiki. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 1995. (In Russian)

[4] The primary analysis of behavioral characteristics was carried out under the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (No. 0159-2020-0001), analysis of differences in brain providing decision-making process was carried out with the financial support of the research project "Social aspects of individual experience formation in the ontogenetic development", MGPPU.

17. *Shvyrkov V.B.*, *Pashina A.H.* K voprosu o sokrashchenii vremeni reakcii v obuchenii. Teoriya funkcional'nyh sistem v fiziologii i psihologii. Moscow: Nauka, 1978. P. 347–357. (In Russian)

18. *Alexandrov Yu.I.*, *Klucharev V.*, *Sams M.* Effect of emotional context in auditorycortex processing. Int. J. Psychophysiol. 2007. V. 65. № 3. P. 261–271.

19. *Alexandrov Yu.I.*, *Sams M.*, *Lavikainen J.*, *Reinikainen K.*, *Naatanen R.* Differential effects of alcohol on the cortical processing of foreign and native language. International Journal of Psychophysiology. 1998. V. 28. P. 1–10.

20. *Apanovich V.V.*, *Bezdenezhnykh B.N.*, *Sams M.*, *Jääskeläinen I.P.*, *Alexandrov Yu.I.* Event-related potentials during individual, cooperative, and competitive task performance differ in subjects with analytic vs. holistic thinking. International Journal of Psychophysiology. 2018. V. 123. P. 136–142.

21. *Bacha-Trams M.*, *Alexandrov Y.I.*, *Broman E.*, *Glerean E.*, *Kauppila M.*, *Kauttonen J.*, *Ryyppö E.*, *Sams M.*, *Jääskeläinen I.P.* A drama movie activates brains of holistic and analytical thinkers differentially. Social cognitive and affective neuroscience. 2018. V. 13. № 12. P. 1293–1304.

22. *Barton J.*, *Haslett T.* Analysis, synthesis, systems thinking and the scientific method: rediscovering the importance of open systems. Systems Research and Behavioral Science: The Official Journal of the International Federation for Systems Research. 2007. V. 24. № 2. P. 143–155.

23. *Bjornsdottir R.T.*, *Rule N.O.* Cultural neuroscience. Advances in Culturally-Aware Intelligent Systems and in Cross-Cultural Psychological Studies. Springer, Cham, 2018. P. 265–282.

24. *de Oliveira S.*, *Nisbett R.E.* Culture changes how we think about thinking: From "Human Inference" to "Geography of Thought". Perspectives on Psychological Science. 2017. V. 12. № 5. P. 782–790.

25. *Hari R.*, *Henriksson L.*, *Malinen S.*, *Parkonnen L.* Centrality of Social Interaction in Human Brain Function. Neuron. 2015. V. 88. P. 181–193.

26. *Hari R.*, *Sams M.*, *Nummenmaa L.* Attending and neglecting people: bridging neuroscience, psychology and sociology. The Royal Society Publishing, 2016.

27. *Hedden T.*, *Ketay S.*, *Aron A.*, *Markus H.R.*, *Gabrieli J.* Cultural influences on neural substrates of attentional control. Psychological Science. 2008. V. 19. № 1. P. 12–17.

28. *Hyde L.W.*, *Tompson S.*, *Creswell J.D.*, *Falk E.B.* Cultural neuroscience: new directions as the field matures. Culture and Brain. 2015. V. 3. № 2. P. 75–92.

29. *Kerby D.S.* The simple difference formula: An approach to teaching nonparametric correlation. Comprehensive Psychology. 2014. V. 3.

30. *Kitayama S.*, *Duffy S.*, *Kawamura T.*, *Larsen J.T.* Perceiving an object and it's context in different cultures: a cultural look at new look. Psychological Science. 2003. V. 14. № 3. P. 201–206.

31. *Masuda T.*, *Nisbett R.E.* Attending holistically versus analytically: comparing the context sensitivity of Japanese and Americans. Journal of Personality and Social Psychology. 2001. V. 81. № 5. P. 922–934

32. *Pacini R.*, *Epstein S.* The relation of Rational and Experiental Information Processing Styles to Personality, Basic Beliefs and the Ratio-Bias Phenomenon. Journ. of Personality and Social Psychology. 1999. V. 76. № 6. P. 972–987.

33. *Parsons R.G.* Behavioral and neural mechanisms by which prior experience impacts subsequent learning. Neurobiology of Learning and Memory. 2018. V. 154. P. 22–29.

34. *Polich J.* Updating P300: an integrative theory of P3a and P3b. Clinical neurophysiology. 2007. V. 118. № 10. P. 2128–2148.

35. *Polich J.*, *Criado J.R.* Neuropsychology and neuropharmacology of P3a and P3b. International Journal of Psychophysiology. 2006. V. 60. № 2. P. 172–185.

36. *Talhelm T.*, *Zhang X.*, *Oishi S.*, *Shimin C.*, *Duan D.*, *Lan X.*, *Kitayama S.* Large-Scale Psychological Differences within China Explained by Rice Versus Wheat Agriculture. Science. 2014. V. 344. P. 603–608.

37. *Uskul A.K.*, *Kitayama S.*, *Nisbett R.E.* Ecocultural basis of cognition: Farmers and fishermen are more holistic than herders. Proceedings of the National Academy of Sciences. 2008. V. 105. № 25. P. 8552–8556.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 61–70

ПСИХОФИЗИОЛОГИЯ

УДК 159.923.2

ФАКТОРЫ ЭФФЕКТА БАРНУМА: АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ

© 2021 г. А. С. Гайдай

ФГБОУ ВО Тихоокеанский государственный медицинский университет Минздрава России;
690002, Приморский край, г. Владивосток, пр-т Острякова, д. 2, Россия.
Преподаватель кафедры общепсихологических дисциплин.
E-mail: netparoley@gmail.com

Поступила 23.09.2020

Аннотация. Представлен обзор исследований, посвященных эффекту Барнума — склонности человека узнавать себя в тривиальных (обобщенных, неконкретных) описаниях. Данный эффект вычисляется посредством оценки точности, выставляемой испытуемым при соотнесении описания с самовосприятием. Важным условием возникновения эффекта Барнума является убежденность оценивающего в том, что описан именно он, а не кто-то другой. Рассмотрены исследования таких факторов, связанных с проявлением эффекта Барнума, как гендерная принадлежность, личностные особенности и характеристики (потребность в одобрении, самооценка, локус контроля, авторитарность, тревожность, незащищенность, доверчивость), интеллект, установка по отношению к исследованию (эффект отнесения к себе), а также внешних факторов (статус источника, тип методики, обобщенность, универсальность и приятность описания). Предложена модель детерминант эффекта Барнума, обобщающая основные достижения в данной области исследований.

Ключевые слова: психологический портрет, эффект Барнума, эффект отнесения к себе, детерминанты эффекта Барнума, личная проверка, релевантность описания, приятность описания.

DOI: 10.31857/S020595920014245-5

Данная статья посвящена обзору исследований эффекта Барнума, т.е. узнаванию себя в тривиальных (обобщенных, неконкретных) описаниях. Обычно данный эффект операционализируется посредством оценки точности, выставляемой испытуемым при соотнесении описания с самовосприятием. Если такая оценка оказывается высокой, то можно говорить о проявлении эффекта Барнума. Важным условием возникновения этого эффекта является убежденность оценивающего, что описан именно он, а не кто-то другой. Как правило, эффект Барнума изучается через призму его детерминант, и ниже будут разобраны исследования большинства изученных факторов. Мы исходим из разделения этих факторов на две группы:

1) внутренние связаны с личностными особенностями и характеристиками испытуемых;

2) внешние касаются характеристик описания, его происхождения, ситуации исследования.

Теоретическая актуальность эффекта Барнума заключается в том, что этот достаточно интересный феномен обладает значительным потенциалом для исследований. Это утверждение может показаться спорным, поскольку подавляющая часть исследований данного эффекта проводилась в США в 60-е и 70-е годы прошлого века. Однако эффект Барнума не исследовался сколь-либо масштабно с выдержкой единой методологии: посвященные ему работы носят локально-апробационный характер. Такой подход был исчерпан в 1980-е годы, на замену ему не было предложено ничего нового, и эффект Барнума как самостоятельный предмет изучения был в значительной степени забыт исследователями. Отечественной науке эффект Барнума известен как один из феноменов, способных внести помехи в результаты научного исследования [2–5]. А вот в качестве предмета эмпирических исследований эффект Барнума в русскоязычной литературе малоизвестен, поэтому в основном мы опираемся на зарубежные исследования.

Не лишен этот эффект и практической значимости — в наш век активного развития информационных технологий и вторжения их в личное пространство в маркетинговых и иных целях очень важным оказывается различение искреннего отношения к себе как к индивидуальности и как к некому усредненному индивиду, из которого можно извлечь желаемое посредством алгоритмов и стандартизованных воздействий. Более глубокое

понимание психологических механизмов, проявляющихся в эффекте Барнума, поможет справиться с этой задачей и снизить вероятность успешных злоупотреблений в информационной среде. Учитывая активное развитие нейросетей, значимость эффекта Барнума в этом отношении будет только возрастать. Результаты настоящей работы позволят обобщить данные о факторах эффекта Барнума и наметить перспективные пути его дальнейшего изучения.

ВНУТРЕННИЕ ФАКТОРЫ ЭФФЕКТА БАРНУМА

Рассмотрим исследования, направленные на выявление связи личностных черт испытуемых с эффектом Барнума. Потребность в одобрении, локус контроля, авторитарность, незащищенность, тревожность и половая принадлежность ввиду однозначности результатов будут освещены кратко, а вот в оценке ролей доверчивости и интеллектуальной развитости характерны разногласия среди исследователей, потому и освещены эти факторы будут шире. Также будет рассмотрена роль релевантности и эффекта отнесения к себе.

Потребность в одобрении, локус контроля, авторитарность, незащищенность, тревожность и пол. Потребность в одобрении и низкая самооценка как фактор эффекта Барнума впервые были исследованы Д. Мошером [25]. Этот автор использовал “Marlowe–Crowne Social Desirability Scale” (MC-SDS) и выяснил, что испытуемые, набравшие высокие баллы, принимали описания в тех случаях, когда не чувствовали угрозы своей самооценке. Р. Орпен [27] выявил, что высокая потребность в одобрении играла значительную роль в принятии тривиальных описаний.

Р. Орпен [27] сообщает, что внешний локус контроля, измеренный по Rotter’s Internal-External Locus of Control Scale, позитивно коррелирует с хорошим принятием тривиальных описаний. Еще одной находкой стало открытие значимой позитивной корреляции авторитарности, измеренной при помощи *F*-шкалы, с принятием тривиальных описаний. Ч. Снайдер [29] обнаружил корреляцию между незащищенностью (insecurity) и принятием описания.

Половая принадлежность как фактор эффекта Барнума специально не изучалась, но обычно авторы учитывали эту переменную. Исходя из ряда исследований, можно сделать вывод, что пол испытуемого не оказывает значимого влияния на проявления эффекта Барнума [12; 16; 23]. Некоторые второстепенные половые различия были выявлены и будут перечислены ниже.

Опираясь на вышеизложенное, можно сказать, что такие личностные черты, как потребность в одобрении, авторитарность, незащищенность и внешний локус контроля, положительно коррелируют с принятием тривиальных описаний. Оговоримся, что испытуемые, у которых перечисленные черты не выражены, тоже подвержены эффекту Барнума, с той разницей, что у них он проявляется слабее. Иными словами, перечисленные черты не вызывают эффект, а лишь влияют на силу его проявления. Что до половой принадлежности испытуемых, то влияние пола невелико и возникает при сочетании с определенными личностными качествами. Так, добросовестные и внимательные к окружающим мужчины окажутся сильнее подвержены эффекту Барнума в сравнении с мужчинами, лишенными названных качеств. То же самое можно сказать о нуждающихся в поддержке, внимательных к окружающим и трудолюбивых женщинах. Астрологические описания оказывают чуть большее впечатление на женщин, чем на мужчин. С психологическими тестами ситуация прямо противоположная. Как видим, половая принадлежность в сочетании с некоторыми личностными чертами и источником описания играет некоторую роль в эффекте Барнума.

Доверчивость. Доверчивость (внушаемость, легковерность) обычно операционализируется как неспособность испытуемого дифференцировать разные типы описаний и утверждений. Если испытуемый не смог отличить свое настоящее описание от тривиального, значит, он доверчивый. Б. Форер [12] утверждал, что его данные ясно показывают внушаемость испытуемых. М. Мерренс [24] обнаружил, что студенты предпочитают обобщенное описание настоящему при оценке точности и конкретности. Последующие исследования дали аналогичный результат [17]. Все это подтверждало убеждение об особой доверчивости испытуемых, заставлявшей их ставить высокие оценки точности тривиальным описаниям.

Вопреки вышеизложенному, Н. Кэрриер [6] отметил, что внушаемость является не неотъемлемой чертой студентов, а результатом экспериментальной ситуации. Р. Грин [14; 15] утверждал, что тривиальные описания точны для всех людей, поэтому предъявление испытуемому такого описания неизбежно приведет к эффекту Барнума. Следовательно, важна не точность, а способность испытуемых заметить тривиальность описания. Эта способность была проверена Р. Грином [13], и выяснилось, что студенты распознавали тривиальные утверждения,

если их просили об этом. Оказалось, испытуемые понимают, что предъявляемые описания подходят и другим людям. То есть, в принципе, студенты способны различать типы описаний.

К. Лэйн [18; 19] спорит с утверждением, что испытуемые являются внушаемыми из-за принятия тривиальных описаний, ведь тривиальные описания зачастую точнее и приятнее настоящих. Дальнейшие его исследования дают подтверждение этой идее [20; 21].

В целом можно констатировать противоречивость исследований доверчивости как фактора эффекта Барнума. На первый взгляд представляется очевидным, что только доверчивый испытуемый примет на свой счет психологический портрет, подходящий практически любому человеку. И это подтверждено рядом исследований. Однако эффекту Барнума оказывались подвержены практически все испытуемые в сотнях исследований, и едва ли можно предполагать, что все эти люди были внушаемыми и доверчивыми. В то же время другая постановка задачи в рамках эксперимента давала результаты, показывающие способность испытуемых замечать характеристики описаний, обычно ускользавшие от их внимания. Поэтому говорить следует не о доверчивости испытуемых, а скорее о воздействии на них ситуации исследования в целом. Говоря просто, конкретный метод дает конкретный результат.

Интеллектуальная развитость. Поскольку большая часть испытуемых в исследованиях эффекта Барнума состояла из студентов, у ряда авторов возникло предположение о влиянии интеллектуальной зрелости на эффект Барнума. Подразумевалось, что студенты могут быть не самой подходящей выборкой для генерализации представлений об этом эффекте. Если обратиться к истории вопроса, то выяснится, что Б. Форер [12] не обнаружил возрастных различий в принятии описаний. А. Бахрах [6] выяснил, что студенты принимают описания лучше, чем клиенты психиатрического стационара. В другом исследовании старшекурсники хуже принимали описания по сравнению со студентами младших курсов, а аспиранты успешнее отличали свои описания от их противоположностей по сравнению со студентами [13].

Р. Грин [13] изучал возможность того, что умственно развитые испытуемые не будут принимать тривиальные описания с той же готовностью, что и наивные. Умные испытуемые были операционализированы как старшекурсники-психологи, а наивные — как учащиеся младших курсов. Оказалось, что оценки умных испытуемых были значительно ниже оценок наивных испытуемых по всем задействованным параметрам (точность и уникальность в описании себя и одногруппника). Б. Форер [14] также показал, что первокурсники дают высокие оценки точности тривиальным описаниям безотносительно своего возраста и образования. Аналогично А. Бахрах [6] выяснил, что студенты с большей вероятностью одобряли тривиальные описания как характеристики самих себя по сравнению с врачами-психиатрами. Однако обе группы с равной вероятностью приписывали характеристики из описания другим людям.

Р. Грин [15] давал настоящие личностные описания, полученные на основе California Psychological Inventory, и их полные противоположности второкурсникам, старшекурсникам и аспирантам. Старшекурсники и аспиранты сумели надежно распознать свои настоящие описания, в то время как второкурсникам это не удалось. Во второй фазе опыта испытуемым давали их настоящие и инвертированные результаты по Differential Aptitude Test. Анализ результатов показал, что второкурсники устойчиво выбирали свои настоящие результаты по обоим тестам, однако они были значительно больше осведомлены о своих интеллектуальных сильных и слабых сторонах, чем о чертах характера.

Получается, что интеллектуальная развитость и возраст сами по себе не оказывают заметного влияния на эффект Барнума. Поскольку большую проницательность в работе с тривиальными описаниями обнаружили испытуемые с психологическим образованием и опытом, можно предположить, что значение в данном случае имеет опыт взаимодействия с психодиагностическим инструментарием в профессиональных или учебных целях. Поскольку у психологов-первокурсников и взрослых представителей других профессий такого опыта нет, то и эффект Барнума у них проявляется отчетливее.

Релевантность и эффект отнесения к себе. При определении эффекта Барнума было сказано, что важным фактором его возникновения является убежденность оценивающего, что описан именно он, а не кто-то другой. Назовем это условием личной отнесенности. Однако это условие имеет свои ограничения, что становится ясным при обращении к, скажем, астрологическим описаниям. Они являются типично тривиальными, но это не мешает доверяющим астрологии людям ясно видеть себя в характеристике знака зодиака. Поэтому можно уточнить условие личной отнесенности, сказав, что значение имеет не только убежденность в индивидуальной предназначенности описания, но и в принципе наличие у описания основания, которое реципиент

воспримет как легитимное для составления своего психологического портрета. И таким основанием может служить практически все что угодно. Если условие личной отнесенности соблюдено, описание является релевантным. Если же испытуемому до предъявления говорят, что это описание другого человека, людей вообще и т.д., то это нерелевантное описание.

Мы рассматриваем релевантность среди внутренних характеристик, поскольку она отражает установку испытуемого к восприятию описания. Именно установка представляется здесь существенным компонентом релевантности, тогда как внешнего указания на адресата описания может и не быть, особенно в повседневной жизни.

Исследователи обращали внимание на то, как восприятие релевантности влияет на оценку точности. Сообщение о нерелевантности описания приводит к заметному снижению воспринимаемой точности [1]. Надо сказать, что из всех изученных факторов именно релевантность влияет на эффект Барнума наиболее значимо. Долгое время не предпринималось эмпирических попыток объяснения этой зависимости. Но в относительно новых исследованиях была показана связь вызванного релевантностью описания эффекта отнесения к себе, шизотипических черт и эффекта Барнума.

Г. Клэридж [9] использовал Oxford-Liverpool Inventory of Feelings and Experiences (O-LIFE), направленный на выявление шизотипических черт. Было показано, что две из четырех шкал этой методики положительно коррелируют с эффектом Барнума. Эти шкалы — необычные переживания (перцептивные нарушения, магическое мышление и галлюцинации) и когнитивная дезорганизация (невнимательность, несобранность, социальная тревожность и трудности в принятии решений) при ведущей роли последней. Отметим, что эффект Барнума проявился почти у всех испытуемых, но у набравших высокие баллы по названным шкалам он оказался особенно ярким. Две другие шкалы были связаны с эмоциональной сферой и не коррелировали с эффектом. Г. Клэридж [9] предположил, что перечисленные черты шкал необычных переживаний и когнитивной дезорганизации сопровождаются эффектом отнесения к себе. О. Мэйсон [26] показал связь шизотипических черт с ярко выраженным эффектом отнесения к себе. Можно сказать, что отнесение к себе является значимым фактором эффекта Барнума, однако механизмы его действия остаются неисследованными.

ВНЕШНИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ И ПОДВЕРЖЕННОСТЬ ЭФФЕКТУ БАРНУМА

Перейдем к рассмотрению внешних характеристик, среди которых: авторитет источника — исследователя или организации, предъявляющих описание; тип методики, на основе которой составляется описание; характеристики описания — обобщенность, универсальность и приятность.

Статус источника. Авторитет исследователя и представляемой им организации как вероятные факторы эффекта Барнума довольно рано привлекли к себе внимание. Предположение о важной роли престижа в эффекте Барнума было выдвинуто еще Б. Форером [12]. Первая проверка была предпринята Р. Ульрихом [31] в исследовании влияния авторитета экспериментатора на оценку точности тривиальных описаний. Хотя авторами описаний представлялись студенты, 75% участников оценили описание как хорошее или превосходное. Р. Ульрих сравнил это исследование с предыдущим, в котором интерпретацию давали психологи, и заключил, что от студентов описания принимались не хуже, чем от профессиональных психологов.

В. Дмитрук [11] сообщает о равном принятии негативного описания, будь оно от психолога или от студента, хотя данное исследование критиковалось [15]. Позднее Р. Коллинз [10] обнаружил вопреки предыдущей работе, что позитивные описания принимаются лучше негативных. Это расхождение неудивительно как ввиду признаваемых самими авторами методологических различий в двух экспериментах, так и в силу использования в них неидентичных описаний.

Г. Розен [28] сообщает, что, хотя психологи получали значительно более высокие оценки в смысле престижа по сравнению с астрологами, описания оценивались одинаково высоко по точности вне зависимости от источника. Ч. Снайдер [29] также сообщает, что вера испытуемого в способ оценки данных и в умения экспериментатора значительно повышалась после получения описания. Таким образом, вера в умения экспериментатора имеется независимо от его статуса и возрастает после получения описания, особенно если оно положительное. К. Гальперин [16] изучала влияние статуса экспериментатора и приятности описания и обнаружила, что низкостатусные экспериментаторы получали более низкие оценки, особенно если описание было негативным.

Подытожим: воспринимаемая точность тривиального описания не зависит от того, составлено ли оно клиническим психологом, аспирантом,

студентом или астрологом. Описания от психологов и астрологов воспринимаются как одинаково точные. Доверие испытуемых к методу и к экспериментатору повышается после знакомства с описанием. Экспериментаторы с низким статусом получают более низкие оценки, если описания неприятные. В целом можно говорить об ограниченном влиянии авторитета на эффект Барнума.

Роль методик и ситуации исследования. Идея, стоящая за нижеприведенными исследованиями, заключается в проверке влияния на эффект Барнума типа методики, которую испытуемый считает основой своего описания. Р. Коллинз [10] обнаружил, что принятие тривиальных описаний на основе личностных опросников не отличается от принятия описаний на основе сатирических опросников.

Ч. Снайдер [30] изучал разницу в принятии результатов психологических, графологических и астрологических методик, а также описаний, предъявляемых как “правда о людях”. О последнем уже говорилось при обсуждении релевантности, а остальные условия дали стандартные для исследований эффекта Барнума оценки. Видимо, пока испытуемый считает описание своим, тип методики играет малую роль.

Большая часть исследований показывает отсутствие воздействия на эффект Барнума типа методики. Однако ситуационные эффекты могут играть большую роль, что подтверждается опытом Ч. Снайдера [29], где он продемонстрировал, что незащищенность в качестве личностной черты улучшает принятие описаний. Таким образом, сама ситуация исследования может играть серьезную роль в эффекте Барнума.

На основе вышеизложенного можно сделать вывод о наличии незначительного влияния типа процедуры на оценки точности в том случае, если описание якобы основано на проективной методике. Хотя исследования не показали значимой роли метода и условий эксперимента, отдельные черты ситуации могут оказывать влияние на эффект Барнума.

Характеристики описания: тривиальность и универсальность. Практически во всех уже приведенных исследованиях было показано хорошее принятие тривиальных описаний [2; 8; 17; 22]. При составлении описаний для исследований по эффекту Барнума их тривиальность определялась интуитивно. Было ясно, что обобщенность играет важную роль, но долгое время не предпринималось попыток изучить ее подробнее. Такой попыткой стало введение понятия универсальности (base-rate truthfulness). По мысли авторов этого понятия, причина эффекта Барнума заключается в высокой универсальности тривиальных утверждений [30]. Иными словами, тривиальные утверждения, а тем самым и описания обладают свойством универсальности. Хотя и ранее считалось, что уже по определению тривиальные описания должны иметь высокую универсальность, Ч. Снайдер первым сформулировал это ясно [10; 14; 15; 24–26]. Однако эмпирически связь тривиальности и универсальности проверил другой автор [7]. По проверке универсальности типичного тривиального описания выяснилось, что только 7 из 12 его утверждений оказались универсальными. Следовательно, универсальность этого описания скорее средняя. Значит, даже при значительной доле неуниверсальных утверждений тривиальное описание все равно воспринимается как точное. Возникает вопрос — до каких пределов можно снижать количество универсальных утверждений, сохраняя при этом эффект Барнума?

Приятность описания. Исследование Д. Мошера [25] показало влияние приятности на людей с уязвимой самооценкой. П. Вайсберг [32] выяснил, что в ситуациях выбора из приятного, неприятного и нейтрального описания предпочтение отдавалось первому.

Однако в исследовании В. Дмитрука [11] негативные описания приняли наравне с позитивными. В других работах этот результат был оспорен [16]. К. Гальперин [16] изучала взаимодействие приятности с престижностью источника и заключила, что для негативного описания статус источника очень важен — негативное описание принимается лучше, если его сообщают авторитетные лица. Ч. Снайдер [30] также нашел, что вера испытуемых в квалификацию психолога возрастала, когда описания оказывались приятными.

До некоторой степени приятность описания связана с базовой точностью, т.е. универсальностью. К. Лэйн [19; 20] показал, что тривиальные описания точнее и приятнее настоящих описаний, и связал это с большей универсальностью первых. Более того, Ч. Снайдер [30] обнаружил лучшее принятие приятных описаний безотносительно универсальности их утверждений и склонность испытуемых рассматривать приятные описания как лучше подходящие себе, чем другим. Неприятные описания, напротив, были сочтены более подходящими другим людям.

Было предложено несколько объяснений более высоким оценкам приятных описаний. Ч. Снайдер [31] считает, что приятность повышает универсальность. Д. Маркс [23] указывает, что эффект Барнума вызывают даже конкретные и неточные

описания. Поэтому они заключили, что все их слова были приняты студентами за правду, а эффект Барнума является следствием внушаемости испытуемых.

Итак, точность приятных описаний в целом оценивается выше точности негативных описаний. Среди приятных, неприятных и нейтральных описаний предпочтение отдается первым. Для негативного описания очень важен статус источника — чем он выше, тем лучше такое описание принимается. Мнение испытуемых о квалификации психолога возрастало, если описание было приятным. Тривиальные описания воспринимаются как более точные и приятные, чем настоящие описания. Испытуемые склонны рассматривать позитивные описания как более точные для себя и менее точные для людей в целом, а негативные — как не менее верные для других, чем для себя.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Представим результаты обзора наглядно на рисунке и в таблице.

Ведущим фактором эффекта Барнума является релевантность описания. Если испытуемый, оценивающий точность, не считает описание своим, то эффект Барнума значительно ослабевает. Может показаться странным, что он не исчезает полностью, но это может быть связано с наличием практически в любом психологическом портрете утверждений, которые каждый человек примет на свой счет.

Это подводит нас к следующему фактору — универсальности описаний. На данный момент трудно сказать о нем что-то определенное. Эмпирическая проверка выявила ошибочность интуитивных предположений исследователей об универсальности классического тривиального описания из исследования Б. Форера. Напомним, что только 7 из 12 утверждений были признаны универсальными. И это при весьма скромном пороге универсальности в 66.7%. Пока можно остановиться на том, что необходим более эффективный контроль универсальности утверждений, чтобы проверить ее в качестве фактора эффекта Барнума.

Все нижеследующие факторы оказывают ограниченное влияние и проверялись в условиях

Детерминанты эффекта Барнума

Переменные, влияющие на силу некоторых факторов, связанных с эффектом Барнума

Ослабление эффекта	Фактор	Усиление эффекта
Неприятное описание	Низкая самооценка	Приятное и нейтральное описание
	Личностные черты	Потребность в одобрении, авторитарность, незащищенность, внешний локус контроля
Психологическое образование	Интеллект	
Астрологическое происхождение описания	Мужчина	Добросовестность и внимательность. Описание на основе психологических методик
Описание на основе психологических методик	Женщина	Нужда в поддержке, внимательность к окружающим и трудолюбие. Астрологическое происхождение описания

релевантности описаний. Источник — составитель описания не имеет видимого значения, кроме как при предъявлении неприятного описания, которое ослабляет эффект. В таком случае большой авторитет исследователя вызовет благосклонность испытуемого. Приятные описания принимаются лучше неприятных, а проективные методики приводят к чуть более высоким оценкам составленных на их основе описаний. Не будем повторяться о личных качествах испытуемых — влияние их, как уже было сказано, весьма ограничено. Укажем только, что интеллект, по крайней мере в том виде, в каком он операционализировался, не имеет значения в эффекте Барнума. Зато оказалось, что его имеет опыт работы с психологическими портретами — испытуемые с опытом в психологии заметно хуже оценивали тривиальные описания. Вокруг доверчивости испытуемого было сломано немало копий, и мы повторим, что нет смысла говорить о доверчивости, когда эффекту Барнума оказываются подвержены практически все испытуемые. Опять же вопросы, приглашающие испытуемого отвлечься от совпадения описания с самовосприятием и подумать о его содержании в более широком контексте, очень быстро приводят к осознанию обобщенности предложенного психологического портрета, его тривиальности. Некоторым испытуемым не требуются такие вопросы, и они догадываются о тривиальности описания при первом ознакомлении, о чем говорят на дебрифинге. Возможно, у таких испытуемых эффект отнесения к себе относительно слаб и даже релевантное описание не вызывает у них эффект Барнума. С другой стороны, наличие черт, усиливающих эффект отнесения к себе, как при шизотипическом расстройстве, дает значительное усиление эффекта Барнума. Возможно, основным фактором, лежащим в основе эффекта Барнума, является другой эффект — отнесения к себе.

ВЫВОДЫ

Таковы краткие итоги нашего обзора, в ходе которого мы рассмотрели исследования основных факторов эффекта Барнума и дали их анализ. Теперь поговорим о проблемах и перспективах изучаемого эффекта. При ознакомлении с исследованиями бросается в глаза проблема стандартизации — авторы модифицируют ход исследования, используют разные описания, разные шкалы оценки и т.п. Выше мы неоднократно указывали на разницу в результатах исследований одних и тех же переменных. Как следствие, и так неизбежная неодинаковость условий исследований порой достигает таких масштабов, что возникает вопрос о корректности сравнения их результатов друг с другом. Стандартизация метода внесла бы в эту область большую ясность.

Проблема стандартизации тесно связана с контролем за независимой переменной, под которой мы понимаем описание. Как выяснилось при обсуждении универсальности, исследователи не всегда четко осознают, что именно они предлагают испытуемым — считавшееся универсальным описание оказалось далеким от этой характеристики. Усилению контроля и, как следствие, надежности результатов поспособствовало бы выяснение универсальности утверждений. Эффективный контроль исследователем универсальности от близкой к 0% до приближающейся к 100% существенно обогатил бы наше понимание эффекта Барнума.

При понижении универсальности описания мы можем ожидать ослабления эффекта отнесения к себе. Выдвинем гипотезу, что при универсальности описания, близкой к 0%, эффект отнесения к себе и, следовательно, эффект Барнума не проявятся. Эта гипотеза позволила бы проверить определение эффекта Барнума как узнавания себя в тривиальных описаниях. В то же время сторонники представления о доверчивости считают, что испытуемые поверят во все, что им покажут исследователи. Также контроль за универсальностью позволил бы испытать такие варианты, как, называя крайности, 100%-я универсальность при нерелевантности описания или нулевая универсальность при релевантном описании. Для этого необходимо использовать описания, состоящие из утверждений с установленной универсальностью, а также учитывать выраженность у испытуемых эффекта отнесения к себе, который, по нашему предположению, может являться основным фактором эффекта Барнума. Однако эта проблема выходит за рамки настоящей работы, а потому мы обратимся к ней в будущих исследованиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Калита В.В., Гайдай А.С.* Релевантность психологического портрета как детерминанта эффекта Барнума // Вестник КемГУ. 2018. № 1 (73). С. 133–138.
2. *Науменко А.С.* Влияние формы тестовых интерпретаций на принятие решений специалистами по подбору персонала // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2007. № 3 (4). С. 127–140.
3. *Пантелеев А.Ф.* Проблема достоверности результатов социально-психологического исследования // Известия Саратовского университета. Новая серия.

Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. № 2 (19). С. 176–182.

4. *Севостьянов О.В.* Медицинский оккультизм: распространенность и влияние на клиническую психиатрическую практику // Научные результаты биомедицинских исследований. 2020. № 2 (6). С. 273–288.
5. *Сугоняев К.В.* Можно ли оценить личностные характеристики с помощью теста Люшера? // Психология. Психофизиология. 2019. № 2 (12). С. 41–59.
6. *Bachrach A.K.*, *Pattishall E.G.* An experiment in universal, personal validation // Psychiatry. 1960. № 23. P. 267–270.
7. *Baucom D.H.*, *Greene R.L.* The universality of generalized personality statements // Journ. of Personality Assessment. 1979. № 43. P. 497–500.
8. *Carrier N.A.* Need correlates of "gullibility" // Journ. of Abnormal and Social Psychology. 1963. № 66. P. 84–86.
9. *Claridge G.*, *Clark K.*, *Powney E.*, *Hassan E.* Schizotypy and the Barnum Effect // Personality, Individual Differences. 2008. № 44 (2). P. 436–444.
10. *Collins R.W.*, *Dmitruk V.M.*, *Ranney J.J.* Personal validation: Some empirical, ethical considerations // Journ. of Consulting and Clinical Psychology. 1977. № 45. P. 70–77.
11. *Dmitruk V.M.*, *Collins R.W.*, *Clinger D.I.* The "Barnum Effect", acceptance of negative personal evaluation // Journ. of Consulting and Clinical Psychology. 1973. № 41. P. 192–194.
12. *Forer B.R.* The fallacy of personal validation: A classroom demonstration of gullibility // Journ. of Abnormal and Social Psychology. 1949. № 44. P. 118–123.
13. *Greene R.L.* Student acceptance of generalized personality interpretations: A reexamination // Journ. of Consulting and Clinical Psychology. 1977. № 45. P. 965.
14. *Greene R.L.* Can clients provide valuable feedback to clinicians about their personality interpretations? Greene replies // Journ. of Consulting and Clinical Psychology. 1978. № 46. P. 1496–1497.
15. *Greene R.L.*, *Harris M.E.*, *Macon R.S.* Another look at personal validation // Journal of Personality Assessment. 1979. № 43 (4). P. 419–423.
16. *Halperin K.*, *Snyder C.*, *Shenkel R.*, *Houston B.* Effects of source status, message favorability on acceptance of personality feedback // Journ. of Applied Psychology. 1976. № 61. P. 85–88.
17. *Lattal K.A.*, *Lattal A.D.* Students' "gullibility": A systematic replication // Journ. of Psychology. 1967. № 67 (2). P. 319–322.
18. *Layne C.* Relationship between the Barnum Effect, personality inventory responses // Journ. of Clinical Psychology. 1978. № 34. P. 94–97.
19. *Layne C.* The Barnum Effect: Rationality versus gullibility // Journ. of Consulting and Clinical Psychology. 1979. № 47. P. 219–221.
20. *Layne C.*, *Ally G.* How and why people accept personality feedback // Journ. of Personality Assessment. 1980. № 44. P. 541–546.
21. *Layne C.*, *Michels P.Y.* Inventory responding as a model of people's acceptance of personality interpretations // Journ. of Personality Assessment. 1979. № 43. P. 509–513.
22. *Manning E.J.* "Personal validation": Replication of Forer's study // Psychological Reports. 1968. № 23. P. 181–182.
23. *Marks D.*, *Kammann R.* The psychology of the "psychic". Buffalo, NY: Prometheus, 1980.
24. *Merrens M.R.*, *Richards W.S.* Acceptance of generalized versus bona fide personality interpretations // Psychological Reports. 1970. № 27. P. 691–694.
25. *Mosher D.L.* Approval motive, acceptance of "fake" personality test interpretations which differ in favorability // Psychological Reports. 1965. № 17. P. 395–402.
26. *Mason O.J.*, *Budge K.* Schizotypy, self-referential thinking, the Barnum effect // Journ. of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry. 2011. V. 42. № 2. P. 145–148.
27. *Orpen R.B.*, *Jamotte A.* The acceptance of generalized personality interpretations // Journ. of Social Psychology. 1975. № 96. P. 147–148.
28. *Rosen G.M.* Effects of source prestige on subjects' acceptance of the Barnum Effect: Psychologist versus astrologer // Journ. of Consulting and Clinical Psychology. 1975. № 43. P. 95.
29. *Snyder C.R.*, *Clair M.S.* Does insecurity breed acceptance? Effects of trait, situational insecurity on acceptance of positive, negative diagnostic feedback // Journ. of Consulting and Clinical Psychology. 1977. № 45. P. 843–850.
30. *Snyder C.R.*, *Shenkel R.J.* Effects of favorability, modality, relevance upon acceptance of general personality interpretations prior to, after receiving diagnostic feedback // Journ. of Consulting, Clinical Psychology. 1976. № 44. P. 34–41.
31. *Ulrich R.E.*, *Stachnik T. J.*, *Stainton N.R.* Student acceptance of generalized personality interpretations // Psychological Reports. 1963. № 13 (3). P. 831–834.
32. *Weisberg P.* Student acceptance of bogus personality interpretations differing in level of social desirability // Psychological Reports. 1970. № 27. P. 743–746.

FACTORS OF THE BARNUM EFFECT: ANALYSIS AND PROSPECTS

A. S. Gaidai

Pacific State Medical University of the Ministry of Health of Russia;
690002, *Primorsky Territory*, *Vladivostok*, *Ostryakova ave*, *2*, *Russia*.
Lecturer at the Department of General Psychological Disciplines.
E-mail: *Netparoley@gmail.com*

Received 23.09.2020

Abstract. This article is devoted to a review of the literature on the Barnum effect, that is, recognizing oneself in generalized descriptions. The studies of such types of determinants as: personal characteristics of the subjects, characteristics of the psychological portrait and those related to the specifics of the research situation are considered. The relevance of this review is due to the absence in the literature of a description of promising directions for further studies of the Barnum effect. At the same time, the empirical data available in the scientific literature was sufficient to indicate such paths. A model of the determinants of the Barnum effect is also proposed, summarizing the main achievements in this area.

Keywords: psychological portrait, Barnum effect, self-relevance effect, determinants of the Barnum effect, personal validation, relevance of personality interpretation, favorability of feedback.

REFERENCES

1. *Kalita V.V.*, *Gajdaj A.S.* Relevantnost' psihologicheskogo portreta kak determinanta effekta Barnuma. Vestnik KemGU. 2018. № 1 (73). P. 133–138. (In Russian)
2. *Naumenko A.S.* Vlijanie formy testovyh interpretacij na prinjatie reshenij specialistami po podboru personala. Psihologija. Zhurnal Vysshej shkoly jekonomiki. 2007. № 3 (4). P. 127–140. (In Russian)
3. *Panteleev A.F.* Problema dostovernosti rezul'tatov social'no-psihologicheskogo issledovanija. Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filosofija. Psihologija. Pedagogika. 2019. № 2 (19). P. 176–182. (In Russian)
4. *Sevost'janov O.V.* Medicinskij okkul'tizm: rasprostranennost' i vlijanie na klinicheskuju psihiatricheskuju praktiku. Nauchnye rezul'taty biomedicinskih issledovanij. 2020. № 2 (6). P. 273–288. (In Russian)
5. *Sugonjaev K.V.* Mozhno li ocenit' lichnostnye harakteristiki s pomoshh'ju testa Ljushera? Psihologija. Psihofiziologija. 2019. № 2 (12). P. 41–59. (In Russian)
6. *Bachrach A.K.*, *Pattishall E.G.* An experiment inuniversal, personal validation. Psychiatry. 1960. № 23. P. 267–270.
7. *Baucom D.H.*, *Greene R.L.* The universality of generalized personality statements. Journ. of Personality Assessment. 1979. № 43. P. 497–500.
8. *Carrier N.A.* Need correlates of "gullibility". Journ. of Abnormal and Social Psychology. 1963. № 66. P. 84–86.
9. *Claridge G.*, *Clark K.*, *Powney E.*, *Hassan E.* Schizotypy and the Barnum Effect. Personality, Individual Differences. 2008. № 44 (2). P. 436–444.
10. *Collins R.W.*, *Dmitruk V.M.*, *Ranney J.J.* Personal validation: Some empirical, ethical considerations. Journ. of Consulting and Clinical Psychology. 1977. № 45. P. 70–77.
11. *Dmitruk V.M.*, *Collins R.W.*, *Clinger D.I.* The "Barnum Effect", acceptance of negative personal evaluation. Journ. of Consulting and Clinical Psychology. 1973. № 41. P. 192–194.
12. *Forer B.R.* The fallacy of personal validation: A classroom demonstration of gullibility. Journ. of Abnormal and Social Psychology. 1949. № 44. P. 118–123.
13. *Greene R.L.* Student acceptance of generalized personality interpretations: A reexamination. Journ. of Consulting and Clinical Psychology. 1977. № 45. P. 965.
14. *Greene R.L.* Can clients provide valuable feedback to clinicians about their personality interpretations? Greene replies. Journ. of Consulting and Clinical Psychology. 1978. № 46. P. 1496–1497.
15. *Greene R.L.*, *Harris M.E.*, *Macon R.S.* Another look at personal validation. Journal of Personality Assessment. 1979. № 43 (4). P. 419–423.
16. *Halperin K.*, *Snyder C.*, *Shenkel R.*, *Houston B.* Effects of source status, message favorability on acceptance of personality feedback. Journ. of Applied Psychology. 1976. № 61. P. 85–88.
17. *Lattal K.A.*, *Lattal A.D.* Students' "gullibility": A systematic replication. Journ. of Psychology 1967. № 67 (2). P. 319–322.
18. *Layne C.* Relationship between the Barnum Effect, personality inventory responses. Journ. of Clinical Psychology. 1978. № 34. P. 94–97.

19. *Layne C.* The Barnum Effect: Rationality versus gullibility. Journ. of Consulting and Clinical Psychology. 1979. № 47. P. 219–221.

20. *Layne C.*, *Ally G.* How and why people accept personality feedback. Journ. of Personality Assessment. 1980. № 44. P. 541–546.

21. *Layne C.*, *Michels P.Y.* Inventory responding as a model of people's acceptance of personality interpretations. Journ. of Personality Assessment. 1979. № 43. P. 509–513.

22. *Manning E.J.* "Personal validation": Replication of Forer's study. Psychological Reports. 1968. № 23. P. 181–182.

23. *Marks D.*, *Kammann R.* The psychology of the "psychic". Buffalo, NY: Prometheus, 1980.

24. *Merrens M.R.*, *Richards W.S.* Acceptance of generalized versus bona fide personality interpretations. Psychological Reports. 1970. № 27. P. 691–694.

25. *Mosher D.L.* Approval motive, acceptance of "fake" personality test interpretations which differ in favorability. Psychological Reports. 1965. № 17. P. 395–402.

26. *Mason O.J.*, *Budge K.* Schizotypy, self-referential thinking, the Barnum effect. Journ. of Behavior Therapy and Experimental Psychiatry. 2011. V. 42. № 2. P. 145–148.

27. *Orpen R.B.*, *Jamotte A.* The acceptance of generalized personality interpretations. Journ. of Social Psychology. 1975. № 96. P. 147–148.

28. *Rosen G.M.* Effects of source prestige on subjects' acceptance of the Barnum Effect: Psychologist versus astrologer. Journ. of Consulting and Clinical Psychology. 1975. № 43. P. 95.

29. *Snyder C.R.*, *Clair M.S.* Does insecurity breed acceptance? Effects of trait, situational insecurity on acceptance of positive, negative diagnostic feedback. Journ. of Consulting and Clinical Psychology. 1977. № 45. P. 843–850.

30. *Snyder C.R.*, *Shenkel R.J.* Effects of favorability, modality, relevance upon acceptance of general personality interpretations prior to, after receiving diagnostic feedback. Journ. of Consulting, Clinical Psychology. 1976. № 44. P. 34–41.

31. *Ulrich R.E.*, *Stachnik T.J.*, *Stainton N.R.* Student acceptance of generalized personality interpretations. Psychological Reports. 1963. № 13 (3). P. 831–834.

32. *Weisberg P.* Student acceptance of bogus personality interpretations differing in level of social desirability. Psychological Reports. 1970. № 27. P. 743–746.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 71–81

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 159.922.1

МАСКУЛИННОСТЬ ЛИЦА: МОРФОЛОГИЯ И ВОСПРИЯТИЕ[1)]

© 2021 г. А. А. Мезенцева[1,*], М. Л. Бутовская[2,3,], К. И. Ананьева[4,***], А. А. Демидов[5,****]**

[1]МГУ им. М.В. Ломоносова;
125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.
[2]Институт этнологии и антропологии РАН;
119334, г. Москва, Ленинский проспект, д. 32а, Россия.
[3]Российский государственный гуманитарный университет;
125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, Россия.
[4]ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
[5]Московский институт психоанализа;
115093, г. Москва, ул. Люсиновская, д. 13, стр. 1, Россия.
[*]Магистрант кафедры этнологии исторического факультета.
E-mail: khatsenkova@yandex.ru
[**]Член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, профессор, заведующая Центром кросскультурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН; ведущий научный сотрудник Учебно-научного центра Российского государственного гуманитарного университета.
E-mail: marina.butovskaya@gmail.com
[***]Кандидат психологических наук, доцент, научный сотрудник лаборатории психологии познавательных процессов и математической психологии.
E-mail: hristinka.84@gmail.com
[****]Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии.
E-mail: alexander.demidov19@gmail.com

Поступила 29.06.2020

Аннотация. За последние 50 лет опубликовано огромное количество работ по изучению физиономических признаков полового диморфизма лица человека. Тем не менее проблема соотношения реальной биологической маскулинности и ее восприятия наблюдателем до сих пор не изучена полностью и остается одной из основных тем в антропологических и психологических исследованиях лица человека. Основные задачи указанных исследований касаются прежде всего выявления особенностей восприятия и оценки маскулинных черт представителями обоих полов в разных контекстах. В первой части настоящей статьи представлен обзор биологических аспектов данной проблематики. Рассмотрены две ведущие эволюционные теории, на которых основана интерпретация большей части исследований маскулинности, — "паразитная" теория Марлен Зак и Билла Гамильтона и теория иммунологической компетенции Ивара Фолстеда и Эндрю Картера. Приведен ряд параметров антропологического измерения маскулинности по тестостерон-зависимым чертам лица, включая признаки маскулинизации в пренатальном периоде, признаки полового диморфизма. Во второй части обзора освещены ключевые результаты исследования восприятия маскулинности лица. Противоречивость результатов в оценках привлекательности и маскулинности лица объясняется не только кросскультурными различиями изучаемых популяций, но и рядом факторов, которые влияют на восприятие и индивидуальные предпочтения человека. К последним относятся методические аспекты исследования — особенности стимульных материалов, а также целый ряд других факторов — гормональный статус наблюдателя, его самооценка и мотивы восприятия, контекст, в котором происходит восприятие, и прошлый опыт.

Ключевые слова: биологическая маскулинность, лицо, оценка привлекательности, восприятие маскулинности.

DOI: 10.31857/S020595920014246-6

[1)] Работа подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-313-70005 (Мезенцева А.А, Ананьева К.И.) и в соответствии с планом научно-исследовательских работ Института этнологии и антропологии РАН (Бутовская М.Л.).

Генетический пол человека является бинарной характеристикой. За исключением хромосомных аберраций (отклонения от нормы), индивид является мужчиной или женщиной в зависимости от наличия XY- или XX-хромосом соответственно. При этом маскулинность, напротив, обладает континуальным свойством и представляет собой непрерывный ряд морфотипов, которые могут быть проанализированы с помощью двух различных концептов: биологическая маскулинность и воспринимаемая (перцептивная) маскулинность. В настоящей работе мы рассмотрим феномен биологической маскулинизации и его связь с перцептивной маскулинностью на примере лица человека — важнейшей составляющей его внешности. Важно отметить, что *биологическая маскулинность лица* — это наследственные различия в морфологии индивидов разных полов, которые обусловлены действием половых гормонов на организм. Характерные мужские и женские морфологические признаки лица (иначе — признаки полового диморфизма) обычно упоминаются в литературе как вторичные половые признаки[2]. При этом *воспринимаемая маскулинность лица* представляет собой градуированное психологическое качество, которым наделяется оцениваемый человек наблюдателями [32].

Понятие “биологическая маскулинность” традиционно принято рассматривать как морфологический концепт, а понятие “воспринимаемая маскулинность” — как психологический концепт, оцениваемый с помощью различного психодиагностического инструментария. В связи с этим для современных комплексных исследований весьма актуальным остается вопрос о том, в какой степени воспринимаемая маскулинность отражает маскулинность биологическую. Многочисленные исследования показали, что вторичные половые признаки лица связаны с оценками маскулинности/феминности, доминантности, привлекательности, гормонального статуса индивида [29]. Согласованность в приписывании атрибутов мужественности и женственности параметрам лица встречается у представителей разных культур и даже переносится на неодушевленные “лицеподобные” предметы (см. например, [42]).

Цель настоящей статьи — представить аналитический обзор результатов изучения биологической и перцептивной маскулинности лица, а также обозначить аспекты, которые до сих пор требуют особого внимания ученых, представителей разных дисциплин.

БИОЛОГИЧЕСКАЯ МАСКУЛИННОСТЬ ЛИЦА

Биологическая маскулинность лица как критерий полового отбора. По мнению эволюционных психологов, способность людей оценивать друг друга по чертам лица — результат эволюционной адаптации, направленной на выявление здорового партнера и “хороших” генов для потомства [16]. Подобные предположения легли в основу двух теорий полового отбора — “паразитарной” теории Гамильтона—Зака [18] и связанной с ней теории иммунологической компетенции Фолстеда и Картера [17]. “Паразитарная” теория предполагает, что половой отбор благоприятствует тем признакам, которые отражают устойчивость организма к паразитам — бактериям и вирусам, нематодам и простейшим [18]. А низкая иммунокомпетенция, объясняющаяся действием половых гормонов, в особенности тестостероном, может быть определена, в частности, по лицу человека, поскольку существует связь между вторичными половыми признаками лица и устойчивостью человека к болезням [17].

Так, у мужчин в пубертате наблюдается всплеск концентрации тестостерона, который стимулирует латеральный (в ширину) рост скул, нижней челюсти и подбородка, выступание надбровных дуг и удлинение нижней части лица. В результате такой маскулинизации в подростковом периоде форма лица юношей становится более массивной [13]. Одновременно тестостерон подавляет иммунную систему. Таким образом, выраженность вторичных половых признаков (другими словами, степень маскулинизации) указывает на состояние здоровья мужчины, и только индивиды с хорошим здоровьем могут выдержать иммунодепрессивное действие тестостерона [17; 37]. В ряде эмпирических исследований была показана положительная связь маскулинности лица с уровнем тестостерона в организме [39], а также с воспринимаемым здоровьем и реальным здоровьем мужчин [19], что до сих пор является предметом исследований [34]. При этом предполагается, что выраженность женственных (феминных) черт лица слабо связана с общим

[2] Признаки полового диморфизма, вторичные половые признаки лица — гормонально зависимые черты лица, формирование которых обусловлено высокой концентрацией гормона тестостерона по отношению к эстрогену в организме индивида. Как правило, физиономические вторичные половые признаки одновременно являются тестостерон-зависимыми и становятся сильно выраженными у мужчин, особенно после гормонального всплеска в пубертате (расширяются скулы, нижняя челюсть и подбородок, выступают надбровные дуги и удлиняется нижняя часть лица). Ввиду меньших концентраций гормона тестостерона в женском организме лицо у девушек-подростков и взрослых женщин отличается незначительно и характеризуется менее массивной, грацильной формой.

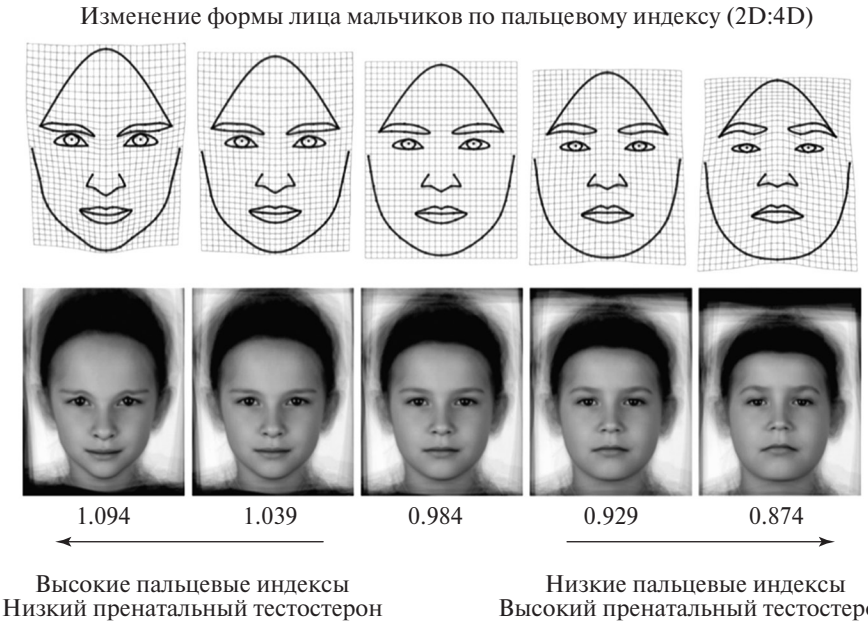


Рис. 1. Визуализация регрессии формы лица по значениям маркера пренатальной андрогенезации — пальцевого индекса 2D:4D (см. [32])

уровнем здоровья и с воздействием гормона тестостерона. Отчасти это можно объяснить слабым воздействием эстрогена на иммунную систему, а также несущественными отличиями лицевых параметров у девушек в подростковом возрасте и взрослых женщин [37].

Маскулинизация лица в пренатальном периоде. Формирование мужественных и женственных лицевых признаков начинается еще в пренатальном периоде у плода на 8–9-й неделях беременности во время первого всплеска гормона тестостерона, обусловленного началом активной работы гормонпродуцирующих клеток Лейдига. Однако ввиду сложности изучения гормональной среды у живого плода предыдущие исследования самой ранней маскулинизации были проведены исключительно на абортированных плодах и мертворожденных. Только в 1998 г. открытие Дж. Менингом с соавторами косвенного маркера пренатальной андрогенезации[3] — пальцевого индекса 2D:4D (далее 2D:4D) [30] положило начало исследованиям связи пренатальных гормонов с последующим развитием человека, в частности с его физическими параметрами, среди которых выделяют здоровье, фертильность, физическую силу и маскулинизацию внешности. Доказано, что низкие значения пальцевого индекса (высокий уровень пренатального тестостерона) связаны с хорошим физическим здоровьем у мужчин и женщин [22]. Исследования физиономической маскулинности показали, что высокая концентрация пренатального тестостерона (2D:4D здесь выступает основным маркером) формирует похожую форму лица у мужчин и женщин. Высокий уровень тестостерона (низкий пальцевой индекс) определяет массивную форму лица, низкий уровень тестостерона (высокий пальцевой индекс), грацильную, женственную форму [32] (рис. 1). Следует отметить, что данная связь проявляется в три раза сильнее у мужчин [15]. Физическая сила, показателем которой выступает сила сжимания кисти, также достоверно коррелирует с пальцевым индексом. Более маскулинные индивиды, как правило, сильнее. Данная связь была показана в целом ряде кросскультурных исследований у мужчин, но не у женщин [13; 21; 38].

На верхней панели (см. рис. 1) представлена решетка средней формы лица (в центре) и прогнозируемые регрессией деформации в сторону маскулинизации и феминизации от средней формы лица мальчиков. На нижней панели представлены портретные деформационные решетки. Крайние портреты по обе стороны отражают изменения признака в +4 SD (1.094) и –4 SD (0.874), средние портреты по обе стороны отражают изменения в +2SD (1.039) и –2SD (0.929).

[3] Высокие концентрации пренатального тестостерона стимулируют рост четвертого пальца у плода, тогда как гормон эстроген способствует росту второго пальца. Низкий пальцевой индекс 2D:4D (безымянный палец длиннее указательного) — свидетельствует о высоком тестостероне и низком эстрогене в маточной среде, такое соотношение чаще наблюдается у мужчин. Наоборот, высокий пальцевой индекс (второй палец длиннее четвертого) свидетельствует о низком уровне тестостерона и высоком уровне эстрогена в маточной среде, что чаще находят у женщин.

ВОСПРИНИМАЕМАЯ МАСКУЛИННОСТЬ ЛИЦА

Изучение восприятия маскулинности лица. Исследования, посвященные изучению восприятия маскулинности по изображениям лица, показали, что участники исследования, как мужчины, так и женщины, способны с высокой точностью распознавать уровень здоровья у мужчин-натурщиков [37] и использовать эту информацию для оценки привлекательности и доминантности индивида, а также оценки его маскулинности и физической силы [2; 8; 42; 43].

Лица мужчин, воспринимаемые как маскулинные и часто вместе с тем доминантные, являются более широкими и отличаются большим межзрачковым расстоянием, обладают более широким носом, характеризуются относительно узкой глазной щелью, узкими губами и высокой, массивной нижней частью лица [33; 43]. Обращает на себя внимание и тот факт, что именно те морфологические параметры лица, которые достоверно маркируют физическую силу мужчины (измеренную по силе хвата), схожи, но не идентичны с теми, которые воспринимаются как маскулинные (рис. 2). Для сравнения: лица физически сильных индивидов — массивные, круглые, с широким надбровьем и рельефной массивной нижней челюстью [8; 33]. К морфологическим параметрам лица, которые воспринимаются феминнными (женственными), относятся высокий лоб, большие глаза, маленький нос и скулы, выступающие по отношению к узкой нижней челюсти [9].

Интересно отметить, что эти же параметры точно определяются при восприятии “лицеподобных” объектов. Еще в 1999 г. Сеньор с коллегами [40] показали, что схематичное изображение лица — “смайлик” — с высоким надбровьем воспринимается маскулинным и доминантным, тогда как “смайлик” с опущенными уголками рта (эффект “грустной улыбки”) воспринимается менее маскулинным и недоминантным.

Маскулинность и оценка привлекательности лица. Исследования, посвященные изучению восприятия женских лиц, показывают единые кросскультурные предпочтения мужчинами женских феминизированных лиц [25; 29]. С эволюционной точки зрения важным показателем привлекательности женщины является фертильность и способность

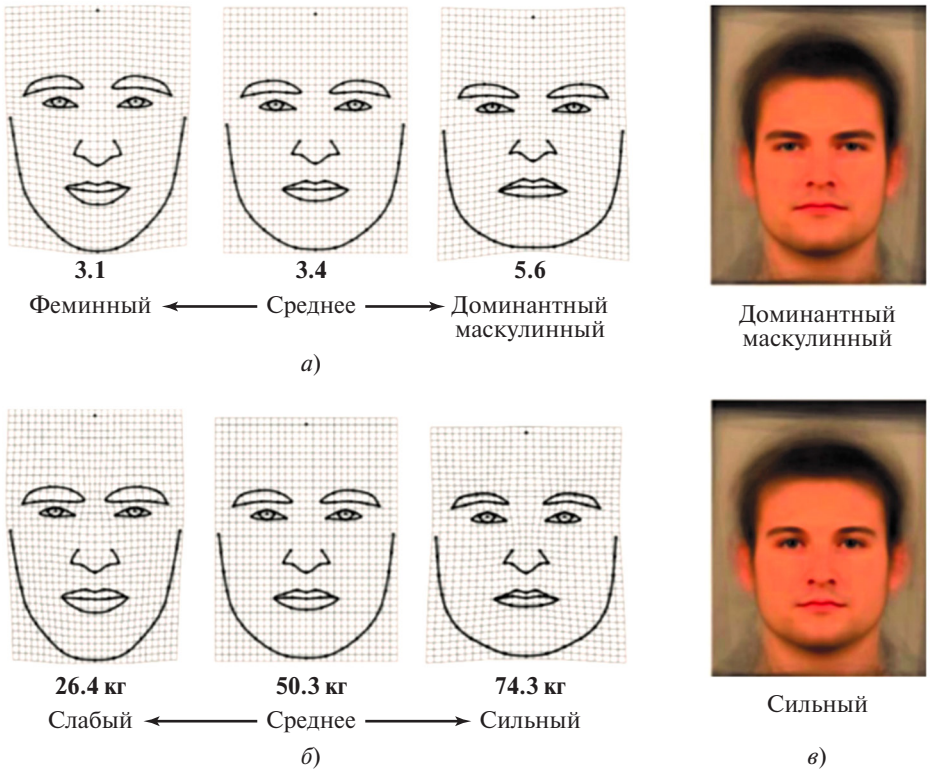


Рис. 2. Изменение формы лица мужчин европеоидной расы по воспринимаемой маскулинности и биологической маскулинности, измеренной по физической силе (силе хвата) (см. [43]): *а* — регрессия формы лица по оценкам маскулинности — изменения средней формы лица мужчин на три стандартных отклонения по воспринимаемой наблюдателями маскулинности и феминности; *б* — регрессия формы лица по физической силе мужчин — изменения средней формы лица мужчин на три стандартных отклонения по их физической силе (сила хвата); *в* — обобщенные портреты — визуализация крайних вариантов обобщенных портретов мужчин, воспринимаемых доминантными/маскулинными (сверху) и являющихся сильными (снизу)

к репродукции. По сравнению с другими видами приматов, у которых период овуляции у самок визуально заметен, у человеческого вида овуляция скрытая. Однако исследование Робертса с коллегами (цит. по [29]) показало, что мужчины способны визуально оценить гормональный статус женщины по фотоизображению лица. Лицо женщины в период овуляции воспринимается мужчинами как более привлекательное, чем в другие периоды месячного цикла. А молодость и женственность лица связывают со способностью организма дольше находиться в репродуктивном возрасте. Бове с соавторами [5] исследовали связь предполагаемого возраста менопаузы молодых девушек[4] с оценкой их привлекательности. Выяснилось, что девушки, которые предполагаемо будут дольше оставаться в репродуктивном возрасте, выглядят моложе своего биологического возраста и оцениваются мужчинами как более привлекательные. При этом более привлекательными воспринимались девушки с бóльшими значениями относительной ширины лица (т.е. более маскулинные), что согласуется также с результатам, полученными Торнхиллом и Грамером [41].

Вопрос о связи маскулинности с привлекательностью мужских лиц до сих пор остается открытым. Исследования восприятия мужских лиц показали, что женщины отдают предпочтения мужским лицам с массивной нижней челюстью [10; 43]. Такие маскулинные черты лица, как крупная нижняя челюсть и выступающее надбровье, связываются наблюдателями с высокими оценками доминантности [4]. Однако в 1998 г. Перреттом с соавторами [36] было опубликовано исследование, в котором было показано, что у мужчин с феминнными признаками лица и низкой доминантностью повышается воспринимаемая привлекательность. Авторы предъявляли обобщенные фотопортреты лиц европейцев и японцев представителям тех же народов в их родных странах. Как европейцы, так и японцы оценили как более привлекательные феминизированные лица обеих выборок. Таким образом, предпочтения феминизированных мужских лиц были обнаружены в обеих культурах. Подобные результаты были получены и в других исследованиях — предпочтения фемининных лиц были обнаружены в работах Литтла, Хенкона [28], а предпочтение маскулинных мужских лиц — в работе Пентон-Воак с коллегами [35].

Причиной данных противоречивых результатов, по мнению исследователей, может выступать ряд факторов: методические особенности исследования — особенности стимульного материала, физиологические и психологические особенности наблюдателей, контекст восприятия, а также визуальный опыт. Рассмотрим эти факторы более подробно.

ФАКТОРЫ, ОПОСРЕДУЮЩИЕ ВОСПРИЯТИЕ МАСКУЛИННОСТИ ЛИЦА

Методические особенности исследования. Интерес исследователей, изучающих привлекательность лиц, фокусируется на определении специфических структур/параметров лица, выступающих основой (маркерами) оценки привлекательности. В этих исследованиях, как правило, в качестве стимулов используются либо фотоизображения лица отдельных индивидов, либо “композитные” лица (усредненные изображения лиц целой группы индивидов, проранжированные по заранее определенному параметру). Соответственно, ввиду значительных визуальных отличий двух типов стимульных изображений возникает проблема сопоставимости результатов исследований [3].

Физиологические и психологические особенности наблюдателей. Проведенные исследования позволяют предположить, что ряд физиологических и индивидуально-психологических особенностей людей, такие как гормональный статус и самооценка, определяют индивидуальную вариацию в восприятии маскулинности лиц по фотографиям [26]. Влияние гормонального статуса на восприятие лица ярко выражено именно у женщин, которые склонны предпочитать разные черты мужского лица (маскулинизированные либо феминизированные) в зависимости от фазы месячного цикла [24]. Маскулинизированные лица, биологически ассоциирующиеся со здоровьем, физической силой, стабильностью в развитии, репродуктивным потенциалом мужчины, предпочитаются женщинами в период фертильности [11; 26]. Эволюционные психологи отмечают, что этот феномен может рассматриваться с точки зрения генетического вклада в потомство. Напротив, мужчины с феминизированными параметрами лица рассматриваются женщинами с точки зрения “негенетического” вклада в потомство.

Связь предпочтения типа лица и собственных психологических особенностей наблюдателей была продемонстрирована в ряде исследований, где показана положительная корреляция между самооценкой женщиной своей привлекательности и предпочтениями маскулинных мужских лиц [27].

[4] В упомянутом исследовании предполагаемый возраст менопаузы молодых девушек определяли по фактическому возрасту наступления менопаузы у их матерей [5].

Результаты более поздних исследований показали, что чем объективнее женщина оценивает свое физическое состояние (например, соотношение талии к бедрам или уровень эстрогена) и привлекательность, тем более выражены ее предпочтения маскулинного типа лиц мужчин [12; 35]. Кроме того, женщины с высокой самооценкой привлекательности предпочитают симметричные мужские лица со здоровой кожей [27].

Контекст восприятия. Сексуальное поведение человека представляет собой комплекс стратегий выбора постоянного или кратковременного полового партнера, каждая из которых активируется под влиянием специфических социальных и средовых факторов. Исследования, выполненные на разных человеческих популяциях, показали, что мужчины всегда оказываются более конкурентным (внутриполовая конкуренция за партнершу), а женщины — более избирательным полом [1]. С эволюционной точки зрения половая стратегия женщины заключается в выборе между двумя типами партнеров: повышающие шансы ее потомства на выживание и воспроизводство или повышающие ее собственные шансы на выживание и репродукцию. В первом варианте критерием "качества партнера" является готовность и способность вкладывать усилия в заботу о потомстве. К такой модели поведения более склонны биологически более фемининные представители сильного пола. Они демонстрируют своеобразный поведенческий комплекс "хорошего отца" и выбираются женщинами для постоянных, а не краткосрочных отношений [1; 7]. Во втором варианте речь идет о маскулинизированных партнерах, преимуществами которых выступают "*хорошие гены"* (определяют "качество" будущих потомков) и способность успешно конкурировать с представителями своего пола. В то же время существенным недостатком более маскулинизированных партнеров является характерная для них склонность к доминантному поведению и физической агрессии. Именно из-за склонности к социально-негативному поведению такие партнеры в большинстве случаев не рассматриваются женщинами для построения долгосрочных отношений. С эволюционной точки зрения исключения из описанного сценария составляют случаи, в которых женщины вынуждены пренебрегать отрицательными качествами партнера. Рассмотрим этот феномен подробнее.

В исследовании Пентон-Вок с соавторами [35] изучалась ассоциация между характером планируемых отношений и степенью маскулинности мужских лиц на стимульных фотографиях. Показано, что биологически более маскулинные мужские лица предпочитаются для краткосрочных отношений, а биологически более фемининные — для долгосрочных. Однако в суровых средовых условиях, где выживание индивида зависит от его здоровья (к примеру, среда с высокой распространенностью патогенов и недоступным или плохим медицинским обслуживанием), женщины предпочитают мужчин с маскулинными чертами лица, так как они сигнализируют о здоровье партнера. Сравнение восприятия маскулинизированных лиц в 34 странах показало, что в регионах с низким индексом здоровья женщины предпочитали более маскулинных мужчин и для краткосрочных, и для долгосрочных отношений [11; 31].

Визуальный опыт и социальное научение. Индивиды сталкиваются и взаимодействуют с сотнями и тысячами лиц каждый день. Исследования показали, что такой опыт, в особенности наблюдение за поведением других людей, приводит к изменениям в своих собственных предпочтениях относительно воспринимаемых лиц. Социальное обучение предпочтениям позволяет индивиду оценивать потенциального партнера быстрее и эффективнее за счет использования чужого, а не собственного опыта. Копирование поведения себе подобных при выборе партнера было отмечено не только у людей, но и у самок нечеловеческих видов [6]. Подражание происходит следующим образом: самки наблюдают за другой самкой в паре с одним из двух самцов; впоследствии эти самки-наблюдатели отдавали предпочтение тому самцу, которого видели в паре, а не тому, кто остался без внимания. Предполагается, что у *Homo sapience* социальное научение тоже влияет на выбор сексуального партнера. Например, в исследовании Евы и Вуда женщины оценивали фотоизображения лиц женатых мужчин как более привлекательные, чем лица неженатых мужчин [14]. Также они оценивали как более привлекательных мужчин, изображенных в окружении женщин, чем тех, кто был изображен с другими мужчинами либо в одиночестве [20]. Джонс с соавторами показали, что женщины отдавали предпочтения мужчинам на фото, которые были в паре с улыбающейся женщиной, нейтральное же выражение лица партнерши снижало привлекательность мужчины [23].

Показано, что люди более охотно воспринимают и воспроизводят выбор представителей своей группы того же пола, чей внешний облик кажется им более симпатичным. Сигал и Ланди (цит. по [26]) использовали фотографии реальных людей, чтобы показать, что мужчины в паре с привлекательной партнершей получают позитивные характеристики чаще, чем в других случаях. Похожие

результаты получили Литтл с соавторами, которые обнаружили, что представители обоих полов предпочитают лица тех натурщиков, которые находятся в паре с привлекательным партнером. Интересно отметить, что лица таких натурщиков также предпочитаются для долгосрочных, а не краткосрочных отношений [26].

Описанное исследование наводит на мысль о том, что передача информации о социально желательных параметрах в выборе сексуального партнера у людей происходит по более сложному сценарию. Параметры, предпочитаемые для долгосрочных отношений, предполагают преимущественную ориентацию на личные качества партнера (интеллект, наличие ресурсов, предрасположенность к вкладу и заботе о потомстве), которые трудно определить только по внешним характеристикам лица. В связи с этим женщины в большей степени, чем мужчины, судят о качествах партнера не столько по внешней привлекательности (в том числе лица), сколько по привлекательности и эмоциональному состоянию индивида, состоящего с ним в паре.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Понятие маскулинности изначально было принято рассматривать как психологический конструкт, связанный с определенной полоролевой идентификацией человека. Сегодня феномен маскулинности трактуется более широко и подразумевает как биологические, так и психологические параметры, связанные с мужским полом и мужественностью.

Результаты многочисленных исследований лица человека показали, что психологически воспринимаемая наблюдателями маскулинность завязана на распознавании эволюционно значимых структур лица и поэтому достаточно близко связана с биологической маскулинностью участника исследования. Тем не менее определяющую роль в приписывании мужественности играет оценивание привлекательности и желательности индивидуальных характеристик в определенных контекстных, средовых, социальных условиях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бутовская М.Л.* Антропология пола. Фрязино: Век 2, 2013.
2. *Бутовская М.Л., Мезенцева А.А.* Обобщенные портреты мужчин масаев: внешняя привлекательность и физическая сила по оценкам экспертов той же популяции // Лицо человека: познание, общение, деятельность, 2019. С. 497–505.
3. *Локк К.Э.* Компьютерные методы суммирования изображений. Обобщенный и усредненный портреты // Вестник Московского университета. Серия 23: Антропология. 2011. № 1. С. 37–44.
4. *Berry D.S., Brownlow S.* Were the physiognomists right? Personality correlates of facial babyishness // Personality and Social Psychology Bulletin. 1989. V. 15. № 2. P. 266–279.
5. *Bovet J., Barkat-Defradas M., Durand V., Faurie C., Raymond M.* Women's attractiveness is linked to expected age at menopause // Journal of Evolutionary Biology. 2018. V. 31. № 2. P. 229–238.
6. *Bowers R.I., Place S.S., Todd P.M., Penke L., Asendorpf J.B.* Generalization in mate-choice copying in humans // Behavioral Ecology. 2012. V. 23. № 1. P. 112–124.
7. *Buss D.M., Schmitt D.P.* Sexual strategies theory: an evolutionary perspective on human mating // Psychological review. 1993. V. 100. № 2. P. 204–232.
8. *Butovskaya M.L., Windhager S., Karelin D., Mezentseva A., Shaefer K., Fink B.* Associations of physical strength with facial shape in an African pastoralist society, the Maasai of Northern Tanzania // PLoS One. 2018. V. 13. № 5. e0197738.
9. *Cunningham M.R.* Measuring the physical in physical attractiveness: quasi-experiments on the sociobiology of female facial beauty // Journal of Personality and Social Psychology. 1986. V. 50. № 5. P. 925–935.
10. *Cunningham M.R., Barbee A.P., Pike C.L.* What do women want? Facialmetric assessment of multiple motives in the perception of male facial physical attractiveness // Journal of Personality and Social Psychology. 1990. V. 59. № 1. P. 61–72.
11. *DeBruine L.M., Jones B.C., Crawford J.R., Welling L.L.M., Little A.C.* The health of a nation predicts their mate preferences: cross-cultural variation in women's preferences for masculinized male faces // Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. 2010. V. 277. № 1692. P. 2405–2410.
12. *Docherty C., Lee A.J., Hahn A.C., DeBruine L.M., Jones B.C.* Do more attractive women show stronger preferences for male facial masculinity? // Evolution and Human Behavior. 2020. V. 41. № 4. P. 312–317.
13. *Enlow D.H., Hans M.G.* Essentials of facial growth. WB Saunders Company, 1996.
14. *Eva K.W., Wood T.J.* Are all the taken men good? An indirect examination of mate-choice copying in humans // Cmaj. 2006. V. 175. № 12. P. 1573–1574.
15. *Fink B., Grammer K., Mitteroecker P., Gunz P., Schaefer K., Bookstein F.L., Manning J.T.* Second to fourth digit ratio and face shape // Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. 2005. V. 272. № 1576. P. 1995–2001.

16. *Fink B.*, *Penton-Voak I.* Evolutionary psychology of facial attractiveness // Current Directions in Psychological Science. 2002. V. 11. № 5. P. 154–158.

17. *Folstad I.*, *Karter A.J.* Parasites, bright males, and the immunocompetence handicap // The American Naturalist. 1992. V. 139. № 3. P. 603–622.

18. *Hamilton W.D.*, *Zuk M.* Heritable true fitness and bright birds: a role for parasites? // Science. 1982. V. 218. № 4570. P. 384–387.

19. *Han C.* Facial appearance as a cue of physical condition. Doctoral dissertation, University of Glasgow, 2018.

20. *Hill S.E.*, *Buss D.M.* The mere presence of opposite-sex others on judgments of sexual and romantic desirability: Opposite effects for men and women // Personality and Social Psychology Bulletin. 2008. V. 34. № 5. P. 635–647.

21. *Hone L.S.E.*, *McCullough M.E.* 2D: 4D ratios predict handgrip strength (but not hand grip endurance) in men (but not in women) // Evolution and Human Behavior. 2012. V. 33. № 6. P. 780–789.

22. *Hönekopp J.*, *Manning J.T.*, *Müller C.* Digit ratio (2D: 4D) and physical fitness in males and females: Evidence for effects of prenatal androgens on sexually selected traits // Hormones and Behavior. 2006. V. 49. № 4. P. 545–549.

23. *Jones B.C.*, *DeBruine L.M.*, *Little A.C.*, *Burriss R.P.*, *Feinberg D.R.* Social transmission of face preferences among humans // Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. 2007. V. 274. № 1611. P. 899–903.

24. *Jones B.C.*, *Little A.C.*, *Boothroyd L.*, *DeBruine L.M.*, *Feinberg D.R.*, *LawSmith M.J.*, *Cornwell R.E.*, *Moore F.R.*, *Perrett D.I.* Commitment to relationships and preferences for femininity and apparent health in faces are strongest on days of the menstrual cycle when progesterone level is high // Hormones and Behaviour. 2005. V. 48. № 3. P. 283–290.

25. *Lee A.J.*, *Mitchem D.G.*, *Wright M.J.*, *Martin N.G.*, *Keller M.C.*, *Zietsch B.P.* Genetic factors that increase male facial masculinity decrease facial attractiveness of female relatives // Psychological Science. 2014. V. 25. № 2. P. 476–484.

26. *Little A.C.*, *Burriss R.P.*, *Jones B.C.*, *DeBruine L.M.*, *Caldwell C.A.* Social influence in human face preference: men and women are influenced more for long-term than short-term attractiveness decisions // Evolution and Human Behavior. 2008. V. 29. № 2. P. 140–146.

27. *Little A.C.*, *Burt D.M.*, *Penton-Voak I.S.*, *Perrett D.I.* Self-perceived attractiveness influences human female preferences for sexual dimorphism and symmetry in male faces // Proceedings of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences. 2001. V. 268. № 1462. P. 39–44.

28. *Little A.C.*, *Hancock P.J.* The role of masculinity and distinctiveness on the perception of attractiveness in human male faces // British Journal of Psychology. 2002. V. 93. № 4. P. 451–464.

29. *Little A.C.*, *Jones B.C.*, *De Bruine L.M.* Facial attractiveness: evolutionary based research // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2011. V. 366. № 1571. P. 1638–1659.

30. *Manning J.*, *Kilduff L.*, *Cook C.*, *Crewther B.*, *Fink B.* Digit ratio (2D:4D): a biomarker for prenatal sex steroids and adult sex steroids in challenge situations // Frontiers in endocrinology. 2014. V. 5. P. 9.

31. *Marcinkowska U.M.*, *Rantala M.J.*, *Lee A.J.*, *Kozlov M.V.*, *Aavik T.*, *Cai H.*, *Dixson B.J. et al.* Women's preferences for men's facial masculinity are strongest under favorable ecological conditions // Scientific Reports. 2019. V. 9. № 1. P. 1–10.

32. *Meindl K.*, *Windhager S.*, *Wallner B.*, *Shaefer K.* Second-to-fourth digit ratio and facial shape in boys: the lower the digit ratio, the more robust the face // Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. 2012. V. 279. № 1737. P. 2457–2463.

33. *Mitteroecker P.*, *Windhager S.*, *Müller G.B.*, *Schaefer K.* The morphometrics of "masculinity" in human faces // PLoS One. 2015. V. 10. № 2. e0118374.

34. *Nowak-Kornicka J.*, *Borkowska B.*, *Pawłowski B.* Masculinity and immune system efficacy in men // PLoS One. 2020. V. 15. № 12. e0243777.

35. *Penton-Voak I.S.*, *Little A.C.*, *Jones B.C.*, *Burt D.M.*, *Tiddeman B.P.*, *Perrett D.I.* Female condition influences preferences for sexual dimorphism in faces of male humans (Homo sapiens) // Journal of Comparative Psychology. 2003. V. 117. № 3. P. 264.

36. *Perrett D.I.*, *Lee K.J.*, *Penton-Voak I.S.*, *Rowland D.R.*, *Yoshikawa S.*, *Burt D.M.*, *Henzi S.P.*, *Castles D.L.*, *Akamatsu S.* Effects of sexual dimorphism on facial attractiveness // Nature. 1998. V. 398. № 6696. P. 884–887.

37. *Rhodes G.*, *Chan J.*, *Zebrowitz L.A.*, *Simmons L.W.* Does sexual dimorphism in human faces signal health? // Proceedings of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences. 2003. V. 9. P. S93–S95.

38. *Ribeiro E.*, *Neave N.*, *Morais R.N.*, *Kilduff L.*, *Taylor S.R.*, *Butovskaya M.*, *Manning J.T.* Digit ratio (2D:4D), testosterone, cortisol, aggression, personality and hand-grip strength: Evidence for prenatal effects on strength // Early Human Development. 2016. V. 98. P. 21–25.

39. *Roosenboom J.*, *Indencleef K.*, *Lee M.K.*, *Hoskens H.*, *White J.D.*, *Liu D.*, *Weinberg S.M. et al.* SNPs associated with testosterone levels influence human facial morphology // Frontiers in Genetics. 2018. V. 9. P. 497.

40. *Senior C.*, *Barnes J.*, *Jenkins R.*, *Landau S.*, *Phillips M.L.*, *David A.S.*, *Senior C.* Attribution of social dominance and maleness to schematic faces // Social Behavior and Personality: An International Journal. 1999. V. 27. № 4. P. 331–337.

41. *Thornhill R.*, *Grammer K.* The body and face of woman: One ornament that signals quality? // Evolution and Human Behavior. 1999. V. 20. № 2. P. 105–120.

42. *Windhager S.*, *Bookstein F.L.*, *Grammer K.*, *Oberzaucher E.*, *Said H.*, *Slice D.E.*, *Thorstensen T.*, *Schaefer K.* "Cars have their own faces": cross-cultural ratings of car shapes in biological (stereotypical) terms // Evolution and Human Behavior. 2012. V. 33. № 2. P. 109–120.

43. *Windhager S.*, *Schaefer K.*, *Fink B.* Geometric morphometrics of male facial shape in relation to physical strength and perceived attractiveness, dominance, and masculinity // American Journal of Human Biology. 2011. V. 23. № 6. P. 805–814.

FACIAL MASCULINITY: MORPHOLOGY AND ITS PERCEPTION[5]

A. A. Mezentseva[1,*], M. L. Butovskaya[2,3,], K. I. Ananyeva[4,***], A. A. Demidov[5,****]**

[1]Lomonosov Moscow State University;
125009, *Moscow*, *Mokhovaya str.*, *11*, *bld. 9*, *Russia*.
[2]Institute of Ethnology and Anthropology (*Russian Academy of Sciences*);
119334, *Moscow*, *Leninsky prospect*, *32a*, *Russia*.
[3]Russian State University for the Humanities;
125993, *Moscow*, *Miusskaya square*, *6*, *Russia*.
[4]Institute of psychology (*Russian Academy of Sciences*);
129366, *Moscow*, *Yaroslavskaya str.*, *13*, *bld. 1*, *Russia*.
[5]Moscow Institute of Psychoanalysis;
115093, *Moscow*, *Lyusinovskaya str.*, *13*, *bld. 1*, *Russia*.
[*]Master Student, *Department of Ethnology*.
E-mail: *khatsenkova@yandex.ru*
[**]Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, *ScD* (*History*), *Professor*,
Head of the Department of Cross-Cultural Psychology and Human Ethology of the Institute of Ethnology and Anthropology (*Russian Academy of Sciences*), *Leading Researcher of the Educational and Scientific Center of the Russian State University for the Humanities*.
E-mail: *marina.butovskaya@gmail.com*
[***]PhD (*Psychology*), *Associate Professor*, *Research Associate at the Laboratory of Cognitive Psychology and Mathematical Psychology*.
E-mail: *hristinka.84@gmail.com*
[****]PhD (*Psychology*), *Associate Professor of the Department of General Psychology*.
E-mail: *alexander.demidov19@gmail.com*

Received 29.06.2020

Abstract. Over the past 50 years, a huge number of studies of facial masculinity have been published. However, up-till now, the problem of the correlation between real biological masculinity and the perception of masculinity is the key one in the researches of the human face. Scientists are aimed to identify the features of recognition, perception and evaluation of masculine traits by respondents of the same and opposite sex in different contexts. In the first part of this article, there is an overview of the biological aspects of this problem. The two main evolutionary theories on which the interpretation many of masculinity researches are based: the Zack—Hamilton parasitic theory and the Folsted and Carter immunological competence theory. Anthropologists measure testosterone-depended facial traits, including features of masculinization in the prenatal period, signs of sexual dimorphism. The second part of the review provided the key results in the field of perceived masculinity and the problems of evaluation research. The inconsistency of results in the assessment of attractiveness and facial masculinity is explained not only by cross-cultural differences in the studied populations, but also by a number of factors that affect the perception and individual preferences of a person. These are technical factors of research-features of stimulus materials, and human factors. Individual factors include internal factors (hormones, self-esteem), context (evaluating the opposite or the same sex, for short-term or long-term relationships, as well as context), and visual experience.

Keywords: facial masculinity, biological masculinity, perceived masculinity, evaluation of attractiveness.

[5] This work was supported by Russian Foundation for Fundamental Research grant № 20-313-70005 (Mezentseva A.A., Ananyeva K.I.) and in accordance with the research plan of the Institute of Ethnology and anthropology RAS (Butovskaya M.L.).

REFERENCES

1. *Butovskaya M.L.* Antropologiya pola. Fryazino: Vek 2, 2013. (In Russian)
2. *Butovskaya M.L.*, *Mezenceva A.A.* Obobshchennye portrety muzhchin masaev: vneshnyaya privlekatel'nost' i fizicheskaya sila po ocenkam ekspertov toj zhe populyacii. Lico cheloveka: poznanie, obshchenie, deyatel'nost', 2019. P. 497–505. (In Russian)
3. *Lokk K.E.* Komp'yuternye metody summirovaniya izobrazhenij. Obobshchennyj i usrednennyj portrety. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 23: Antropologiya, 2011. № 1. P. 37–44. (In Russian)
4. *Berry D.S.*, *Brownlow S.* Were the physiognomists right? Personality correlates of facial babyishness. Personality and Social Psychology Bulletin. 1989. V. 15. № 2. P. 266–279.
5. *Bovet J.*, *Barkat-Defradas M.*, *Durand V.*, *Faurie C.*, *Raymond M.* Women's attractiveness is linked to expected age at menopause. Journal of Evolutionary Biology. 2018. V. 31. № 2. P. 229–238.
6. *Bowers R.I.*, *Place S.S.*, *Todd P.M.*, *Penke L.*, *Asendorpf J.B.* Generalization in mate-choice copying in humans. Behavioral Ecology. 2012. V. 23. № 1. P. 112–124.
7. *Buss D.M.*, *Schmitt D.P.* Sexual strategies theory: an evolutionary perspective on human mating. Psychological Review. 1993. V. 100. № 2. P. 204–232.
8. *Butovskaya M.L.*, *Windhager S.*, *Karelin D.*, *Mezentseva A.*, *Shaefer K.*, *Fink B.* Associations of physical strength with facial shape in an African pastoralist society, the Maasai of Northern Tanzania. PLoS One. 2018. V. 13. № 5. e0197738.
9. *Cunningham M.R.* Measuring the physical in physical attractiveness: quasi-experiments on the sociobiology of female facial beauty. Journal of Personality and Social Psychology. 1986. V. 50. № 5. P. 925–935.
10. *Cunningham M.R.*, *Barbee A.P.*, *Pike C.L.* What do women want? Facialmetric assessment of multiple motives in the perception of male facial physical attractiveness. Journal of Personality and Social Psychology. 1990. V. 59. № 1. P. 61–72.
11. *DeBruine L.M.*, *Jones B.C.*, *Crawford J.R.*, *Welling L.L.M.*, *Little A.C.* The health of a nation predicts their mate preferences: cross-cultural variation in women's preferences for masculinized male faces. Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. 2010. V. 277. № 1692. P. 2405–2410.
12. *Docherty C.*, *Lee A.J.*, *Hahn A.C.*, *DeBruine L.M.*, *Jones B.C.* Do more attractive women show stronger preferences for male facial masculinity? Evolution and Human Behavior. 2020. V. 41. № 4. P. 312–317.
13. *Enlow D.H.*, *Hans M.G.* Essentials of facial growth. WB Saunders Company, 1996.
14. *Eva K.W.*, *Wood T.J.* Are all the taken men good? An indirect examination of mate-choice copying in humans. Cmaj. 2006. V. 175. № 12. P. 1573–1574.
15. *Fink B.*, *Grammer K.*, *Mitteroecker P.*, *Gunz P.*, *Schaefer K.*, *Bookstein F.L.*, *Manning J.T.* Second to fourth digit ratio and face shape. Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. 2005. V. 272. № 1576. P. 1995–2001.
16. *Fink B.*, *Penton-Voak I.* Evolutionary psychology of facial attractiveness. Current Directions in Psychological Science. 2002. V. 11. № 5. P. 154–158.
17. *Folstad I.*, *Karter A.J.* Parasites, bright males, and the immunocompetence handicap. The American Naturalist. 1992. V. 139. № 3. P. 603–622.
18. *Hamilton W.D.*, *Zuk M.* Heritable true fitness and bright birds: a role for parasites? Science. 1982. V. 218. № 4570. P. 384–387.
19. *Han C.* Facial appearance as a cue of physical condition. Doctoral dissertation, University of Glasgow, 2018.
20. *Hill S.E.*, *Buss D.M.* The mere presence of opposite-sex others on judgments of sexual and romantic desirability: Opposite effects for men and women. Personality and Social Psychology Bulletin. 2008. V. 34. № 5. P. 635–647.
21. *Hone L.S.E.*, *McCullough M.E.* 2D:4D ratios predict handgrip strength (but not hand grip endurance) in men (but not in women). Evolution and Human Behavior. 2012. V. 33. № 6. P. 780–789.
22. *Hönekopp J.*, *Manning J.T.*, *Müller C.* Digit ratio (2D: 4D) and physical fitness in males and females: Evidence for effects of prenatal androgens on sexually selected traits. Hormones and Behavior. 2006. V. 49. № 4. P. 545–549.
23. *Jones B.C.*, *DeBruine L.M.*, *Little A.C.*, *Burriss R.P.*, *Feinberg D.R.* Social transmission of face preferences among humans. Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. 2007. V. 274. № 1611. P. 899–903.
24. *Jones B.C.*, *Little A.C.*, *Boothroyd L.*, *DeBruine L.M.*, *Feinberg D.R.*, *LawSmith M.J.*, *Cornwell R.E.*, *Moore F.R.*, *Perrett D.I.* Commitment to relationships and preferences for femininity and apparent health in faces are strongest on days of the menstrual cycle when progesterone level is high. Hormones and behaviour. 2005. V. 48. № 3. P. 283–290.
25. *Lee A.J.*, *Mitchem*, *D.G.*, *Wright M.J.*, *Martin N.G.*, *Keller M.C.*, *Zietsch B.P.* Genetic factors that increase male facial masculinity decrease facial attractiveness of female relatives. Psychological Science. 2014. V. 25. № 2. P. 476–484.
26. *Little A.C.*, *Burriss R.P.*, *Jones B.C.*, *DeBruine L.M.*, *Caldwell C.A.* Social influence in human face preference: men and women are influenced more for long-term than short-term attractiveness decisions. Evolution and Human Behavior. 2008. V. 29. № 2. P. 140–146.
27. *Little A.C.*, *Burt D.M.*, *Penton-Voak I.S.*, *Perrett D.I.* Self-perceived attractiveness influences human female

preferences for sexual dimorphism and symmetry in male faces. Proceedings of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences. 2001. V. 268. № 1462. P. 39–44.

28. *Little A.C.*, *Hancock P.J.* The role of masculinity and distinctiveness on the perception of attractiveness in human male faces. British Journal of Psychology. 2002. V. 93. № 4. P. 451–464.
29. *Little A.C.*, *Jones B.C.*, *DeBruine L.M.* Facial attractiveness: evolutionary based research // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2011. V. 366. № 1571. P. 1638–1659.
30. *Manning J.*, *Kilduff L.*, *Cook C.*, *Crewther B.*, *Fink B.* Digit ratio (2D:4D): a biomarker for prenatal sex steroids and adult sex steroids in challenge situations. Frontiers in endocrinology. 2014. V. 5. P. 9.
31. *Marcinkowska U.M.*, *Rantala M.J.*, *Lee A.J.*, *Kozlov M.V.*, *Aavik T.*, *Cai H.*, *Dixson B.J. et al.* Women's preferences for men's facial masculinity are strongest under favorable ecological conditions // Scientific Reports. 2019. V. 9. № 1. P. 1–10.
32. *Meindl K.*, *Windhager S.*, *Wallner B.*, *Shaefer K.* Second-to-fourth digit ratio and facial shape in boys: the lower the digit ratio, the more robust the face. Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. 2012. V. 279. № 1737. P. 2457–2463.
33. *Mitteroecker P.*, *Windhager S.*, *Müller G.B.*, *Schaefer K.* The morphometrics of "masculinity" in human faces. PLoS One. 2015. V. 10. № 2. e0118374.
34. *Nowak-Kornicka J.*, *Borkowska B.*, *Pawłowski B.* Masculinity and immune system efficacy in men. PLoS One. 2020. V. 15. № 12. e0243777.
35. *Penton-Voak I.S.*, *Little A.C.*, *Jones B.C.*, *Burt D.M.*, *Tiddeman B.P.*, *Perrett D.I.* Female condition influences preferences for sexual dimorphism in faces of male humans (Homo sapiens). Journal of Comparative Psychology. 2003. V. 117. № 3. P. 264.
36. *Perrett D.I.*, *Lee K.J.*, *Penton-Voak I.S.*, *Rowland D.R.*, *Yoshikawa S.*, *Burt D.M.*, *Henzi S.P.*, *Castles D.L.*, *Akamatsu S.* Effects of sexual dimorphism on facial attractiveness. Nature. 1998. V. 398. № 6696. P. 884–887.
37. *Rhodes G.*, *Chan J.*, *Zebrowitz L.A.*, *Simmons L.W.* Does sexual dimorphism in human faces signal health? Proceedings of the Royal Society of London. Series B: Biological Sciences. 2003. V. 9. P. S93–S95.
38. *Ribeiro E.*, *Neave N.*, *Morais R.N.*, *Kilduff L.*, *Taylor S.R.*, *Butovskaya M.*, *Manning J.T.* Digit ratio (2D:4D), testosterone, cortisol, aggression, personality and hand-grip strength: Evidence for prenatal effects on strength. Early Human Development. 2016. V. 98. P. 21–25.
39. *Roosenboom J.*, *Indencleef K.*, *Lee M.K.*, *Hoskens H.*, *White J.D.*, *Liu D.*, *Weinberg S.M. et al.* SNPs associated with testosterone levels influence human facial morphology. Frontiers in Genetics. 2018. V. 9. P. 497.
40. *Senior C.*, *Barnes J.*, *Jenkins R.*, *Landau S.*, *Phillips M.L.*, *David A.S.*, *Senior C.* Attribution of social dominance and maleness to schematic faces. Social Behavior and Personality: An International Journal. 1999. V. 27. № 4. P. 331–337.
41. *Thornhill R.*, *Grammer K.* The body and face of woman: One ornament that signals quality? Evolution and Human Behavior. 1999. V. 20. № 2. P. 105–120.
42. *Windhager S.*, *Bookstein F.L.*, *Grammer K.*, *Oberzaucher E.*, *Said H.*, *Slice D.E.*, *Thorstensen T.*, *Schaefer K.* "Cars have their own faces": cross-cultural ratings of car shapes in biological (stereotypical) terms. Evolution and Human Behavior. 2012. V. 33. № 2. P. 109–120.
43. *Windhager S.*, *Schaefer K.*, *Fink B.* Geometric morphometrics of male facial shape in relation to physical strength and perceived attractiveness, dominance, and masculinity. American Journal of Human Biology. 2011. V. 23. № 6. P. 805–814.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 82–87

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9(091)

АВГУСТА ВИКТОРОВНА ЯРМОЛЕНКО — ВИДНАЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНИЦА ПЕТЕРБУРГСКОЙ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ

© 2021 г. Н. А. Логинова

Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7/9, Россия.
Доктор психологических наук, профессор кафедры психологии развития и дифференциальной психологии.
E-mail: n.loginova@spbu.ru

Поступила 10.10.2020

Аннотация. Августа Викторовна Ярмоленко — видная представительница Петербургской психологической школы. В статье описаны ее профессиональное становление, научная и педагогическая деятельность на разных этапах жизни. Ее биография с самого начала была связана со школой В.М. Бехтерева, у которого она училась в Психоневрологической академии и под руководством которого работала в Институте мозга. Многие годы работая в области дефектологии, она стала ведущим специалистом страны по психологии слепоглухонемых. Научные работы А.В. Ярмоленко также посвящены осязанию, многоязычию, общей и экспериментальной психологии. А.В. Ярмоленко работала медсестрой в годы Великой Отечественной войны. В статье освещается роль А.В. Ярмоленко как соратника Б.Г. Ананьева и В.Н. Мясищева в становлении и развитии психологического образования и науки в СПбГУ.

Ключевые слова: история психологии, А.В. Ярмоленко, Петербургская психологическая школа, Институт мозга им. В.М. Бехтерева, Великая Отечественная война, Ленинградский государственный университет, психология слепоглухонемых, психология речи и осязания, психологическое образование.

DOI: 10.31857/S020595920014247-7

В 2020 г. психологическая общественность Санкт-Петербурга и страны отметила 120-летие со дня рождения Августы Викторовны Ярмоленко, без которой нельзя представить историю Петербургской психологической школы в советский период. Ведущая свое начало от В.М. Бехтерева эта школа пережила три основных периода, которые можно с достаточным основанием назвать бехтеревским, ананьевским (ленинградским) и постананьевским (современным). В науковедении вопрос о признаках научной школы не имеет однозначного решения [12]. Среди аргументов в пользу того или иного выделения школы как субъекта научного развития выдвигают общность научно-исследовательской программы, общность научного предка, институций и пр. По многим показателям принадлежности к определенному научному братству А.В. Ярмоленко — представительца Петербургской психологической школы. Более того, у нее есть кровная связь с этой школой, поскольку ее мать Августа Александровна Дернова-Ярмоленко была активным членом этой школы с 1900-х годов. История Петербургской школы в целом еще не написана. Но, несомненно, что в ней должны быть главы, посвященные этим замечательным деятельницам психологической науки и практики.

БИОГРАФИЯ

Августа Ярмоленко — старшая из трех детей в семье Ярмоленко. Ее отец Виктор Ильич Ярмоленко, окончив Петровскую (Тимирязевскую) академию, работал профессиональным землеустроителем. Мать А.А. Дернова-Ярмоленко училась в Женском медицинском институте, открытом в Санкт-Петербурге в 1897 г. Она была в числе лучших в первом выпуске этого новаторского учебного заведения, и ее особо отмечал сам Владимир Михайлович Бехтерев, который преподавал здесь на кафедре душевных и нервных болезней.

Волею судьбы семья некоторое время жила на Дальнем Востоке (глава семейства работал на строительстве Китайско-восточной железной дороги), в Астрахани, в городе Вятке и затем осела в Екатеринославе (в настоящее время г. Дніпро). Здесь семью застигли революция и гражданская война. В городе происходила неоднократная

смена власти — красные, белые, петлюровцы, махновцы, германская оккупация. Это были годы тяжелых испытаний для семьи. Виктор Ярмоленко, сторонник самостийной Украины, вынужден был бежать из города и в конце концов эмигрировать в Аргентину. Об этом семья узнала спустя несколько лет из его письма, которое было доставлено с оказией в Советскую Россию.

А.А. Дернова-Ярмоленко активно включилась в работу по созданию системы народного образования в Екатеринославе. Ее дочь Августа с 1919 по 1922 г. обучалась на дошкольном факультете Екатеринославского высшего института народного образования [3]. В 1922 г. по приглашению В.М. Бехтерева А.А. Дернова-Ярмоленко с повзрослевшими детьми переехала в Петроград. Бехтерев принял ее на работу в лабораторию рефлексологии детства Государственного рефлексологического института по изучению мозга и психической деятельности — так тогда назывался этот институт.

В 1923 г. Августа Викторовна Ярмоленко поступила на психорефлексологический факультет Ленинградского института педологии и дефектологии Государственной психоневрологической академию. В 1924 г. успешно окончила его [14] и работала в Институте мозга, в лаборатории рефлексологии детства, где работала и ее мать. Заведующей этой лабораторией была Вера Николаевна Осипова, ученица Бехтерева, одна из первых докторов по психологии в Ленинграде. Августа Викторовна поступила в аспирантуру Института мозга в октябре 1926 г. и окончила ее в октябре 1930[1]. Она работала в Институте мозга с марта 1923 г. до самого его закрытия в сентябре 1948 г. [18]. История этого института является примером осуществления комплексного подхода к изучению человека [8; 9; 24].

НАУЧНАЯ И ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.В. ЯРМОЛЕНКО В ДОВОЕННЫЙ ПЕРИОД

Судя по документам и публикациям [4; 10], в 20-е годы она была секретарем лаборатории рефлексологии детства Института мозга, проводила рефлексологические эксперименты с детьми, преимущественно с имеющими разные отклонения в поведении. Проблема аномалийного ребенка была постоянно в повестке дня Психоневрологического института и Института мозга им. В.М. Бехтерева, где работал в этом направлении и другой представитель Петербургской школы В.Н. Мясищев [11].

А.В. Ярмоленко много экспериментировала, освоила и активно использовала среди прочих методику хватательного рефлекса по Р.И. Чарановскому. В 1931 г. вышла в свет ее первая книга “Обследование движений аномальных детей” [20]. Некоторое время А.В. Ярмоленко была секретарем редколлегии журнала “Вопросы изучения и воспитания личности”, издававшегося Институтом мозга. Участвовала в Международной педагогической выставке в 1930 г. в Ленинграде, научных семинарах Института мозга, где выступала с реферативными докладами, посвященными зарубежной психологии и ее собственным исследованиям.

Параллельно с работой в Институте мозга она начала преподавать в учебных заведениях города, вела занятия по экспериментальной психологии. Она преподавала в медицинском институте, Психоневрологическом институте им. В.М. Бехтерева, Институте усовершенствования врачей. В 1930–1936 гг. Августа Викторовна заведовала лабораторией экспериментальной психологии и детской психопатологии в Ленинградском институте охраны здоровья детей и подростков. После разгрома педологии поступила в 1937 в экстернатуру по логопедии в том же институте, работала научным сотрудником в Институте слуха и речи, была помощником директора по научной работе. С середины 1930-х годов Ярмоленко сосредоточилась на психологии и педагогике слепоглухонемых, стала кандидатом педагогических наук по совокупности научных работ.

За годы работы по избранной тематике Августа Викторовна стала ведущим специалистом в области изучения слепоглухонемых наряду с известным тифлосурдопедагогом И.А. Соколянским, но в отличие от него изучала психологические основы тифлосурдопедагогики [21–23 и др.].

Ее деятельность включала изучение патопсихологии, дефектологии в широком смысле слова, что способствовало ее профессионализации и вскоре пригодилось в условиях войны.

ВОЙНА

Августа Викторовна — участница Великой Отечественной войны. В начале войны А.В. Ярмоленко как военнообязанная была мобилизована в армию. Прошла ускоренные курсы медсестер без

[1] В Институте мозга она работала и училась в аспирантуре вместе с Б.Г. Ананьевым, который поступил в аспирантуру института в 1929 г. и после досрочного ее окончания в конце 1930 г. стал научным сотрудником лаборатории рефлексологии детства.

отрыва от производства и с сентября 1941 г. работала медсестрой в эвакогоспитале № 1359, потом в эвакогоспитале № 267. Уволена в запас в июле 1943 г. [2; 7]. Была награждена медалями “За оборону Ленинграда”, “За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны”.

Война была тяжелейшим испытанием для всех. Потери были в каждой семье. В 1942 г. в Орловской области, оккупированной немецкими фашистами, умерла Августа Александровна Дернова-Ярмоленко — мать Августы Викторовны. Брат Виктор Викторович ушел добровольцем на фронт и в 1944 г. погиб.

Еще до окончания войны, до снятия блокады Ленинграда Августа Викторовна возобновила научную работу, стала вновь посещать Публичную библиотеку. 30 июля 1943 г. она пишет коллеге по Институту мозга Р.А. Каничевой в Самарканд, где та находилась в эвакуации: “Сегодня проработала в Публичке над спец[иальной] литературой с большим наслаждением после 2-х летнего перерыва...” [цит. по: 6, с. 217]. Предчувствие победы придавало сил.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.В. ЯРМОЛЕНКО В ЛЕНИНГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (СПБГУ)

С осени 1944 г. начались занятия на вновь образованном психологическом отделении философского факультета ЛГУ. Во главе отделения и кафедры психологии был Б.Г. Ананьев, приглашенный в университет ректором А.А. Вознесенским. В его команду вошли ряд сотрудников бехтеревского Института мозга, в том числе А.В. Ярмоленко. Они составили ядро кафедры и тем самым вместе с Ананьевым воплощали преемственность с бехтеревской психологической школой. В университете Августа Викторовна работала до конца своих дней, пройдя путь от ассистента и доцента до профессора. Она была членом коммунистической партии с 1944 г. Этот факт в советских условиях был значим и укреплял статус кафедры, притом что заведующий был беспартийным.

Ученые университета и нового психологического отделения возобновили научную работу. В 1945 г. на научной сессии ЛГУ Ярмоленко представила два доклада: “Пространственные представления на ограниченной сенсорной основе” и “Роль руки как органа труда, общения и познания”. В 1947–1950 гг. она разрабатывала тему “Психология многоязычия (внутренняя речь в переходе от одного языка на другой). Экспериментальная работа” [19][2]. Ее многолетние, многоаспектные исследования увенчались успешной защитой докторской диссертации на тему “Развитие познавательной деятельности слепоглухонемых” в 1955 г. В этой диссертации, как и других работах, утверждаются антропологический подход к сложным дефектам, зависимость психических особенностей слепоглухонемых от сохранных анализаторных систем мозга и общей жизнедеятельности организма, возможность компенсации дефектов.

А.В. Ярмоленко показала, что в процессе обучения не только формируются познавательные и коммуникативные навыки и умения, но и развиваются остаточные первичные функции зрения и слуха, если таковые имелись до начала обучения. Более того, именно потому, что кроме зрения и слуха — главных чувственных каналов социализации, человек обладает многими другими познавательными, точнее, когнитивными, возможностями — кожными и мышечными, обонятельными, вибрационными, температурными и прочими ощущениями, он может развиваться в условиях педагогического руководства как субъект познания, труда и общения, т.е. как полноценная личность. История науки знает такие примеры.

Августа Викторовна знала из научной литературы о 200 случаях слепоглухонемоты и сама непосредственно наблюдала 25 слепоглухонемых. Она лично была знакома с известной Ольгой Ивановной Скороходовой, слепоглухой воспитанницей И.А. Соколянского, которая стала исследовательницей, автором книги о своей судьбе [16]. Материалы исследований А.В. Ярмоленко вошли в коллективную монографию “Осязание в процессах познания и труда” [1]. Эта книга была удостоена премии АПН РСФСР им. К.Д. Ушинского и до сих пор остается единственной монографией по данной проблеме.

И.А. Соколянский в письме к Б.Г. Ананьеву от 9 ноября 1959 г. в ответ на подаренный экземпляр этой книги писал: “Не нахожу слов выразить мою сердечную благодарность Вам, Льву Марковичу, Борису Федоровичу и Августе Викторовне за память и внимание.

Почти сорок лет я практически работаю над использованием осязания в педагогическом процессе. Тем более для меня большая радость получить Ваши и Ваших товарищей ценнейшие исследования по проблеме осязания <...>.

---

[2] Августа Викторовна, владевшая десятком языков, была членом Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС), референтом для американского журнала Psychological Abstracts.

Остаюсь в непреклонной уверенности, что психология слепоглухонемоты становится точной наукой. С глубоким уважением к Вам И. Соколянский" [17].

Как и другие ученые, А.В. Ярмоленко много выступала с докладами и публичными лекциями. В разные периоды истории нашей страны появлялись злободневные темы, обсуждение которых часто было связано с идеологическими кампаниями, например, в 1950-х таковыми стали соотношение языка и речи, речи и сознания, значение Павловского учения для психологии. Годы спустя, в марте 1968 г., на теоретическом семинаре факультета психологии ЛГУ Августа Викторовна делала доклад о языке, речи и субъекте общения [13].

Новые перспективы для развития психологии в ЛГУ появились после преобразования отделения психологии в факультет психологии в 1966 г. Августа Викторовна Ярмоленко, которая являлась профессором кафедры общей психологии в этот ставший заключительным в ее жизни период, продолжала активную деятельность по избранным ею направлениям. В научном плане это было дальнейшее изучение психологии многоязычия, его влияния на развитие детей, исследование логоневрозов и нарушений речи.

В учебном плане она продолжала разрабатывать учебные курсы по юридической психологии, дефектологии, психологии речи. А.В. Ярмоленко была заместителем декана по работе с заочным и вечерним отделением. Вела по собственной инициативе журнал учета всех выпускников отделения и факультета начиная с 1947 г. К ней обращались бывшие студенты со своими вопросами, праздничными поздравлениями и добрыми пожеланиями. Вообще ее воспринимали как доброго опекуна. При этом Августа Викторовна отличалась критичностью при обсуждении научных работ и кадровых вопросов.

Ее последняя, посмертная, публикация [15] замкнула жизненный цикл ученого, объединяя его начало и конец памятью о соратнике и многолетнем сотруднике, с которым они вместе работали в Институте мозга, Ленинградском университете и других научных учреждениях Ленинграда, Владимире Николаевиче Мясищеве (см. о нем [5]).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Основатель Петербургской психологической школы В.М. Бехтерев, а за ним и Б.Г. Ананьев задали многие векторы развития комплексного человекознания с психологией во главе. Августа Викторовна Ярмоленко внесла свой значительный вклад в развитие этой школы и ее патопсихологической отрасли, дефектологии. Своими исследованиями она подтвердила на патопсихологическом материале концепцию сенсорной организации Б.Г. Ананьева, значение межфункциональных связей для индивидуального развития людей с сенсорной патологией. Ее исследования слепоглухонемоты впечатляют не статистикой "больших данных", что, по счастью, в данной области и невозможно, а истинным психологизмом простых по структуре методов изучения и воспитания слепоглухонемых детей с применением вдумчивого индивидуального подхода к каждому ребенку. Исследования Августы Викторовны и повседневная практическая педагогическая работа в университете носили печать ее одаренной личности, а потому незабываемы для тех, кто ее знал и учился у нее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.*, *Веккер Л.М.*, *Ломов Б.Ф.*, *Ярмоленко А.В.* Осязание в процессах познания и труда. М.: АПН РСФСР, 1959.
2. Военный билет А.В. Ярмоленко // Архив ИП РАН, фонд А.В. Ярмоленко.
3. Временное удостоверение А.В. Ярмоленко // Архив ИП РАН, фонд А.В. Ярмоленко.
4. Журнал протоколов и учета работы лаборатории рефлексологии детства Института мозга // Домашний архив Н.А. Логиновой.
5. *Карпова Э.Б.*, *Исурина Г.Л.*, *Журавлев А.Л.* Психологическая концепция отношений В.Н. Мясищева: Основы и содержание // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 2. С. 5–14.
6. *Кольцова В.А.*, *Олейник Ю.Н.* Советская психологическая наука в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). М.: Московский гуманитарный университет: Изд-во "Институт психологии РАН", 2006.
7. Личный листок слушательницы курсов медсестер // Архив ИП РАН, фонд А.В. Ярмоленко.
8. *Логинова Н.А.* Об Институте мозга им. В.М. Бехтерева // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 5. С. 110–119.
9. *Логинова Н.А.* Опыт человекознания: История комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб.: СПбГУ, 2005.
10. *Логинова Н.А.* История Петербургской психологической школы: новые архивные находки (к 100-летию Института мозга им. В.М. Бехтерева) // Историческая преемственность в отечественной психологии. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2019. С. 259–267.

11. *Мясищев В.Н.* Личность и труд аномалийного ребенка // Психические особенности трудновоспитуемых и умственно отсталых детей (в связи с задачами обучения и воспитания) / Под ред. В.Н. Мясищева. Л.: Институт мозга, 1936. С. 3–21.

12. *Олейник Ю.Н.*, *Журавлев А.Л.* К вопросу о концептуальных основаниях научной школы истории отечественной психологии В.А. Кольцовой // Развитие российской психологии накануне и после русской революции 1917 года: Тенденции, научные школы, персоналии: сборник статей участников Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Ю.Н. Олейник, Э.В. Тихонова; РФФИ, Арзамасский филиал ННГУ, ИП РАН, МосГУ. Саров: Интерконтакт, 2019. С. 93–106. (Арзамасские чтения по истории психологии).

13. Программа теоретического семинара факультета психологии ЛГУ и психологических лабораторий НИИКСИ. Протокол № 11. Сентябрь 1967 г. // Протоколы Ученого совета факультета психологии ЛГУ. ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 22. Д. 81.

14. Свидетельство № 65/896 // Архив ИП РАН. Фонд А.В. Ярмоленко.

15. *Серебрякова Р.О.*, *Ярмоленко А.В.* В.Н. Мясищев — ученый и педагог // Психология личности и малых групп: Л.: ЛГУ, 1977. С. 4–8.

16. *Скороходова О.И.* Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир. М.: Педагогика, 1972.

17. *Соколянский И.А.* Письмо Б.Г. Ананьеву 1959 г. // Домашний архив Б.Г. Ананьева.

18. Справка // Архив ИП РАН. Фонд А.В. Ярмоленко.

19. Тематические карточки научных работ (философский факультет) // ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1219. Л. 35.

20. *Ярмоленко А.В.* Обследование движений аномальных детей. Л.: Гос. рефлексологический институт по изучению мозга им. В.М. Бехтерева; М.: Гос. мед. издво, 1931. 125 с.

21. *Ярмоленко А.В.* Представление времени у слепоглухонемых // Вопросы психофизиологии и клиники чувствительности. Сборник экспериментальных исследований. Л., 1939. С. 174–181.

22. *Ярмоленко А.В.* Пространственные представления при потере слуха и зрения // Проблемы психологии. Л.: ЛГУ, 1948.

23. *Ярмоленко А.В.* Очерки психологии слепоглухонемых. Л.: ЛГУ, 1961.

24. *Ярошевский М.Г.* Уникальное сосредоточие психологических знаний // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 5. С. 120–122.

AVGUSTA VIKTOROVNA YARMOLENKO — MAJOR REPRESENTATIVE OF PETERSBURG PSYCHOLOGICAL SCHOOL

N. A. Loginova

Saint Petersburg State University;
199034, *Universitetskaya nab.*, *7/9*, *St. Petersburg*, *Russia*.
Doctor of Psychology, *Professor of the Department of Developmental Psychology and Differential Psychology*.
E-mail: *n.loginova@spbu.ru*

Received 10.10.2020

Abstract. A.V. Yarmolenko is a prominent the Petersburg psychological school representative. Her biography from the very beginning was associated with the school of V.M. Bekhterev, as she studied at the Psychoneurological Academy, worked at the Brain Institute founded by Bekhterev. She is known as the leading specialist in the deaf-blind psychology. She is the author of works on touch perception multilingualism, general and experimental psychology. Augusta Viktorovna made her contribution to the national struggle during the Great Patriotic War. The article highlights the role of A.V. Yarmolenko as a colleague of B.G. Ananyev and V.N. Myasishchev in the formation and development of psychological education and science at St. Petersburg State University.

Keywords: history of psychology, A.V. Yarmolenko, the Brain Institute, the Great Patriotic War, Leningrad (St. Petersburg) State University, psychology of deaf-blind-mute people, psychology of speech and touch, psychological education.

REFERENCES

1. *Anan'ev B.G.*, *Vekker L.M.*, *Lomov B.F.*, *Yarmolenko A.V.* Osyazanie v processah poznaniya i truda. Moscow: APN RSFSR, 1959. (In Russian)
2. Voennyj bilet A.V. Yarmolenko. Arhiv IP RAN, fond A.V. Yarmolenko. (In Russian)
3. Vremennoe udostoverenie A.V. Yarmolenko. Arhiv IP RAN, fond A.V. Yarmolenko. (In Russian)
4. Zhurnal protokolov i ucheta raboty laboratorii refleksologii detstva Instituta mozga. Domashnij arhiv N.A. Loginovoj. (In Russian)
5. *Karpova E.B.*, *Isurina G.L.*, *Zhuravlev A.L.* Psihologicheskaya koncepciya otnoshenij V.N. Myasishcheva: Osnovy i soderzhanie. Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 41. № 2. P. 5–14. (In Russian)
6. *Kol'cova V.A.*, *Olejnik Yu.N.* Sovetskaya psihologicheskaya nauka v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (1941–1945). Moscow: Moskovskij gumanitarnyj universitet: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2006. (In Russian)
7. Lichnyj listok slushatel'nicy kursov medsester. Arhiv IP RAN, fond A.V. Yarmolenko. (In Russian)
8. *Loginova N.A.* Ob Institute mozga im. V.M. Bekhtereva. Psikhologicheskij zhurnal. 1993. V. 14. № 5. P. 110–119. (In Russian)
9. *Loginova N.A.* Opyt chelovekoznaniya: Istoriya kompleksnogo podhoda v psihologicheskih shkolah V.M. Bekhtereva i B.G. Anan'eva. St. Petersburg: SPbGU, 2005. (In Russian)
10. *Loginova N.A.* Istoriya Peterburgskoj psihologicheskoj shkoly: novye arhivnye nahodki (k 100-letiyu Instituta mozga im. V.M. Bekhtereva). Istoricheskaya preemstvennost' v otechestvennoj psihologii. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2019. P. 259–267. (In Russian)
11. *Myasishchev V.N.* Lichnost' i trud anomalijnogo rebenka. Psihicheskie osobennosti trudnovospituemyh i umstvenno otstalyh detej (v svyazi s zadachami obucheniya i vospitaniya). Ed. V.N. Myasishchev. L.: Institut mozga, 1936. P. 3–21. (In Russian)
12. *Olejnik Yu.N.*, *Zhuravlev A.L.* K voprosu o konceptual'nyh osnovaniyah nauchnoj shkoly istorii otechestvennoj psihologii V.A. Kol'covoj. Razvitie rossijskoj psihologii nakanune i posle russkoj revolyucii 1917 goda: Tendencii, nauchnye shkoly, personalii: sbornik statej uchastnikov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Ed. A.L. Zhuravlev, Yu.N. Olejnik, E.V. Tihonova; RFFI, Arzamasskij filial NNGU, IP RAN, MosGU. Sarov: Interkontakt, 2019. (Arzamasskie chteniya po istorii psihologii). P. 93–106. (In Russian)
13. Programma teoreticheskogo seminara fakul'teta psihologii LGU i psihologicheskih laboratorij NIIKSI. Protokol № 11. Sentyabr' 1967 g. Protokoly Uchenogo soveta fakul'teta psihologii LGU. CGA St. Petersburg. Fond 7240. Opis' 22. Delo 81. (In Russian)
14. Svidetel'stvo № 65/896. Arhiv IP RAN. Fond A.V. Yarmolenko. (In Russian)
15. *Serebryakova R.O.*, *Yarmolenko A.V.* V.N. Myasishchev — uchenyj i pedagog.. Psihologiya lichnosti i malyh grupp: L.: LGU, 1977. P. 4–8. (In Russian)
16. *Skorohodova O.I.* Kak ya vosprinimayu, predstavlyayu i ponimayu okruzhayushchij mir. Moscow: Pedagogika, 1972. (In Russian)
17. *Sokolyanskij I.A.* Pis'mo B.G. Anan'evu 1959 g. Domashnij arhiv B.G. Anan'eva. (In Russian)
18. Spravka. Arhiv IP RAN. Fond A.V. Yarmolenko. (In Russian)
19. Tematicheskie kartochki nauchnyh rabot (filosofskij fakul'tet). CGA SPb. Fond 7240. Opis' 14. Delo 1219. List 35. (In Russian)
20. *Yarmolenko A.V.* Obsledovanie dvizhenij anomal'nyh detej. L.: Gos. refleksologicheskij institut po izucheniyu mozga im. V.M. Bekhtereva; Moscow: Gos. med. izd-vo, 1931. 125 p. (In Russian)
21. *Yarmolenko A.V.* Predstavlenie vremeni u slepogluhonemyh. Voprosy psihofiziologii i kliniki chuvstvitel'nosti. Sbornik eksperimental'nyh issledovanij. L., 1939. P. 174–181. (In Russian)
22. *Yarmolenko A.V.* Prostranstvennye predstavleniya pri potere sluha i zreniya. Problemy psihologii. L.: LGU, 1948. (In Russian)
23. *Yarmolenko A.V.* Ocherki psihologii slepogluhonemyh. L.: LGU, 1961. (In Russian)
24. *Yaroshevskij M.G.* Unikal'noe sosredotochie psihologicheskih znanij. Psihologicheskij zhurnal. 1993. V. 14. № 5. P. 120–122. (In Russian)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 88–97

ИСТОРИЯ ПСИХОЛОГИИ

УДК 159.9.092

НАПРАВЛЕНИЯ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ (по материалам конференции в Ленинградском университете 1947 г.)

© 2021 г. А. Л. Журавлев[1,*], Л. Г. Почебут[2,]**

[1]ФГБУН Институт психологии РАН;
129366, г. Москва, ул. Ярославская, д. 13, корп. 1, Россия.
[2]Санкт-Петербургский государственный университет;
199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9, Россия.
[*]Академик РАН, профессор, научный руководитель Института психологии РАН.
E-mail: ALZhuravlev2018@yandex.ru
[**]Доктор психологических наук, профессор факультета психологии.
E-mail: ludmila.pochebut@gmail.com

Поступила 22.01.2021

Аннотация. Статья посвящена научному осмыслению итогов конференции по актуальным вопросам психологии, проходившей в Ленинградском университете 1–5 октября 1947 г. На конференции обсуждались актуальные фундаментальные и прикладные проблемы советской психологии, а также вопросы психологического образования в университетах и средних школах. В докладах рассматривались пути развития психологии, обсуждались психофизическая и психофизиологическая проблемы, психология отношений и мотивации личности, детская психология, зоопсихология, требования к преподаванию психологии в школах. Особое внимание было уделено развитию психологии в республиках СССР. С программным докладом выступил Б.Г. Ананьев, который отметил, что создается новая научная психология, опирающаяся на учения И.П. Павлова и В.М. Бехтерева. В качестве главных задач отечественной психологии были выделены психофизическая и психофизиологическая проблемы, которые должны решаться комплексно. Обсуждались основные принципы и области психологии. Экспериментальному изучению взаимосвязи психологических и физиологических переменных был посвящен доклад В.Н. Мясищева. В докладе П.О. Макарова были представлены результаты исследования микрофизиологии предощущений и ощущений. Психология мыслительной деятельности изучалась А.В. Ярмоленко и С.М. Василевским. Динамику восприятия экспериментально исследовали М.Д. Александрова, Л.М. Веккер, А.А. Прессман. В.Н. Мясищев показал, что высшая ступень развития личности определяется уровнем сознательного отношения к окружающему и ее самосознанием. Проблему мотивации деятельности в детской психологии обсуждала А.А. Люблинская. Три доклада были посвящены экспериментальным исследованиям в зоопсихологии. Также обсуждались результаты изучения фиксированной установки в грузинской школе психологии, история становления психологии в Армении, на Украине, в Эстонии. Сделан вывод о высоком научном значении конференции для дальнейшего развития отечественной психологии.

Ключевые слова: история психологии, проблемы, принципы, области психологии, психофизическая проблема, психофизиологическая проблема, отношения личности.

DOI: 10.31857/S020595920014248-8

Война принесла нашему народу колоссальные людские и материальные потери. Была разрушена почти вся европейская часть территории страны — практически “выжженная земля” тянулась от Бреста до Волги. Было уничтожено более 1700 городов, 73 тыс. сел и деревень, более 35 тыс. заводов, фабрик, шахт и других объектов народного хозяйства, 65 тыс. км железных дорог, 90 тыс. км шоссейных дорог. Посевные площади сократились на 37 млн га, поголовье скота — более чем в 2 раза. Общее количество потерь, понесенных экономикой СССР за годы войны, составляло от трети до половины всего национального богатства страны. Погибло 27 млн советских граждан [19, с. 7–8].

В этих тяжелых условиях разрухи и почти полностью милитаризированной экономики перед государством стояли сложные задачи восстановления

социалистического хозяйства, нового строительства и перевода промышленности на "мирные рельсы". Предстояла новая индустриализация страны. Многие иностранные эксперты и экономисты считали, что СССР сможет *восстановить* свой довоенный потенциал не ранее чем через три-четыре десятилетия.

Начало восстановительной пятилетки в СССР совпало с засухой 1946 г. на Украине, в Молдавии и на юге России, приведшей к неурожаю и массовому оттоку сельского населения в города. Повсеместная нехватка продовольствия и медикаментов, тяжелые социально-бытовые условия жизни, высокая смертность, в том числе детская, — вот исходное положение народа нашей страны в процессе восстановления.

В высших органах руководства государством проходят дискуссии о выборе направления развития экономики, намечается постепенный отход от мобилизационных методов управления. В 1946 г. были проведены выборы в Верховный Совет СССР, усиливается роль советов, профсоюзов, общественных организаций. Случались ошибки и перегибы, такие как начавшаяся "борьба с космополитизмом", суть которой состояла в том, что советские ученые обязаны были отстаивать уникальность отечественной науки и не должны были заниматься "низкопоклонством" перед Западом. Это, конечно, не способствовало развитию тесных связей с зарубежной наукой.

Тем не менее восстановительные процессы были направлены на модернизацию всей экономической системы, освоение новейших моделей производства и широкое внедрение передовых технологий. Социализм предполагал строительство нового общества исключительно на строго научной основе, и теоретики социализма, оказавшись во властных структурах государства, с самого начала не просто развивали, а буквально пестовали науку. Достаточно вспомнить, как в 1918 г., в сложнейших условиях революции и начала Гражданской войны, создавались первые советские научно-исследовательские институты. Благодаря поэтапному, продуманному развитию развивались научные школы, проходила трансформация индустриальной экономики в научно-индустриальную.

Послевоенное восстановление происходило ценой героических усилий советского народа, его действительно жертвенных трудовых подвигов и энтузиазма. Это были годы "побед каждый день". Они обеспечили рывок нашей страны в 1950–1960-е годы и гарантии ее существования в веке нынешнем. Годы послевоенного восстановления стали временем рождения мировой сверхдержавы.

В этих сложных условиях в Ленинградском государственном университете по инициативе Б.Г. Ананьева была организована научная конференция представителей университетов СССР по проблемам психологии. Конференция проходила с 1 по 5 октября 1947 г., в преддверии празднования 30-летия Октябрьской революции 1917 г. На конференции обсуждались актуальные теоретические проблемы советской психологии и вопросы психологического образования в университетах и средних школах.

Конференция являлась первым опытом коллективного сотрудничества университетских психологов. В ней принимали участие представители университетов Ленинграда, Киева, Львова, Минска, Петрозаводска, Вильнюса, Риги, Тарту, Горького, Свердловска, Еревана, Тбилиси. Активно участвовали в конференции представители кафедр психологии институтов и научных учреждений Москвы, Харькова, Семипалатинска, Дзауджикау, Молотова, Иркутска и др. Общее число участников превысило 450 человек.

ПУТИ РАЗВИТИЯ ПСИХОЛОГИИ

С программным докладом "Новые пути развития психологической науки в СССР" выступил чл.-корр. АПН, профессор Б.Г. Ананьев (Ленинградский университет). Борис Герасимович отмечал, что в настоящее время создается новая научная психология, опирающаяся на учения И.П. Павлова и В.М. Бехтерева, наступает новая эпоха в развитии психологии. Подлинно новаторская природа советской психологии сложилась не сразу, а в результате борьбы за овладение марксистско-ленинской теорией и ее конкретизацией в психологическом исследовании. Главной задачей новой отечественной психологии стало решение психофизической проблемы с позиций естественнонаучного подхода, а также диалектического и исторического материализма.

Первое поколение советских психологов испытывало сложности овладения марксистской философией и трудности перехода к творческому осмыслению новых подходов в психологии. Однако их работы сыграли важную роль и свидетельствовали о внутренней необходимости развития советской психологии.

Этапы развития советской психологии. Ананьев считал, что на первом этапе в 30-е годы советской власти не только проходила ожесточенная борьба идеализма с материализмом, но и были попытки приспособить, ревизовать марксизм с позиций различных буржуазных концепций. Огромное значение

для развития советской психологии, по его мнению, имела философская дискуссия 1930–1931 гг., обусловившая ее серьезную перестройку и давшая толчок реальной конкретизации марксистско-ленинской теории в психологии.

Второй этап связан с отказом от антиисторических идей прошлого, начинается накопление идей, которые лягут в основу дальнейшего становления советской психологии.

Третий, послевоенный этап ознаменовался разработкой новых принципов, новых методов и серьезными находками в конкретных областях психологии. Советские психологи стали осознавать коренную необходимость в переходе психологии на современный уровень, сложилась новая система психологических знаний, разработаны новые принципы и методы, с помощью которых добывались важнейшие психологические знания. Коренным образом изменились и само строение психологической науки, взаимосвязь ее проблем и дисциплин.

Новые проблемы и отрасли психологии. Важнейшей в психологии является *психофизическая проблема*. Ананьев считал, что ее решение было оторванным от процессов психического развития, поэтому невозможно было проанализировать диалектику перехода от материи к сознанию.

Особое значение для понимания происхождения и развития психики приобрела *эволюционная психология животных*. Зоопсихология стала составной частью общей психологии, была включена в систему психологии и психологического образования.

Дальнейшее развитие получила и *детская психология*, изучающая источники и процессы формирования сознания. Она призвана сыграть огромную роль в разработке общей теории психологии, а также в педагогическом и философском образовании.

Подчеркивалась необходимость создания новой отрасли — *исторической психологии*. Эта дисциплина опирается на историю материальной культуры и языка, сравнительной этнологии, историю религии и атеизма, историю различных видов идеологии. В целом вся общая психология должна стать конкретно-исторической наукой. Историческая психология как психологическая дисциплина будущего должна сыграть в этом выдающуюся роль.

Таким образом, сложились новые философские основы психологической науки. Изменилось соотношение между теоретической и практической психологиями, получил реальное применение *принцип единства теории и практики*, в котором источником и критерием всего психологического познания является практика.

В советской психологии оформились самостоятельные дисциплины, направленные на изучение конкретных форм практической деятельности. К таким дисциплинам относятся: педагогическая, медицинская, военная, художественная психология, психология спорта и физической культуры. Новое развитие получила *психология труда*.

Новый смысл приобрела и такая область психологии, как *характерология*, призванная изучать индивидуальные различия. Таким образом, Ананьев расширяет пространство психологической науки, включая в нее новые области, уже сложившиеся и еще только возникающие.

Взаимоотношения психологии с другими науками. Ананьев считал, что вся история зарубежной и дореволюционной отечественной психологии развивалась в направлении эмансипации от философии с помощью естествознания. В настоящее время психология — это самостоятельная конкретная наука с отличными от философии методами и проблемами.

В истории науки взаимоотношения психологии и физиологии были очень сложными. Но великие достижения русской физиологии в трудах И.М. Сеченова, И.П. Павлова, Н.Е. Введенского, В.М. Бехтерева сделали возможным теоретическое единство физиологии и психологии в решении психофизиологической проблемы.

Развитие получила и связь между психологией и языкознанием. Советская психология в единстве с языкознанием должна решать теоретические задачи развития сознания и мышления.

Принципы психологии. Б.Г. Ананьев перечислил наиболее существенные принципы советской психологии. Решающее значение имеет *принцип психофизиологического единства*, открывший большие перспективы для познания связей психических и физиологических процессов, понимания качественного своеобразия психических процессов как свойства высокоорганизованной материи, как субъективного отражения объективной действительности [2, с. 12].

Решение психофизической проблемы возможно только на основе *принципа развития*, исторического понимания природы психики и сознания. Важными являются вопросы о диалектике перехода от ощущения к мысли, а также проблема изучения законов становления сознания, психологической природы человека во всем его духовном величии и богатстве.

На основе теории отражения стало возможным научное изучение чувственных образов и психологии познавательной деятельности. Открытие

закономерностей сенсибилизации преобразовало традиционное учение о порогах, было создано новое учение о восприятии как сложной форме отражения предмета в его пространственно-временном бытии и движении.

Успешно разработана психология речи, создано новое учение о фазах и формах мыслительного процесса, его предметного содержания и взаимоотношения с речью. При этом основной проблемой оказалась противоречивая природа внутренней речи.

Во многих исследованиях советской психологии было доказано, что психические процессы формируются, раскрываются и объективируются в деятельности. Поэтому любое исследование активности сознания опирается на изучение конкретной диалектики и связей сознания и деятельности в их исторической обусловленности.

Методологическим принципом становится *принцип единства изучения и воздействия*: изучения и воспитания, изучения и организации, изучения и лечения. Сложилась единая цельная система методов исследования — экспериментального, монографического, интроспективного. Практика, являясь критерием истины, была реализована в делах психологов во время Великой Отечественной войны — в военной маскировке и разведке, в военно-госпитальной практике, в воинском обучении и воспитании. Это послужило проверкой новой психологической теории [2, с. 15].

Ананьев утверждал, что советская психология достигла теоретического единства при всем многообразии ее научных направлений, дисциплин и принципов [2, с. 5–17].

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Взаимосвязи психологии и физиологии посвятил свой доклад В.Н. Мясищев (Ленинградский университет). Он привел результаты своих исследований с трех точек зрения: биофизической, физиологической и психологической.

Биофизическая задача заключалась в объяснении природы психофизиологических процессов с позиций анализа ритмических или неритмических колебаний биотоков мозга. Физиологическая задача была нацелена на то, чтобы объяснить основные характеристики биоэлектрических изменений физиологическим состоянием организма и центральной нервной системы. Психологическая задача состояла в том, чтобы обнаружить материальный субстрат психических состояний и процессов. Мясищев пришел к выводу: отношение к содержанию словесных высказываний сказывается на изменениях энцефалограммы. Он выдвинул принципиальное положение — изменение мозговых ритмов является показателем функциональной характеристики мозга, отражающим *отношение личности* к окружающему [9, с. 93–99].

П.О. Макаров (Ленинградский университет) посвятил свой доклад микрофизиологии предощущений и ощущений. *Предощущение* — это переходное звено между возбуждением и ощущением, между нервными и психонервными процессами. Он изучал динамику перехода возбуждения в предощущение, а затем — в ощущение. Исследование выявило три фазы развития ощущений. Первая — фаза интеграции ощущения, не дифференцированного ни во времени, ни в пространстве (от 0 до 55 мс). Вторая — фаза дифференциации ощущения во времени (от 55 до 105 мс). Третья — фаза дифференциации ощущения и во времени, и в пространстве (от 105 до 250 мс). Результаты экспериментов показали, что с усилением стимула понижается чувствительность симметричной области противоположной стороны тела [8, с. 90].

Таким образом, психофизиологическая проблема решалась ленинградскими психологами экспериментально, были получены интересные результаты.

ПСИХОЛОГИЯ МЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

К вопросу о психологии многоязычия обратилась А.В. Ярмоленко (Ленинградский университет). Многоязычие — это использование в речи различных языковых форм, единств и систем. Язык — это средство общения и мышления, форма деятельности личности. Она поделилась опытом своей работы во время войны в госпитале с ранеными бойцами. В случаях постконтузионной глухонемоты вставал вопрос о сохранности внутренней речи при выключении внешней. Внутренняя речь обладает особыми качествами: инициальность, полиморфность, редуцированность и направленность. Средство внутренней речи — пользование словами в процессе мысли, а ее функция — осмыслить и сделать вывод [22, с. 73–77].

С.М. Василевский (Горьковский университет) свой доклад посвятил анализу ошибок, которые допускают изобретатели в своей творческой деятельности. Он выделяет три их типа: а) ошибки организационного порядка, когда изобретатель

не получает помощь и содействие со стороны сотоварищей; б) ошибки в психологическом смысле слова, например, у изобретателя не хватает терпения, выдержки; в) ошибки изобретательской мысли. Докладчик сделал вывод: лишь всесторонне развитое мышление обеспечивает устранение ошибок в деятельности изобретателя [3, с. 63–68].

ИССЛЕДОВАНИЯ ДИНАМИКИ ВОСПРИЯТИЯ

М.Д. Александрова (Ленинградский университет) поделилась результатами опытов по пространственной динамике восприятия формы. На специально сконструированном приборе наблюдались стадии становления видимой формы. Окрашенные плоские геометрические фигуры (звезда, квадрат, треугольник и крест) были сфокусированы на белый экран. На первой стадии испытуемый говорил, что видит какую-то точку. На второй стадии он назвал, например, уже два квадрата или точку и палочку. Отмечалась картина разрыва целостной фигуры. На третьей стадии при приближении объекта к испытуемому наблюдалось восприятие аморфного целого. Затем испытуемый говорил, что видит то круг, то квадрат. Это исследование убедительно подтвердило пространственную динамику зрительного восприятия формы [1, с. 110–111].

Л.М. Веккер (Ленинградский университет) отмечал, что проблема восприятия является одновременно и психологической, и гносеологической. Он изучал проблему осязательного восприятия пространства в зависимости от характера движений не субъекта, а объекта. Рука субъекта находилась в состоянии покоя, двигался объект — квадрат, треугольник и др. На первом этапе при полном покое руки образ предмета не возникал. На втором этапе было движение предмета (например, трапеции) относительно пальца покоящейся руки. Испытуемый отмечал на рисунке разомкнутую трапецию, т.е. образ целостного предмета не возникал. На третьем этапе ему предоставляли возможность активно ощупывать предмет. Испытуемый отмечал на рисунке трапецию, т.е. возникал целостный образ предмета. Было доказано, что активность субъекта является важным условием формирования целостности образа [4, с. 112–114].

А.А. Прессман (Ленинградский университет) говорил о стадиях в соотношении осязания и зрения в восприятии маленького ребенка. Он разработал методику, дающую возможность поочередно выключать из активных игровых действий ребенка то осязание, то зрение. Во время игры с ребенком в небольшой мешочек помещались 10 фигурок различной формы: округлые, прямоугольные, остроугольные, сделанные из различных материалов (пробка, фанера, картон и др.). Испытуемыми были дети от одного до шести лет. В первой серии ребенку предлагалось потрогать предмет, спрятанный в мешочке, а затем найти его на столе среди других предметов. Во второй серии ребенок сначала разглядывал предмет, не трогая его, а затем искал этот предмет в мешочке. Было установлено, что осязание и зрение взаимосвязаны. Преобладание того или иного вида восприятия зависит не только от возраста ребенка, но и от его индивидуальности [13, с. 115–117].

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ И ДЕТСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

В.Н. Мясищев рассуждал о том, что такое личность в психологическом смысле, каковы закономерности ее развития. Он ссылался на положение марксизма о том, что сущность человека есть совокупность общественных отношений. Важнейшим является понимание того, что личность — это не только результат общественных отношений, но и активный субъект. Он отмечал, что психология личности и ее отношений является по преимуществу психологией сознания, и понимал сознание как субъективное отражение конкретной личностью объективной действительности. Мясищев приводил основные положения разрабатываемой им *теории отношений*:

— отношение всегда есть выражение личности в целом;

— отношение всегда имеет предмет, поэтому оно содержательно;

— выражением личности и ее отношений является практическое действие;

— мерой отношения человека является его поступок.

Основной вывод Мясищева: психология личности, основанная на принципе отношений, реализует требования исторического, материалистического, динамического, генетического, целостного изучения личности и психической деятельности.

Согласно *принципу единства теории и практики*, решающим методом исследования является метод практической переделки, перевоспитания личности. В основу лечения неврозов В.Н. Мясищев заложил принцип сознательной переделки нарушенных функций, формирования новых отношений.

В структуре личности Мясищев особо выделял полярные тенденции. Первая пара — это тенденции

индивидуально-личного или коллективно-общественного характера. Вторая пара — соотношение тенденций идейно-морального и инстинктивно-физиологического. Он отметил, что в современном ему западном обществе этика регрессирует до полного отрицания некоторых норм: моральный нигилизм сочетается с физиологической распущенностью. Насколько актуальными являются эти слова в настоящее время! В сознании личности, по мнению докладчика, личное и общественное должны составлять единство [10, с. 25–35].

Проблемам мотивации деятельности в детской психологии посвятила свой доклад А.А. Люблинская (Ленинградский университет). Основные тезисы ее доклада следующие. Мотивация является основным механизмом поведения человека. Необходимо изучать серию поступков детей на протяжении длительного времени. Она анализирует понятия “поступок” и “проступок”. В поступках как сознательных действиях проявляются воспитанные у человека отношения к другим и к себе. Проступок — это определенный акт нарушения правил поведения. Существуют два типа проступков: 1) немотивированные, т.е. совершенные ребенком ненамеренно и вызванные незнанием правил; 2) вызванные определенными взаимоотношениями ребенка и окружающих людей. Проступок ребенка должен вызывать педагогическую оценку и воздействие. Важно, кем дана эта оценка, насколько авторитетен этот человек, как дана оценка. Если она направлена на внешнюю сторону проступка, то эффект бывает невелик. Направленность оценки на внутреннюю сторону означает, что педагог вскрывает внутреннюю сущность совершенного действия и оказывает педагогическое влияние[6, с. 36–40].

И.В. Иванов говорил о психологических вопросах воспитания детей, находившихся на временно оккупированной фашистами советской территории. Финские власти на оккупированной территории Карело-Финской ССР организовали школы и пытались “перевоспитать” наших детей. Им это, конечно, не удалось! В первую очередь в школы принимали детей финнов, карел и вепсов, лишь потом русских. Таким образом, проводилась дискриминация по этническому признаку. Дети, заключенные в концлагеря, вообще не были допущены в школы.

Иванов собирал документы и воспоминания детей. Им было запрещено говорить по-русски, воспитывалось презрение к русским и русской речи. За разговор на русском языке детей наказывали, но они все-таки говорили между собой на родном языке. Даже дети финнов и карел говорили дома по-русски. Значит они ценили этот язык, дорожили им. Учитель в школе избивал учащихся ремнем или палкой. Эти изуверские действия фашистских “педагогов” вызывали у детей не страх, а все возрастающую ненависть к фашистскому режиму. Мужество и патриотизм наших детей во время войны поражают и являются примером для подрастающих поколений [5, с. 41–46].

Ю.А. Самарин (Ленинградский университет) выступил с докладом о задачах и методике преподавания психологии в средней школе. Необходимо было обеспечить высокое качество преподавания. Учитель психологии должен быть на уровне современных ему научных знаний, поэтому требуется специальная литература, рассчитанная на учеников средней школы [17, с. 135–140].

ЗООПСИХОЛОГИЯ

Г.З. Рогинский сделал доклад об особенностях осязания у низших обезьян. Предыстория развития руки у высших животных мало изучена. Сразу после войны в сухумском питомнике обезьян при участии Н.А. Тих и Д.К. Савченко были проведены эксперименты над обезьянами. Методика исследования: у обезьян исключали зрение — надевали на них маски из темной материи и оставляли их в своих клетках в одиночестве или в группах. В обычных условиях обезьяны пользуются рукой для осязательного восприятия. В экспериментальных условиях обезьяна больше обычного прислушивалась к звукам, узнавала по голосу людей, наощупь выбирала корм. Эти опыты говорят о том, что сложное поведение обезьян зависит не только от зрительного, но и от тактильного анализатора [16, с. 100–106].

Тематику зоопсихологии на конференции продолжил Г.А. Тарасов (Ленинградский университет). Он изучал инстинкты птиц в заповеднике “Семь островов” на архипелаге в Северном Ледовитом океане. Исследовалось отношение птиц к яйцам и птенцам. Улетевшие в море за рыбой родители не всегда могут опознать своих птенцов, поэтому нередко высиживают и кормят чужих [20, с. 103–106].

Задачей исследования В.Н. Семагина (Ленинградский университет) было изучение влияния фенамина на изменение навыков и инстинктов у белых крыс. Методика: крысам вводился под кожу фенамин в различных дозах за час до начала эксперимента в лабиринте. В результате оказалось, что фенамин полностью изменяет инстинктивное поведение крыс. Резко повышается инстинкт

размножения на фоне снижения инстинктов питания и самосохранения [18, с. 107–109].

РАЗВИТИЕ ПСИХОЛОГИИ В РЕСПУБЛИКАХ СССР

Конференция вышла за пределы Ленинграда, тем более ЛГУ. Большое внимание на конференции было уделено состоянию психологической науки в республиках Советского Союза. Психологическая школа в Грузии сложилась еще до революции 1917 г. Р.Г. Натадзе (Тбилисский университет) рассмотрел вопрос о формировании фиксированной установки на основе представлений. Он проводил исследования в Тбилисском театральном институте и установил, что в основе сценического перевоплощения лежит способность актера вырабатывать целостную психофизическую установку не на реальную сценическую действительность, а на воображаемую ситуацию, которая определяется пьесой и ролью [11, с. 47–55].

В докладе А.С. Прангишвили (Тбилисский университет) рассматривалась проблема уверенности воспоминания как субъективное отражение личностью объективной действительности. На основе установки, выработанной в процессе деятельности, воспоминания реконструируются, что придает им уверенность [12, с. 57–60].

А.Н. Раевский (Киевский университет) отметил, что развитие советской психологической науки привело к росту числа учреждений, разрабатывающих вопросы психологии на Украине [14, с. 19–24].

Историю психологии в Армении осветил М.А. Мазманян (Ереванский университет) и отметил, что в настоящее время во многих вузах Армении были открыты отделы психологии [7, с. 125–129].

К.А. Рамуль (Тартуский университет) говорил об обеспечении качественного усвоения психологических знаний учащимися в школах [15, с. 131–134].

А.И. Шемякин (Ленинградский университет) выразил несогласие с взглядами Г.В. Плеханова, утверждавшего, что идеология представляет собой часть психики [21, с. 118–124].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На конференции отмечалось, что за последние десятилетия сложилась новая советская психология, главными задачами которой стало решение психофизической и психофизиологической проблем. Появились новые отрасли психологии, призванные решать актуальные проблемы. Были четко сформулированы основные принципы психологических исследований. Эксперименты, проведенные ленинградскими психологами, подтвердили выдвинутые теоретические положения. Изучались взаимоотношения мышления и речи, динамика восприятия, детская психология. Также были заложены серьезные теоретические основания интенсивных исследований психологических проблем личности, позволившие сформироваться целой отрасли — психологии личности. Значение конференции состоит в том, что она дала толчок дальнейшему развитию психологической науки в нашей стране.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова М.Д.* О пространственной динамике зрительного восприятия формы // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 110–111.
2. *Ананьев Б.Г.* Новые пути развития психологической науки в СССР // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 5–17.
3. *Василевский С.М.* Ошибки изобретательской мысли в психологическом освещении // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 61–72.
4. *Веккер Л.М.* Динамика осязательного восприятия пространства // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 112–114.
5. *Иванов И.В.* О психологических вопросах воспитания детей, находившихся на временно оккупированной фашистами советской территории // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 41–46.
6. *Люблинская А.А.* Проблема мотивации деятельности в детской психологии // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 36–40.
7. *Мазманян М.А.* Из истории психологии в Армении // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 125–129.
8. *Макаров П.О.* Микрофизиология предощущений и ощущений // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 78–91.

9. *Мясищев В.Н.* О связи электроэнцефалограммы с психическими процессами // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 93–99.

10. *Мясищев В.Н.* Проблема личности и советская психология // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 25–35.

11. *Натадзе Р.Г.* К вопросу о формировании фиксированной установки на основе представлений // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 47–55.

12. *Прангишвили А.С.* Проблема основ уверенности воспоминания в современной психологии // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 57–60.

13. *Прессман А.А.* О взаимоотношении зрительного и осязательного восприятия в развитии детского сознания // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 115–117.

14. *Раевский А.Н.* 30 лет развития психологической науки на советской Украине // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 19–24.

15. *Рамуль К.А.* О постановке опытов на уроках психологии // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 131–134.

16. *Рогинский Г.З.* Особенности осязания у низших обезьян // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 100–102.

17. *Самарин Ю.А.* О задачах и методике преподавания психологии в средней школе // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 135–140.

18. *Семагин В.Н.* Об изменении инстинктивной деятельности и навыков под влиянием фармакологических веществ // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 107–109.

19. *Спицын Е.Ю.* Полный курс истории России для учителей, преподавателей и студентов. М.: Концептуал, 2015. Кн. 4. С. 7–8.

20. *Тарасов Г.А.* Изучение инстинктов птиц в заповеднике “Семь островов” // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 103–106.

21. *Шемякин А.И.* К вопросу о взглядах Г.В. Плеханова на отношение психики к идеологии // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 118–124.

22. *Ярмоленко А.В.* К вопросу о психологии многоязычия // Материалы университетской психологической конференции 1–5 октября 1947 г. / Отв. ред. Б.Г. Ананьев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1949. С. 73–77.

DIRECTIONS AND PROBLEMS FOR THE DEVELOPMENT OF DOMESTIC PSYCHOLOGY IN THE POST-WAR YEARS (according to the materials of the conference at the Leningrad University in 1947)

A. L. Zhuravlev[1,*], L. G. Pochebut[2,]**

[1]Federal State-Financed Establishment of Science Institute of Psychology RAS;
129366, *Moscow*, *Yaroslavkaya str.*, *13*, *bld. 1*, *Russia*.
[2]Federal State-Financed Establishment of Education Saint-Petersburg State University;
199034, *St. Petersburg*, *University emb.*, *7–9*, *Russia*.
[*]Academician of the RAS, *Professor*, *Director of Institute of Psychology PAS*.
E-mail: *ALZhuravlev2018@yandex.ru*
[**]Doctor of Science, *Professor of the Department of Social Psychology*.
E-mail: *ludmila.pochebut@gmail.com*

Received 21.01.2021

Abstract. The article is devoted to the scientific understanding of the results of the conference on topical issues of psychology, held at the Leningrad University on October 1–5, 1947. The current fundamental and applied problems of Soviet psychology were discussed at the conference, as well as issues of psychological education at universities and secondary schools. The reports examined the ways of developing psychology, discussed psychophysical and psychophysiological problems, psychology of relationships and motivation of the person, child psychology, zoopsychology, requirements for teaching psychology in schools. Particular attention was paid to the development of psychology in the Soviet republics. The program report was delivered by B.G. Ananyev, who noted that a new scientific psychology is being created, based on the teachings of I.P. Pavlov and V.M. Bekhterev. The most important are the psychophysical and psychophysiological problems, which must be solved comprehensively. The basic principles and areas of psychology were discussed. The relationship between psychological and physiological variables was experimentally studied by V.N. Myasishchev. P.O. Makarov devoted his report to microphysiology of feelings and sensations. The psychology of thought was studied by A.V. Yarmolenko and S.M. Vasilevskiy. M.D. Alexandrov, L.M. Vecker, A.A. Pressman were experimentally studied. V.N. Myasishchev showed that the highest level of personal development is determined by the level of conscious attitude to the surrounding and its self-consciousness. A.A. Lublinskaya discussed the problem of motivation of activities in child psychology. Three reports focused on experimental research in zoopsychology. The results of the study of fixed installation in the Georgian school of psychology, the history of the formation of psychology in Armenia, Ukraine and Estonia were discussed. The conclusion was made about the high scientific significance of the conference for the further development of Russian psychology.

Keywords: history of psychology, problems, principles, fields of psychology, psychophysical problem, psychophysiological problem, personality relations.

REFERENCES

1. *Aleksandrova M.D.* O prostranstvennoj dinamike zritel'nogo vosprija formy. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 110–111. (In Russian)
2. *Anan'ev B.G.* Novye puti razvitija psihologicheskoj nauki v SSSR. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 5–17. (In Russian)
3. *Vasilevskij S.M.* Oshibki izobretatel'skoj mysli v psihologicheskom osveshenii. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 61–72. (In Russian)
4. *Vekker L.M.* Dinamika osjazatel'nogo vosprija prostranstva. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 112–114. (In Russian)
5. *Ivanov I.V.* O psihologicheskih voprosah vospitanija detej, nahodivshihsja na vremenno okkupirovannoj fashistami sovetskoj territorii. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 41–46. (In Russian)
6. *Ljublinskaja A.A.* Problema motivacii dejatel'nosti v detskoj psihologii. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 36–40. (In Russian)
7. *Mazmanjan M.A.* Iz istorii psihologii v Armenii. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 125–129. (In Russian)
8. *Makarov P.O.* Mikrofiziologija predoshunij i oshunij. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 78–91. (In Russian)
9. *Mjasishev V.N.* O svjazi jelekrojencefologrammy s psihicheskimi processami. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 93–99. (In Russian)
10. *Mjasishev V.N.* Problema lichnosti i sovetskaja psihologija. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 25–35. (In Russian)
11. *Natadze R.G.* K voprosu o formirovanii fiksirovannoj ustanovki na osnove predstavlenij. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 47–55. (In Russian)
12. *Prangishvili A.S.* Problema osnov uverennosti vospominanija v sovremennoj psihologii. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 57–60. (In Russian)
13. *Pressman A.A.* O vzaimootnoshenijah zritel'nogo i jsjazatel'nogo vosprijatija v razvitii detskogo soznanija. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 115–117. (In Russian)
14. *Raevskii A.N.* 30 let razvitija psihologicheskoj nauki na sovetskoj Ukraine. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 19–24. (In Russian)

15. *Ramul' K.A.* O postanovke opytov na urokah psihologii. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 131–134. (In Russian)

16. *Roginskij G.Z.* Osobennosti osjazanaja u nizshih obez'jan. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 100–102. (In Russian)

17. *Samarin Ju.A.* O zadachah i metodike prepodavanija psihologii v srednej shkole. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 135–140. (In Russian)

18. *Semagin V.N.* Ob izmenenii instinktivnoj dejatel'nosti i navykov pod vlijaniem farmakologicheskih veshestv. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 107–109. (In Russian)

19. *Spicin E.Ju.* Polnyj kurs istorii Rossii dlja uchitelej, prepodavatelej i studentov. Moscow: Konceptual, 2015. Kn. 4. P. 7–8. (In Russian)

20. *Tarasov G.A.* Izuchnie instinktov ptic v zapovednike "sem' ostrovov". Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 103–106. (In Russian)

21. *Shemjakin A.I.* K voprosu o vzgljadah G.V. Plehanova na otnoshenie psihiki k ideologii. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 118–124. (In Russian)

22. *Jarmolenko A.V.* K voprosu o psihologii mnogojazychija. Materialy universitetskoj psihologicheskoj konferencii 1–5 oktjabrja 1947 g. Ed. B.G. Anan'ev. Leningrad: Izd-vo LGU, 1949. P. 73–77. (In Russian)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 98–105

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

УДК 159.9.072; 159.953.3

СВЯЗЬ ЭМОЦИОНАЛЬНО ЗНАЧИМОЙ ИНФОРМАЦИИ И ОСОБЕННОСТЕЙ ПРОСТРАНСТВЕННОГО ВОСПРИЯТИЯ ГОРОДСКИХ ОБЪЕКТОВ НА КАРТЕ[1]

© 2021 г. О. С. Рубцова*, А. А. Феоктистова, Ю. А. Марков***, Е. С. Горбунова*****

НИУ "Высшая школа экономики";
101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 20, Россия.
**Стажер-исследователь лаборатории когнитивной психологии пользователя цифровых интерфейсов.*
E-mail: olga.rubtsova98@gmail.com
***Студент.*
E-mail: feoktistovaanna97@gmail.com
****Младший научный сотрудник научно-учебной лаборатории когнитивных исследований.*
E-mail: yuamarkov@gmail.com
*****Кандидат психологических наук, заведующая лабораторией когнитивной психологии пользователя цифровых интерфейсов.*
E-mail: gorbunovaes@gmail.com

Поступила 28.06.2019

Аннотация. Исследовалась связь эмоциональной и мотивационной систем человека с возможностями восприятия и запоминания расположения объектов городской среды на карте и способностью их правильного воспроизведения. В эксперименте использовалась карта с семью объектами городской инфраструктуры. Описание одного из них было составлено либо в нейтральном, либо в содержащем негативную эмоциональную информацию варианте. Респонденты ($N = 55$) в течение 5 мин изучали карту и через 20 мин воспроизводили объекты по памяти. Сравнивались количество воспроизведенных объектов и правильность их расположения на карте в группах, получивших разные варианты описаний. Установлено, что пространственное расположение на карте объектов городской инфраструктуры, имеющих эмоционально значимые характеристики, воспринималось и запоминалось точнее, чем расположение нейтральных объектов. При этом наличие на карте эмоционально окрашенного стимула не приводило к значимому ухудшению запоминания месторасположения нейтральных объектов. Недостаточная активация ресурсов внимания при восприятии нейтральных объектов приводила к неточному воспроизведению их месторасположения и, как следствие, к завышению расстояния от месторасположения человека на карте до нейтрального объекта по сравнению с его начальным положением.

Ключевые слова: пространственное восприятие, ресурсы внимания, запоминание, эмоциональные реакции, когнитивные ошибки.

DOI: 10.31857/S020595920014249-9

Изучение процессов восприятия городской среды и ориентации в городском пространстве было начато в работах К. Линча [15] и развито Б. Тверски при изучении ментальных пространственных моделей и когнитивных ошибок, совершаемых людьми при восприятии местности и ее изображений на картах [20; 21]. И.В. Блинниковой было показано, что люди склонны занижать расстояние между знакомыми им объектами, объединенными в группу, и завышать расстояние до объектов, которые в эту группу не входят [1]. Также было выявлено, что люди переоценивали расстояние до тех объектов, которые они считали небезопасными, и недооценивали до тех, которые считали безопасными [2].

Связь пространственного восприятия человеком карт с эмоциями и работой мотивационной сферы акцентируется в работе Дж. Истмана [9]. Согласно теории единых ресурсов Д. Канемана, активация ресурсов внимания напрямую зависит от эмоционального состояния человека, а распределение ресурсов внимания зависит от текущих намерений, которые тесно связаны с мотивационной сферой

[1] Работа выполнена в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2020 г. (ТЗ–111).

[12]. Недавно была выдвинута гипотеза о влиянии внимания на восприятие пространственных структур [19].

Ресурсы внимания необходимы для запоминания информации: лучшее запоминание и воспроизведение эмоционально окрашенных стимулов связаны с тем, что во время кодирования этим стимулам уделяется больше внимания, чем нейтральным [4; 8]. Обработка эмоционально окрашенной информации связана с работой миндалевидного тела, являющегося частью лимбической системы головного мозга и участвующего в нейрофизиологических процессах, ответственных за долговременную память [16]. Эмоциональное возбуждение приводит к улучшенной работе селективного внимания, при этом репрезентации стимулов с высокой значимостью укрепляются, а репрезентации стимулов с низкой значимостью ослабляются [18]. Ранее было показано, что эмоционально значимые объекты повседневной жизни запоминаются и воспроизводятся лучше по сравнению с нейтральными [6], а также что предъявление эмоционального стимула увеличивает вероятность последующего правильного пространственного воспроизведения [17]. Исследования запоминания нейтральных объектов на фонах с разной эмоциональной окраской показали, что лучше воспроизводились объекты в сочетании с фоном, имеющим эмоционально негативный характер [22; 23]. Это свидетельствует о влиянии эмоционального контекста на улучшение ассоциативного научения.

В экологическом подходе Дж. Гибсона исследуются связи окружающей среды и мотивационной сферы человека [11]. При изучении особенностей восприятия такой сложной пространственной структуры, как город, необходимо учитывать влияние эмоций и мотивационной сферы на процессы переработки информации человеком. На сегодняшний день востребованы междисциплинарные исследования в области урбанизма для анализа устройства городской среды с точки зрения удобства и учета потребностей жителей [3], выявления особенностей восприятия людьми пространства и совершаемых ими когнитивных ошибок при создании карт и схем [5; 10]. Для ландшафтного дизайна необходимо учитывать особенности когнитивных психологических процессов, ответственных за пространственное восприятие, построение ментальных карт и многих других механизмов, связанных с восприятием городских структур [13]. Однако экспериментальные работы, связанные с изучением восприятия города, которые затрагивали бы поднятые выше темы, практически отсутствуют.

В рамках данного исследования были предприняты попытки объединить предложенные в литературе гипотезы об особенностях работы памяти при предъявлении эмоциональных стимулов к исследованиям восприятия и запоминания объектов городской среды. *Целью работы* явилось исследование связи эмоционально значимой информации об объекте городской среды и восприятия и запоминания его пространственного расположения на карте вместе с другими объектами. В первую очередь представляли интерес изучение восприятие и эффективность запоминания объектов с негативной характеристикой по сравнению с объектами с нейтральной характеристикой. В задачи работы также входило изучение правильности оценки человеком расстояния до объектов с разной характеристикой (субъективно опасной или субъективно безопасной).

Исследовательские гипотезы:

1) в экспериментальной группе респонденты будут завышать расстояние от своего теоретического местоположения до объекта с негативной характеристикой по сравнению с контрольной (где тому же объекту дается нейтральная характеристика);

2) респонденты в экспериментальной группе будут точнее указывать месторасположение объекта с негативной характеристикой;

3) респонденты в экспериментальной группе будут запоминать больше объектов.

МЕТОДИКА

Участники исследования. В эксперименте приняли участие 55 человек, которые были до начала исследования случайным образом распределены в две группы (экспериментальную и контрольную). Экспериментальную группу составили 11 мужчин и 17 женщин в возрасте от 18 до 23 лет (M = 19.93, SD = 1.21). Контрольную группу составили 12 мужчин и 15 женщин в возрасте от 18 до 26 лет (M = 20.78, SD = 1.97).

Методика. В качестве стимульного материала использовалась карта городского района, на которой было отмечено семь объектов (рис. 1). В качестве независимой переменной выступало описание объекта № 4. У независимой переменной было два уровня: для экспериментальной группы объект был описан как неблагоприятный, небезопасный для жизни, для контрольной группы он был описан как нейтральный. В качестве зависимых переменных выступали: общее количество воспроизведенных респондентом объектов; отклонение положения объекта № 4, воспроизведенного респондентом,

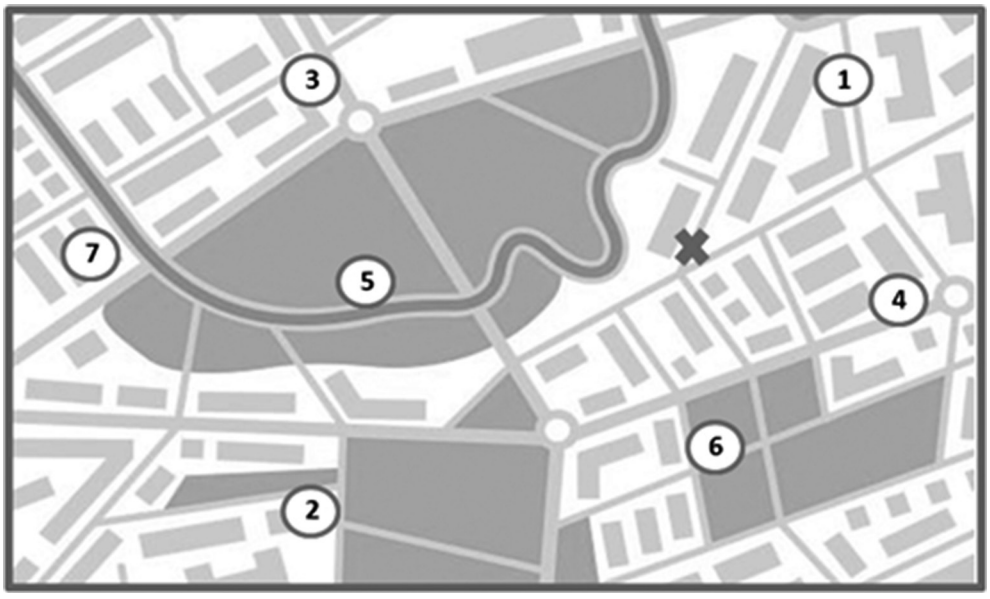


Рис. 1. Бланк с картой для запоминания

от его начального положения; расстояние от положения человека на карте до воспроизведенного объекта № 4.

Процедура. Экспериментальная стимуляция и сбор данных осуществлялись с использованием бумажных бланков, содержащих карты, инструкцию и дополнительные материалы. Эксперимент для обеих групп проводился одинаково: он был разделен на три части, во время каждой из них участникам последовательно представлялись соответствующие бланки.

В первой части эксперимента респондентам на 5 мин предоставлялись два бланка: карта (1 лист А4) и инструкция (3 листа А4). Карта была одинакова для обеих групп и содержала обозначения семи объектов в виде кругов с номерами объектов, на карту был также нанесен крест, указывающий теоретическое месторасположение участника на карте. Для редуцирования эффекта группировки объекты были распределены по карте примерно на одинаковом расстоянии друг от друга, номера объектов были распределены на карте случайным образом. Все объекты были смещены от центра к периферии, чтобы внимание к ним было распределено равномерно. Инструкция состояла из описания задачи (ознакомиться с картой, прочитать текст и ответить на вопросы), описания каждого из семи изображенных на карте объектов и четырех вопросов, на которые нужно было дать ответ по шкале Лайкерта от 1 до 5. Различие в инструкции для двух групп состояло в описании объекта № 4: для экспериментальной группы он описывался как небезопасное место, где живет освобожденный из тюрьмы мужчина, который был осужден за совершение жестокого убийства, для контрольной группы описание было нейтральным (торговый центр). Описание других шести объектов (бизнес-центр, спортивный центр, супермаркет, два парка и жилой комплекс) было нейтральным и одинаковым для обеих групп.

Чтобы убедиться в том, что описание ключевого объекта в экспериментальной группе действительно обладало негативной эмоциональной окраской, в то время как описания остальных объектов имели нейтральную либо положительную окраску, было проведено дополнительное тестирование описаний объектов. В исследовании приняла участие группа людей (N = 20), не участвовавших в основном эксперименте. С помощью специальной онлайн-формы им предлагалось оценить все объекты по шкале от 1 (полностью безопасный) до 7 (крайне опасный), при этом объекты предъявлялись последовательно в случайном порядке. Всего было оставлено 8 описаний объектов. В качестве статистического анализа был использован RM ANOVA. Было выявлено значимое влияние фактора описания вопроса $F(7, 133) = 16.07$, $p < 0.001$, $\eta^2 = 0.458$. Описание ключевого объекта, предъявляемого в основном эксперименте экспериментальной группе (объект № 4), действительно обладало негативной эмоциональной окраской (M = 5.4, SD = 1.7), в то время как описания остальных объектов оценивались значимо более положительным образом ($2.05 \le M \le 3.2$, $0.887 \le SD \le 1.7$). При этом оценки ключевого объекта значимо отличались от оценок остальных объектов ($t(19) \ge 4.172$, $p \le 0.014$, *Cohen's d* = 0.993).

Бизнес-центр был обозначен под номером 1, спортивный центр — под номером 2, супермаркет — под номером 3, парки — под номерами 5 и 6, а жилой комплекс — под номером 7. Описание некоторых объектов было дополнено изображениями. Объект № 4 в экспериментальной группе сопровождался изображением негативного характера (топор и рука жертвы), в контрольной группе — нейтральным изображением (внутреннее помещение торгового центра). Вопросы в конце текста носили отвлекающий характер, их задачей было создание у участников впечатления, что будет исследоваться отношение к назначению городских объектов. Последний вопрос помогал обратить внимание на красный крест и представить свое месторасположение на местности. Ответы на эти вопросы не анализировались.

Во второй части эксперимента на 20 мин предоставлялся один бланк (7 листов А4), содержащий две статьи по темам, связанным с городской инфраструктурой, с сайта http://strelka.com/ru/magazine. После прочтения было необходимо ответить на нейтральные вопросы, касающиеся темы статей и общего отношения к городской инфраструктуре. Этот бланк был одинаковым для обеих групп.

В третьей части эксперимента на неограниченное количество времени предоставлялись два бланка: карта (1 лист А4) и инструкция с вопросами (1 лист А4). Карта по размеру была аналогична карте, использованной в первой части, и отличалась отсутствием обозначений объектов (кроме креста, обозначающего месторасположение участника). Были указаны названия объектов и их номера. На бланке с инструкцией была сформулирована задача (вспомнить и отметить на карте положения и номера объектов).

После выполнения третьей части респондент сдавал бланки и мог задать интересующие его вопросы по поводу исследования.

Обработка и анализ данных. Для определения расстояния от объекта № 4 до расположения человека на карте измеряли по линейке расстояние от центра креста до центра точки, которая в третьей части эксперимента была обозначена испытуемым как объект № 4. Для определения отклонения объекта № 4 от начального положения измеряли по линейке расстояние от центра точки, которая в третьей части эксперимента была обозначена испытуемым как объект № 4, до центра круга, обозначающего положение объекта № 4 на эталонной карте. Для определения количества воспроизведенных объектов подсчитывали общее количество объектов, указанных на карте каждым испытуемым. Статистическая обработка данных проводилась в пакете R Studio, версия 1.1.383 [7]. Проверка нормальности распределения параметра проводилась с помощью теста Шапиро—Уилка, проверку трех основных гипотез проводили с использованием критерия Манна—Уитни.

РЕЗУЛЬТАТЫ

На первом этапе обработки результатов было проанализировано распределение данных. Полученные результаты ($W = 0.734$, $p < 0.05$ — экспериментальная группа; $W = 0.829$, $p = 0.002$ — контрольная группа) свидетельствуют о том, что данные в обеих группах были распределены ненормально.

Результаты воспроизведения испытуемыми расстояния от своего месторасположения до объекта № 4 (рис. 2) показывают, что существуют значимые различия между группами ($W = 417$, $p = 0.0056$, $r = 0.41$). Участники в экспериментальной группе были склонны занижать свое расстояние до небезопасного объекта ($M = 4.06$, $SD = 1.52$) по сравнению с оценкой расстояния до безопасного объекта в контрольной группе ($M = 6.4$, $SD = 3.35$).

При оценке отклонения объекта № 4 от его начального положения на карте (рис. 3) также были найдены значимые различия между группами ($W = 401$, $p = 0.015$, $r = 0.45$). Отклонение было меньше в случае объекта с негативной эмоциональной окраской в экспериментальной группе ($M = 2.01$, $SD = 2.66$) по сравнению с отклонением нейтрального объекта № 4 в контрольной группе ($M = 6.79$, $SD = 6.16$), что свидетельствует о том, что небезопасные объекты запоминаются точнее, чем безопасные.

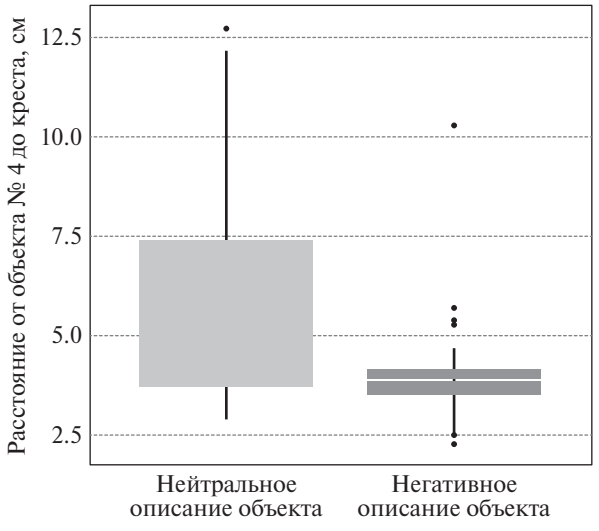


Рис. 2. Расстояние от указанного участником своего месторасположения на карте до объекта № 4 в зависимости от его эмоциональной окрашенности

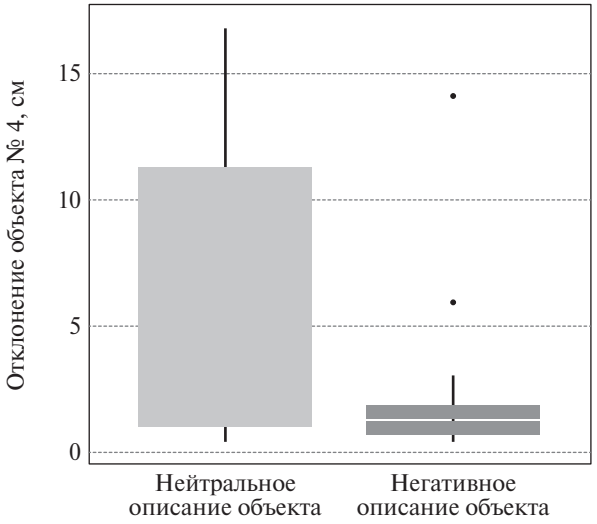


Рис. 3. Отклонение объекта № 4 от его изначального положения на карте в зависимости от его эмоциональной окрашености

Определение количества воспроизведенных объектов (рис. 4) не выявило значимых различий между группами ($W = 397$, $p = 0.72$, $r = 0.126$). Следовательно, наличие небезопасного объекта не приводило к привлечению ресурсов внимания к карте в целом и не было связано с улучшением восприятия и запоминания местности (контроль: $M = 5.85$, $SD = 2.09$; эксперимент: $M = 6.04$, $SD = 1.48$).

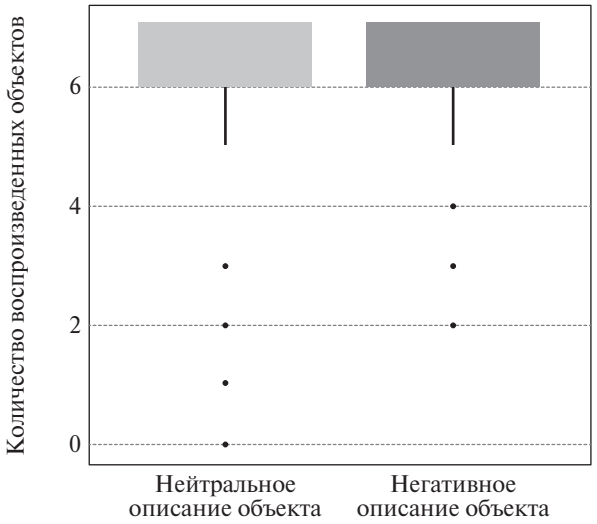


Рис. 4. Общее количество воспроизведенных по памяти объектов на карте в зависимости от наличия эмоционально окрашенного объекта

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Были получены аргументы в пользу гипотезы о том, что воспроизведение объекта № 4 будет связано с эмоциональной окраской его описания и его отклонение от его начального положения на карте будет меньше в экспериментальной группе. Это соответствует данным многочисленных исследований о том, что информация об эмоционально значимых объектах обрабатывается лучше и точнее, чем о нейтральных объектах. Это также соответствует теоретическим предпосылкам Д. Канемана об особом распределении ресурсов внимания при активации мотивационной сферы. Потенциально опасный объект активирует защитные реакции, влияющие на лучшее запоминание характеристик неблагоприятного места.

Первая гипотеза, сформулированная на основе исследования И.В. Блинниковой [2], однако, не получила аргументов в пользу своего правдоподобия в данном эксперименте. Негативное описание объекта № 4 оказывало воздействие на участников, но они занижали расстояние от своего расположения до небезопасного объекта. Скорее всего, это связано с различием в дизайне исследований. Исследование И.В. Блинниковой проводилось в полевых условиях, в качестве респондентов выступали горожане, которые оценивали расстояния до знакомых им реальных объектов, в отличие от использования карты и абстрактных объектов в нашем исследовании. По-видимому, схематическое изображение местоположения в виде крестика на карте не привело к достаточной активации мотивационной сферы, которая, как предполагалось, будет ответственна за формирование чувства опасности.

Третья гипотеза о количестве воспроизведенных объектов также не нашла подтверждения. Возможно, такой результат связан с тем, что в условиях данного эксперимента нельзя было установить четкое равенство между количеством указанных респондентом объектов и количеством запомненных им объектов, так как на последнем этапе эксперимента им были предоставлены названия всех объектов, которые находились на карте.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В рамках данной работы была проверена гипотеза о лучшем запоминании пространственного расположения объектов, обладающих эмоционально значимыми характеристиками по сравнению с нейтральными. Для обеих групп (экспериментальной и контрольной) не было найдено значимых различий по количеству воспроизведенных объектов. Следовательно, требуются дальнейшие работы, направленные на выявление процессов распределения ресурсов внимания и памяти при изучении людьми карт, на которых могут содержаться эмоционально значимые объекты. Обнаруженный факт занижения участниками экспериментальной

группы своего расстояния до эмоционально негативных (небезопасных) объектов по сравнению с контрольной группой требует дальнейших исследований в этой области и дополнительной проверки с помощью усовершенствованных экспериментальных методик.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Блинникова И.В.*, *Капица М.С.*, *Барлас Т.В.* Функциональные и эмоциональные искажения в пространственных представлениях // Вестник Московского университета. 2000. Сер. 14. Психология. Т. 3. С. 62–73.
2. *Блинникова И.В.* Оценка расстояния в городских ландшафтах как психофизическая проблема // Современная психофизика / Под ред. В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2009. С. 109–131.
3. *Aly D.*, *Hassan D.*, *Kamel S.*, *Hamhaber J.* Human Needs as an Approach to Designed Landscapes // Journal of Natural Resources and Development. 2018. № 8. P. 15–26.
4. *Anderson A.K.*, *Wais P.E.*, *Gabrieli J.D.E.* Emotion enhances remembrance of neutral events past // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2006. V. 103. № 5. P. 1599–1604.
5. *Bestgen A.-K.*, *Edler D.*, *Müller C.*, *Schulze P.*, *Dickmann F.*, *Kuchinke L.* Where Is It (in the Map)? Recall and Recognition of Spatial Information // Cartographica: The International Journal for Geographic Information and Geovisualization. 2017. V. 52. № 1. P. 80–97.
6. *Buttafuoco A.*, *Pedale T.*, *Buchanan T.W.*, *Santangelo V.* Only “efficient” emotional stimuli affect the content of working memory during free-recollection from natural scenes // Cognitive Processing. 2018. V. 19. № 1. P. 125–132.
7. Core Team R: A language and environment for statistical computing // R Foundation for Statistical Computing. 2017. Vienna, Austria. URL: https://www.R-project.org
8. *Doerksen S.*, *Simamura A.P.* Source memory enhancement for emotional words // Emotion. 2001. V. 1. № 1. P. 5–11.
9. *Eastman J.R.* Cognitive Models and Cartographic Design Research // The Cartographic Journal. 1985. V. 22. № 2. P. 95–101.
10. *Edler D.*, *Keil J.*, *Bestgen A.-K.*, *Kuchinke L.*, *Dickmann F.* Hexagonal map grids — an experimental study on the performance in memory of object locations // Cartography and Geographic Information Science. 2018. P. 1–11.
11. *Gibson J.J.* The ecological approach to visual perception. Boston: Houghton Mifflin, 1979. C. 33.
12. *Kahneman D.* Attention and effort. N.Y.: Englwood Cliffs, 1973. P. 66.
13. *Kara B.* Landscape Design and Cognitive Psychology // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2013. V. 82. P. 288–291.
14. *Long Y.*, *Baran P.K.* Does Intelligibility Affect Place Legibility? Understanding the Relationship between Objective and Subjective Evaluations of the Urban Environment // Environment and Behavior. 2012. V. 44. № 5. P. 616–640.
15. *Lynch K.* The image of the city. Cambridge, MA: MIT Press, 1960. P. 46.
16. *McGaugh J.L.* Making lasting memories: Remembering the significant // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2013. V. 110. Suppl. 2. P. 10402–10497.
17. *Schmidt K.*, *Patnaik P.*, *Kensinger E.A.* Emotion’s influence on memory for spatial and temporal context // Cognition & Emotion. 2011. V. 25. № 2. P. 229–243.
18. *Sutherland M.R.*, *Mather M.* Negative arousal amplifies the effects of saliency in short-term memory // Emotion. 2012. V. 12. № 6. P. 1367–1372.
19. *Tsotsos J.K.*, *Kotseruba I.*, *Rasouli A.*, *Solbach M.D.* Visual attention and its intimate links to spatial cognition // Cognitive Processing. 2018. V. 19. № S1. P. 121–130.
20. *Tversky B.* Distortions in memory for visual displays // Pictorial communication in virtual and real environments / Ed. S.R. Ellis. L.: Taylor and Francis, 1991. P. 61–75.
21. *Tversky B.* Distortions in cognitive maps // Geoforum. 1992. V. 23. № 2. P. 131–138.
22. *Ventura-Bort C.*, *Löw A.*, *Wendt J.*, *Moltó J.*, *Poy R.*, *Dolcos F.*, *Hamm A.O.*, *Weymar M.* Binding neutral information to emotional contexts: Brain dynamics of long-term recognition memory // Cognitive, Affective and Behavioral Neuroscience. 2016. V. 16. № 2. P. 234–247.
23. *Ventura-Bort C.*, *Weymar M.*, *Löw A.*, *Wendt J.*, *Dolcos F.*, *Hamm A.O.* When neutral turns significant: brain dynamics of rapidly formed associations between neutral stimuli and emotional contexts // European Journal of Neuroscience. 2016. V. 44. № 5. P. 2176–2183.

THE IMPACT OF EMOTIONALLY SIGNIFICANT INFORMATION ON THE FEATURES OF THE SPATIAL PERCEPTION OF URBAN OBJECTS ON THE MAP[2]

O. S. Rubtsova*, A. A. Feoktistova, Y. A. Markov***, E. S. Gorbunova*****

National Research University "Higher School of Economics";
101000, Moscow, Myasnitskaya str., 20, Russia.
**Research assistant in Laboratory of Cognitive Psychology of Digital Interfaces User.*
***Student.*
****Research Assistant in Laboratory for Cognitive Research.*
*****PhD (Psychology), Head of the Laboratory of Cognitive Psychology of Digital Interfaces User.*

Received 28.06.2019

Abstract. In this study we investigated the influence of the emotional and motivational systems on the person's perception and memory for the object's locations on the city map. We used a map with seven different objects of urban infrastructure. Their description was compiled in neutral and negative emotional information forms. The subjects ($N = 55$) were studying the map for five minutes and after 20 minutes had to reproduce object's locations from the memory. We evaluated the dependence of the number of reproduced objects and the precision of their locations on the map from the information received about the objects. To analyze the results, the Mann-Whitney test was used. We showed that the spatial location on the map of objects of urban infrastructure that have emotionally significant characteristics was perceived and remembered more accurately than the location of neutral objects. At the same time, the presence of an emotional stimulus on the map did not lead to a significant deterioration in the memorization of the neutral object's locations. Insufficient activation of attention resources in the perception of neutral objects led to an imprecise reproduction of their location and, as a result, to an overestimation of the distance from the subject's location on the map to the neutral object.

Keywords: spatial perception, resources of attention, memory, emotional reaction, cognitive errors.

REFERENCES

1. *Blinnikova I.V.*, *Kapica M.S.*, *Barlas T.V.* Funkcional'nye i jemocional'nye iskazhenija v prostranstvennyh predstavlenijah. Vestnik Moskovskogo universiteta. 2000. Ser. 14. Psihologija. V. 3. P. 62–73. (In Russian).
2. *Blinnikova I.V.* Ocenka rasstojanija v gorodskih landshaftah kak psihofizicheskaja problema. Sovremennaja psihofizika. Ed. V.A. Barabanshhikov. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2009. P. 109–131. (In Russian).
3. *Aly D.*, *Hassan D.*, *Kamel S.*, *Hamhaber J.* Human Needs as an Approach to Designed Landscapes. Journal of Natural Resources and Development. 2018. № 8. P. 15–26.
4. *Anderson A.K.*, *Wais P.E.*, *Gabrieli J.D.E.* Emotion enhances remembrance of neutral events past. Proceedings of the National Academy of Sciences. 2006. V. 103. № 5. P. 1599–1604.
5. *Bestgen A.-K.*, *Edler D.*, *Müller C.*, *Schulze P.*, *Dickmann F.*, *Kuchinke L.* Where Is It (in the Map)? Recall and Recognition of Spatial Information. Cartographica: The International Journal for Geographic Information and Geovisualization. 2017. V. 52. № 1. P. 80–97.
6. *Buttafuoco A.*, *Pedale T.*, *Buchanan T.W.*, *Santangelo V.* Only "efficient" emotional stimuli affect the content of working memory during free-recollection from natural scenes. Cognitive Processing. 2018. V. 19. № 1. P. 125–132.
7. Core Team R: A language and environment for statistical computing. R Foundation for Statistical Computing. 2017. Vienna, Austria. URL: https://www.R-project.org
8. *Doerksen S.*, *Simamura A.P.* Source memory enhancement for emotional words. Emotion. 2001. V. 1. № 1. P. 5–11.
9. *Eastman J.R.* Cognitive Models and Cartographic Design Research. The Cartographic Journal. 1985. V. 22. № 2. P. 95–101.
10. *Edler D.*, *Keil J.*, *Bestgen A.-K.*, *Kuchinke L.*, *Dickmann F.* Hexagonal map grids — an experimental study on the performance in memory of object locations. Cartography and Geographic Information Science. 2018. P. 1–11.
11. *Gibson J.J.* The ecological approach to visual perception. Boston: Houghton Mifflin, 1979. C. 33.
12. *Kahneman D.* Attention and effort. New York: Englwood Cliffs, 1973. P. 66.

[2] This work was carried out within the framework of the HSE Program of Basic Research in 2020 (T3–111).

13. *Kara B.* Landscape Design and Cognitive Psychology. Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2013. V. 82. P. 288–291.

14. *Long Y.*, *Baran P.K.* Does Intelligibility Affect Place Legibility? Understanding the Relationship between Objective and Subjective Evaluations of the Urban Environment. Environment and Behavior. 2012. V. 44. № 5. P. 616–640.

15. *Lynch K.* The image of the city. Cambridge, MA: MIT Press, 1960. P. 46.

16. *McGaugh J.L.* Making lasting memories: Remembering the significant. Proceedings of the National Academy of Sciences. 2013. V. 110. Suppl. 2. P. 10402–10497.

17. *Schmidt K.*, *Patnaik P.*, *Kensinger E.A.* Emotion's influence on memory for spatial and temporal context. Cognition & Emotion. 2011. V. 25. № 2. P. 229–243.

18. *Sutherland M.R.*, *Mather M.* Negative arousal amplifies the effects of saliency in short-term memory. Emotion. 2012. V. 12. № 6. P. 1367–1372.

19. *Tsotsos J.K.*, *Kotseruba I.*, *Rasouli A.*, *Solbach M.D.* Visual attention and its intimate links to spatial cognition. Cognitive Processing. 2018. V. 19. № S1. P. 121–130.

20. *Tversky B.* Distortions in memory for visual displays. Pictorial communication in virtual and real environments. Ed. S.R. Ellis. London: Taylor and Francis, 1991. P. 61–75.

21. *Tversky B.* Distortions in cognitive maps. Geoforum. 1992. V. 23. № 2. P. 131–138.

22. *Ventura-Bort C.*, *Löw A.*, *Wendt J.*, *Moltó J.*, *Poy R.*, *Dolcos F.*, *Hamm*, *A.O.*, *Weymar M.* Binding neutral information to emotional contexts: Brain dynamics of long-term recognition memory. Cognitive, Affective and Behavioral Neuroscience. 2016. V. 16. № 2. P. 234–247.

23. *Ventura-Bort C.*, *Weymar M.*, *Löw A.*, *Wendt J.*, *Dolcos F.*, *Hamm A.O.* When neutral turns significant: brain dynamics of rapidly formed associations between neutral stimuli and emotional contexts. European Journal of Neuroscience. 2016. V. 44. № 5. P. 2176–2183.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 106–114

ПАМЯТНЫЕ ДАТЫ

УДК 159.9.019

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ЕЕ СУБЪЕКТА В ТВОРЧЕСТВЕ Е. А. КЛИМОВА (к 90-летию со дня рождения)

© 2021 г. О. Г. Носкова

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, факультет психологии; 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, Россия.
Доктор психологических наук, профессор, профессор кафедры психологии труда и инженерной психологии.
E-mail: nog4813@mail.ru

Поступила 21.11.2020

Аннотация. Статья посвящена творчеству Е.А. Климова (1930–2014) в связи с 90-летием со дня его рождения. Рассматриваются положения психологической концепции Е.А. Климова, разработанной им для психологического изучения профессиональной деятельности и ее субъекта в контексте проблем психологии труда и психологии развития взрослых. Показаны предпосылки трансформации ключевых понятий теории деятельности, обусловленные своеобразным предметным и функциональным содержанием деятельности человека, разной степенью культурно-исторической регламентации условий и средств деятельности человека, оказывающейся объектом изучения и рационализации прикладных психологов. Сделан вывод о том, что концепция Е.А. Климова дополняет и отчасти корректирует положения общепсихологической теории деятельности, представленной в трудах А.Н. Леонтьева.

Ключевые слова: психология деятельности, субъект деятельности, трудовая деятельность, человек как субъект труда, предмет деятельности, трудовой пост и его компоненты, психологическая классификация профессий, история психологии.

DOI: 10.31857/S020595920014250-1

11 июня 2020 г. исполнилось 90 лет со дня рождения Евгения Александровича Климова, доктора психологических наук, профессора, академика РАО, декана факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова (1986–2000), заведующего кафедрой психологии труда и инженерной психологии (1983–2002), заведующего лабораторией психологии профессий и конфликтов (1992–2014), президента Российского психологического общества (1994–2002). Евгений Александрович Климов известен психологической общественности не только как успешный и авторитетный организатор науки, учитель, но в первую очередь как ученый — пионер психологического изучения индивидуального стиля деятельности, лидер в области теории и практики психологии профориентации и консультирования молодежи по выбору профессий, автор психологической классификации профессий в целях профориентации, автор “Дифференциально-диагностического опросника” (ДДО), направленного на выявление склонностей старшеклассника к разным видам занятий. Климов внес весомый вклад в развитие отечественной психологии труда, дифференциальной психологии и психофизиологии, общей и педагогической психологии, психологии развития и акмеологии, психологии спорта. Ключевые идеи Е.А. Климова по решению Ученого совета факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова планируется опубликовать в виде трехтомника избранных трудов в издательстве Московского университета.

В целом психологическое наследие Евгения Александровича Климова было ранее предметом историко-психологического анализа [21 и др.], однако в настоящей статье хотелось бы более основательно рассмотреть климовскую концепцию психологии деятельности и ее субъекта, выстроенную в качестве теории, обеспечивающей научно-практические работы в области психологии труда, педагогической психологии и акмеологии. Климовская концепция рассматривается в сопоставлении с общепсихологической теорией деятельности, представленной в трудах А.Н. Леонтьева. При этом мы стремились реализовать важное для Е.А. Климова положение; в частности, выступая на общемосковском теоретическом семинаре в 1993 г., посвященном проблеме марксистской традиции

в психологии, он говорил: “...отстранимся от научно-блочного, корпоративного, квазимафиозного сознания (мы — марксисты, выготскисты, гальперинцы, рубинштейновцы и т.п.) и настроимся на предметно-теоретический подход к анализу дела” [10, с. 11].

НАЧАЛО ИССЛЕДОВАНИЙ

После защиты докторской диссертации в 1969 г. Е.А. Климов был приглашен во ВНИИ профтехобразования г. Ленинграда, где он возглавил работу отдела психологии труда, выполнявшего государственный заказ — разработку научного обоснования профориентации школьников на массовые рабочие профессии, а также создание технологий индивидуального психологического консультирования старшеклассников в их профессиональном самоопределении. Эта тематика по необходимости предполагала использование психологических концепций и методов изучения отдельных профессий и их типологий в соотношении с психологическими характеристиками оптантов (лиц, выбирающих профессию). Были изучены аналоги работ, выполненных по сходной тематике в первой половине XX в. в русле профессиональной гигиены и индустриальной психотехники (С.М. Богословский, И.Н. Шпильрейн, С.Г. Геллерштейн, А.А. Толчинский, Н.К. Гусев и др.) [4–6]. Были изучены и использованы публикации классиков советской психологии, заложивших основы общепсихологической теории деятельности (Б.Г. Ананьев, Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, К.К. Платонов, С.Л. Рубинштейн и др.) [1–3; 17–19; 22; 24; 25]. Полезным оказался и опыт, накопленный представителями отечественной инженерной психологии и психофизиологии труда в 1960-е годы (речь идет о психофизиологическом анализе конкретных видов труда на основе теории информации, алгоритмического и логико-вероятностного подходов) [7]. Выяснилось, однако, что ни отечественная, ни зарубежная психология не обладали развитым понятийным аппаратом для анализа и классификации огромного множества видов профессионального труда в их соотнесении с качествами субъекта труда. Собранный материал тем не менее выступил в функции исходного фундамента оригинальной научной концепции психологии трудовой деятельности и ее субъекта, разработанной Е.А. Климовым.

Для преодоления информационного кризиса в психологическом профессиоведении, состоявшего в огромном разнообразии мира профессий (более 10 тыс. наименований), под руководством Е.А. Климова была разработана единая программа изучения и экспертной оценки конкретных профессий, включавшая около 100 признаков [4]. Получение достаточно большого множества сведений о конкретных профессиях, собранных по единой программе, предположительно должно было составить информационную базу данных, в которой можно осуществлять поиск конкретных видов профессий (или профессиональных групп) по разным частным критериям (или их совокупности).

Методология использования опросников типа “Опросного листа” Отто Липмана в психологическом изучении профессий имела недостатки, состоящие в том, что опиралась на принцип непосредственности, согласно которому психика доступна преимущественно анализу ее носителем, т.е. на основе метода самонаблюдения, интроспекции.

Преодоление принципа непосредственности в психологическом изучении профессий и их классификации в 1920–1930-е годы в русле индустриальной психотехники предполагалось возможным на основе предположения о существовании закономерной связи внешней деятельности профессионала (доступной объективному наблюдению) и ее внутренних форм, не доступных исследователю. Методическая задача состояла в установлении закономерных связей между предметным содержанием и объективными компонентами внешней трудовой деятельности и соответствующими им ментальными формами внутрисубъектной активности (психическими функциями и процессами). Существование таких связей предполагал К. Маркс, когда писал о том, что промышленность и разнообразие видов труда —это открытая книга сущностных человеческих сил, и психология не станет подлинной наукой, не обратившись к изучению этих связей. Эти идеи в 1930-е годы звучали в работах Б.Г. Ананьева, С.Г. Геллерштейна, Н.К. Гусева. С.Л. Рубинштейна [1; 2; 5; 24; 25]. В начале 1970-х годов именно эти идеи были развиты в трудах Е.А. Климова и его коллег [4 и др.].

В этой связи интересна дискуссия в отечественной психологии 1970-х — начала 1980-х годов по поводу включения внешней предметной деятельности (в частности, трудовой) в круг исследуемых в психологии объектов. С.Л. Рубинштейн считал, что изучение внешней деятельности допустимо в психологии [25], но ее подлинным предметом исследования должны быть все-таки психические процессы (формы внутренней деятельности) [24]. А.Н. Леонтьев в начале 1970-х годов, хотя и подчеркивал, что внешняя предметная деятельность по необходимости должна изучаться психологами, но постольку, поскольку ее центральная задача — изучение психики, внешняя

предметная деятельность — лишь контекст, форма активности, строение которой может помочь понять строение внутрипсихических форм деятельности [19]. Б.Ф. Ломов, участвуя в дискуссии о предмете психологической науки, отметил в статье 1981 г., что не все во внешней профессиональной деятельности должно стать предметом психологического изучения, но преимущественно те ее аспекты, компоненты, проявления, которые важны для изучения человека как субъекта этой деятельности [20]. Как нам представляется, позиция Е.А. Климова в 1970-е годы была содержательно близка именно этим взглядам Б.Ф. Ломова.

Климов несколько трансформирует само определение деятельности и ее частной формы — трудовой деятельности. Его не устраивало определение деятельности только как процесса последовательного выполнения действий для достижения намеченных именно личностью целей, ведущих к обладанию предметом потребности, к реализации мотива. Климову важно было подчеркнуть ошибочность изучения деятельности, компонентов, форм деятельности в отрыве от ее субъекта, т.е. конкретного человека, осуществляющего деятельность. Он дает такое определение деятельности: деятельность, по Е.А. Климову, — это форма произвольной и послепроизвольной активности человека, в которой имеют место три признака:

1. “Это процесс действий (их совокупность, последовательность, осуществляемых человеком).

2. Сознательно направлен в целом на приспособление к требованиям среды и (или) некоторое преобразование ее.

3. Имеет значение для существования и развития человека и (или) общества” [12, с. 197].

Таким образом, Климов не использует термин “деятельность” для описания форм активности животных, поведенческих актов, выполняемых человеком на подкорковом уровне, неосознанно, для описания процессов активности, поведения непонятно каких субъектов и, наконец, для описания процессов, реализуемых машинами, автоматами, компьютерами.

Предмет деятельности, по А.Н. Леонтьеву, определяется содержанием предмета ее актуальной потребности, трансформации потребностей и мотивов объясняют трансформации целей, действий, деятельности, операций, отображаются в переживаниях, содержании сознания и поведении конкретной личности. Такого рода психологический анализ деятельности предусматривает исследование процессов целеполагания как преимущественно детерминированных субъективно порождаемыми целями, мотивами-целями и пр. [17–19], но при этом остаются в стороне социально заданные цели, особенности их принятия субъектом, обусловленные задачей по достижению таких целей.

Изначально теория деятельности А.Н. Леонтьева базировалась на анализе трудовой деятельности, как имеющей ведущее значение в филогенезе и онтогенезе, согласно марксистской философии. Однако понятийный аппарат этой теории оказался на деле ориентированным в большей степени на описание учебной деятельности ребенка либо на рассмотрение жизнедеятельности личности взрослого человека в самом общем виде. Установленные общепсихологические закономерности оказались достаточными для описания трудовых процессов, свойственных ранним стадиям филогенеза человека (охота на мамонта), полезными для анализа начальных этапов онтогенеза, а также процессов восстановления нарушенных психических функций после ранений рук в годы Великой Отечественной войны. Но для обеспечения научно-практических работ психологов труда потребовались существенные дополнения, а именно по части разработки терминов и понятий для описания и анализа активности человека — субъекта труда, обусловленной социально, культурно-исторически заданными целями, средствами и способами их достижения работником. Психологам труда требовалось разработать такой концептуальный аппарат, который был бы применим для любой разновидности труда, а для этого нужно было определить границы общих (повторяющихся) и изменчивых характеристик, т.е. нужны были термины и понятия, с помощью которых можно было бы описывать и анализировать все многообразие профессий как многопризнаковых объектов. И эта грандиозная по масштабу работа была выполнена Е.А. Климовым (и его единомышленниками) в течение последних 40 лет его жизни.

Разработка информационно-поисковой системы “Профессиография” (1972) [4] потребовала использования некоторой единой программы описания конкретной профессии, такого описания, чтобы в нем было выделено своеобразие психической активности профессионала. Но как выявлять эту активность? Была взята на вооружение гипотеза о существовании связи содержания, структуры и механизмов функционирования и трансформации внешней предметной деятельности и внутренней психической деятельности как разных сторон единого процесса, носителем которого является работающий человек (субъект труда). Для достоверности сведений и заключений о психологическом своеобразии разных видов труда было взято за

основу суждение об объективных компонентах труда, и вслед за классиками марксизма были выделены: предмет (начальное состояние объекта труда) и продукт труда, орудия труда, условия труда, трудовые функции (целенаправленные действия), нормативные характеристики трудового процесса (последовательности и способы выполнения трудовых функций), права и обязанности субъекта труда, производственные социальные отношения, формы организации труда. Все эти компоненты рассматривались как составляющие трудового поста (позиции, должности), который может быть вакантным либо занятым конкретным работником. Были выделены объективные признаки для суждения о наличии каждого из компонентов трудового поста и о его характеристиках. Эта информация непсихологическая, но она должна быть отображена в сознании работника достаточно полно и точно, для того чтобы он мог стать эффективным субъектом труда, так как эти знания и чувственные представления выступают в роли психических регуляторов трудовой активности. Если А.Н. Леонтьев понимает "предмет деятельности как ее действенный мотив" [19, с. 104], Е.А. Климов иначе определяет понятие "предмет деятельности", а именно он пишет: "Предмет, предметная область труда — система свойств и взаимоотношений, объектов, явлений, процессов, которыми человек должен мысленно или практически оперировать на определенном трудовом посту" [9, с. 72]. Другими словами, сведения о признаках объекта труда на всех этапах его преобразования в продукт труда, сведения о требуемых культурно-исторически заданных характеристиках процесса и результатах труда, о специальных знаниях, которыми должен владеть работник для адекватного управления своим профессиональным поведением, составляют, по Климову, в своей совокупности поле предметного содержания трудовой деятельности, *содержание* опыта субъекта труда, содержание его сознания (потенциального и актуального).

Далее сведения о выполняемых внешних предметных действиях в составе профессиональных задач работника рассматриваются как основа для суждений о внутренних психических действиях, без осуществления которых не может быть достигнут заданный результат труда. Климов выстраивает программу анализа профессиональных задач как основу для их психологической интерпретации, для реконструкции или моделирования внутрисубъектных, не доступных объективному наблюдателю действий (перцептивных, мнемических, контроля и самоконтроля, логических, имажинитивных, коммуникативных, организационных, сенсомоторных и смешанных по своему составу) [12; 14]. В результате психологи получили концептуальный аппарат для психологического изучения конкретных форм профессиональной деятельности, который позволяет преодолеть классический функционализм и рассматривать психические процессы как акты целенаправленной психической активности, психических действий, ориентированных в первую очередь на достижение социально заданных целей, а на последующих этапах исследования — целей, поставленных субъектом труда.

Если А.Н. Леонтьев говорит о структуре деятельности, имея в виду ее компоненты (целенаправленные действия и операции — способы выполнения действий) [19, с. 104], то Е.А. Климов ограничивается выделением совокупности действий, ориентированных на социально заданные цели и на цели, поставленные субъектом. Для Климова важно выделять уровни активности, присущие не столько деятельности, сколько ее субъекту, носителю активности. В структуре субъекта труда Климов выделяет четыре уровня: уровень деяний, регулируемый личностью, иерархией ее целей; уровень действий (ориентированных на достижение разных целей и требующих актуализации разных психических процессов); уровень макроэлементов действия (установок — "ускорить темп", "усилить нажим" и пр.) и уровень микроэлементов действия (мало поддающийся сознательному контролю) [9, с. 172–173].

Для психических действий характерны специфические цели: воспринять, опознать, запомнить, воспроизвести, забыть, проконтролировать, классифицировать, сопоставить, переместить с поворотом образы в воображаемом пространстве, выполнить движение, спланировать, осуществить самоконтроль своего поведения, состояния, скорректировать свои эмоции, установить контакт, прекратить общение, организовать свое поведение или поведение других людей и т.д.

Климов избегает употребления термина "операция". Как нам представляется, причиной этого могло быть нежелание использовать уже занятый термин, ибо в области менеджмента, в организации и нормировании труда термин "операция" использовался задолго до его введения в психологический оборот А.Н. Леонтьевым. Значение слова "операция" в области организации труда и производства указывает на совокупность трудовых функций (действий), последовательно выполняемых работником на конкретном рабочем месте при использовании определенного оборудования. Таким образом, операция (производственная) обозначает часть производственного процесса, более емкую, включающую целенаправленные действия работника как свои

компоненты. Трансформации уровня сознательного контроля при выполнении одного и того же акта трудовой деятельности (действия, по Климову) оказываются связанными с изменением соотношения сознания и подкорки в регуляции рассматриваемого акта, с разными проявлениями автоматизации (или деавтоматизации) навыков, а также с изменениями субъективной значимости цели данного акта и мотивов деятельности.

В характеристике процессов, которые должны выполняться на конкретных трудовых постах предприятия на этапе проектирования работ, когда трудовые посты вакантны, а также во всех других случаях обсуждения, анализа производственных процессов, ориентированных на некие модели работающего человека, Климов рекомендует использовать термин "эргатическая функция". Формы эргатических функций, выполняемых человеком, обозначаются как трудовые функции, как фрагменты труда, трудовой деятельности. Для интеграции сведений о труде, полученных на основе материалов относительно разных исторических этапов человеческой цивилизации, а также для ориентации в современном мире профессий и тенденциях его будущих изменений Климов разработал перечень основных эргатических функций (функции духовного производства, функции производства упорядоченности социальных процессов, функции производства полезных действий обслуживания и самообслуживания, функции материального производства) [8, с. 36–38].

Понятийный аппарат психологической теории деятельности, который Климов разрабатывал для применения в научно-практических исследованиях в области психологии труда, педагогической психологии и акмеологии, должен был быть удобным познавательным средством для всех типовых практических задач, которыми занимаются прикладные психологи, а не только для объяснения трансформаций сознания, форм активности и результатов действий человека (личности), рассматриваемого в отрыве от конкретной социальной ситуации его жизнедеятельности, в частности трудовой деятельности, и выхваченной из соответствующих социальных отношений; при этом совокупность понятий, описывающих формы активности личности и содержание ее переживаний, — предмета контроля сознания — исследователям удается фиксировать лишь с позиции потребностей, мотивов и смыслов этой личности. Поэтому для обозначения научным термином наблюдаемой поведенческой активности человека (деятельность, действие, операция) психолог должен (по А.Н. Леонтьеву) сначала узнать, какова субъективная значимость наблюдаемой активности для личности, каков его мотив и стоящая за ним актуальная потребность.

Направленность ученого на рассмотрение трудовой (в том числе профессиональной) деятельности человека как ее субъекта предполагала решение задач по совершенствованию формирования человека как субъекта труда и оптимизации его функционирования как субъекта труда. Эти задачи Климов рассматривал с позиции *системной методологии*, как частные задачи управления процессами воздействия (субъектом воздействия при этом являлись как сам деятель, так и психолог, сопровождающий его деятельность). По общим законам кибернетики успешное достижение поставленной цели возможно лишь в случае корректного описания начальной ситуации, конечного ожидаемого, требуемого обществом результата, описания имеющихся средств и условий воздействия, а также природы рассматриваемого явления, механизмов его функционирования и развития. Е.А. Климов более 20 лет читал курс лекций по психологии труда в Московском университете (1980–2002), и именно в этот период он систематизировал ранее накопленный профессиоведческий материал. В его учебниках и учебных пособиях 1980–1990-х годов внимательный читатель найдет материал его авторской психологической концепции *трудовой* деятельности и человека как субъекта труда [8; 9; 11; 12–15].

А. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНКРЕТНОЙ ТРУДОВОЙ (ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

— Предложено новое определение деятельности как особой формы активности человека [14, с. 166–169; 12, с. 196–200].

— Представлены сущностные признаки трудовой деятельности (труда) в отличие от других видов деятельности человека (игры, учения, общения, спорта):1) результат труда — социально ценный продукт; 2) обязательный, нормативный способ труда; 3) использование орудий труда (вещеподобных, процессуальных, функциональных); 4) включенность работающего человека в межлюдские производственные отношения [13, с. 61–67][1]; деятельность, в которой отсутствует хотя бы один признак из указанных четырех, не может быть, по

[1] Следует отметить, что Л.С. Выготский и А.Н. Леонтьев ограничивались двумя сущностными признаками труда — третьим и четвертым) [17, с. 102].

Климову, отнесена к идеалу труда в его психологическом понимании.

— Дано новое определение предмета деятельности (предметного содержания деятельности) [8, с. 42–44; 9, с. 72–73].

— Разработана технология психологической интерпретации объективных компонентов внешней профессиональной деятельности, профессиональных задач для реконструкции внутренней психической деятельности в форме внутрисубъектных действий, реализуемых с помощью психических процессов, технология анализа функционального содержания профессиональной деятельности [14, с. 119–129; 12, с. 151–195].

— Намечена программа изучения и описания трудового поста, его компонентов в производственной организации (разновидности продуктов труда, виды орудий труда, формы организации труда, виды профессионального общения, виды производственной среды, разновидности внутрисубъектных, психических действий) [8, с. 39–44; 9, с. 64–86].

Б. ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ВИДОВ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (В ЦЕЛЯХ ПРОФОРИЕНТАЦИИ)

— 100-признаковая эмпирическая классификация профессий для психологов-профконсультантов [4].

— 16-признаковая классификация профессий для старшеклассников [11].

— 53-признаковая классификация профессий [23].

— Группировка разновидностей результатов (или продуктов) труда [14, с. 170–174].

— Перечень и группировка основных эргатических функций, охватывающая весь мир профессий в его прошлом, настоящем и будущем [8, с. 35–38; 9, с. 57–63].

В. ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА КАК СУБЪЕКТА ТРУДА

— Климов предложил понятие “психологические признаки труда” [13; 15]; разработал образец *идеального субъекта труда* как человека, у которого в его опыте, содержании знаний и умений, в актуальном содержании сознания полно и точно представлены все четыре сущностных признака труда в их конкретном воплощении применительно к выполняемой человеком трудовой деятельности. При этом идеальный субъект труда владеет специальными знаниями о продуктах своего труда, нормах и правилах, используемых орудиях и технологиях, правилах взаимоотношений с людьми в труде, в конкретной производственной организации. У идеального субъекта, кроме того, как правило складывается позитивное отношение к труду в целом, к людям — потребителям его продукта, ко всем компонентам трудовой деятельности.

— Климов разработал методику дифференцированной оценки структуры труда (ДОСТ), суть которой сводится к программе экспертной оценки психологом степени сформированности у конкретного человека каждого из четырех психологических признаков структуры труда (точнее было бы сказать, структуры компонентов сознания субъекта труда) [13][2].

— Доказана возможность воспитания аналогов психологических признаков труда в сознании дошкольников [27], а также в воспитании подростков как будущих субъектов творческого труда [26].

— Разработана обобщенная схема (модель) основных групп образных регуляторов профессионального поведения, содержательное наполнение которой возможно на основе использования профессиоведческой информации, а также исследования особенностей самосознания человека как субъекта труда и содержания его субъект-субъектных и субъект-объектных отношений [8; 9].

— Представлена модель типичных стадий цикла профессионализации субъекта труда [8, 9].

— Выделены нежелательные варианты профессионального развития личности в онтогенезе, их причины, пути профилактики [8, 9].

— Эмпирически доказана гипотеза о своеобразии образа мира у представителей разнотипных профессий (исследование, построенное на основе контент-анализа ориентационных текстов описания профессий, относящихся к разным типам по предметному содержанию труда — социономическому, технономическому, артономическому, сигномическому, биономическому) [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В завершение статьи можно сделать следующие *выводы*.

[2] Методика ДОСТ оказалась полезной в разработке индивидуальных программ повышения квалификации преподавателей иностранных языков в вузе (канд. дис. М.Ю. Котриковой) [16].

1. Концептуальный аппарат выстраивается исследователем с ориентацией на область применения теории; теория, претендующая на фундаментальность, должна объяснять не только происхождение и развитие изучаемой реальности, но и актуальное существование и функционирование во всех ее типичных формах. Если теория ограничивается частными формами изучаемой реальности, ее статус не может рассматриваться как универсальный и достаточный для всех других ее форм.

2. Деятельность предпочтительно рассматривать не в качестве самодовлеющего образования, но как форму активности ее субъекта (человека), регулируемую сознанием.

3. Установление законов порождения, изменения, развития и трансформации деятельности человека, обусловленных содержанием побуждающих его потребностей и мотивов, является универсальной общепсихологической концепцией, применимой в первую очередь там, где процессы целеобразования детерминированы главным образом динамикой смыслов, субъектными факторами, которые образуют “точку отсчета в системе координат” при построении объяснительных моделей психической реальности. В практике это, например, психологическое консультирование личности в связи с семейными проблемами, личностными кризисами, изучение личностно-мотивационных особенностей учащихся в их влиянии на эффективность учебного процесса и др.

4. В психологическом исследовании профессиональной деятельности и ее субъекта на начальных этапах анализа на первый план выступают не субъективно порожденные, но внешне, социально заданные цели действий, профессиональные задачи. Их успешное выполнение при одновременном обеспечении точности и надежности производственных процессов, в которые встраивается человек, а также содействие профессиональному здоровью и долголетию работающих лиц выдвигают в центр изучения анализ предметного и функционального содержания активности субъекта труда, порожденного объективными компонентами внешней деятельности. Сказанное выше ни в коей мере не означает игнорирования исследования вариаций трудовой деятельности, порожденных личностными регуляторами поведения, но такие исследования желательно проводить, предварительно изучив, что должен делать работник на трудовом посту, как делать, каков ожидаемый и реальный продукт его труда.

5. Разработки Е.А. Климова помогают психологам изучать психологическое своеобразие конкретных видов труда в их соотнесении с динамично меняющимся миром профессий, использовать знание о внешней предметной деятельности для суждения о ее внутренних психологических формах, о предметном и функциональном содержании деятельности, о содержании сознания и самосознания человека как ее субъекта.

6. Климовская психологическая субъектно-деятельностная концепция может рассматриваться в качестве общенаучного фундамента для прикладных психологических исследований людей — тружеников, деятелей, профессионалов, а также в исследованиях развития человека как субъекта труда на всех этапах его жизни.

7. Работы Е.А. Климова не заменяют, но существенно дополняют отечественную общепсихологическую теорию деятельности, ибо содержат концептуальный аппарат и богатый эмпирический материал, позволяющий психологам ориентироваться в многообразии профессиональной деятельности, по прежнему имеющей ведущее значение в жизни взрослых людей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Ананьев Б.Г.* К методологии профессиоведения // На психотехническом фронте. Материалы к первому съезду Всесоюзного общества психотехники и прикладной психофизиологии. Тезисы докладов. Вып. II. М.; Л.: Государственное социально-экономическое изд-во, 1931. С. 1–6.
2. *Ананьев Б.Г.* Психологическая структура человека как субъекта // Человек и общество. Вып. 2. Л.: Изд-во ЛГУ, 1967. С. 235–249.
3. *Выготский Л.С.* История развития высших психических функций / Л.С. Выготский. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 3 / Под ред. А.М. Матюшкина. М.: Изд-во “Педагогика”. 1983. С. 145.
4. *Галкина О.И.*, *Каверина Р.Д.*, *Климов Е.А.*, *Левиева С.Н.*, *Пузыревская Е.К.*, *Титова И.П.* Информационно-поисковая система “Профессиография” / Под ред. Е.А. Климова. Л.: ВНИИ профессионально-технического образования, 1972. 311 с.
5. *Геллерштейн С.Г.* О психологии труда в работах К. Маркса // Советская психотехника. 1933. № 1. С. 1–10.
6. *Гусев Н.К.* К вопросу об изучении профессий в целях профконсультации // Материалы профконсультации. Вып. 2. Работы Ленинградской профконсультационной лаборатории за 1933–1934 гг. / Редкол. А.А. Толчинский и др. Л.: Издание Института организации, экономики и охраны труда, 1935. С. 3–7.
7. *Зараковский Г.М.* Психофизиологический анализ трудовой деятельности. М.: Наука, 1966. 114 с.

8. *Климов Е.А.* Введение в психологию труда: Учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. 199 с.

9. *Климов Е.А.* Введение в психологию труда: Учебник для вузов. М.: Культура и спорт: ЮНИТИ, 1998. 350 с.

10. *Климов Е.А.* Выступление на Общемосковском теоретическом семинаре. 1993 г. Психология и марксизм (круглый стол) // Психологический журнал. 1993. Т. 14. № 1. С. 10–12.

11. *Климов Е.А.* Образ мира в разнотипных профессиях. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1995. 221 с.

12. *Климов Е.А.* Основы психологии: Учебник для вузов. М.: Культура и спорт: ЮНИТИ, 1997. 295 с.

13. *Климов Е.А.* Психологическое содержание труда и вопросы воспитания. М.: Знание, 1986. 80 с.

14. *Климов Е.А.* Психология: Учебник для школы. М.: ЮНИТИ, 1997. 287 с.

15. *Климов Е.А.* Человек как субъект труда и проблемы психологии // Вопросы психологии. 1984. № 4. С. 5–14.

16. *Котрикова М.Ю.* Индивидуальная психологическая структура труда учителя иностранных языков: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1993.

17. *Леонтьев А.Н.* Деятельность и личность // Вопросы философии. 1974. № 4. С. 87–97.

18. *Леонтьев А.Н.* Деятельность и сознание // Вопросы философии. 1972. № 12. С. 129–139.

19. *Леонтьев А.Н.* Проблема деятельности в психологии // Вопросы философии. 1972. № 9. С. 95–108.

20. *Ломов Б.Ф.* К проблеме деятельности в психологии // Психологический журнал. 1981. Т. 2. № 5. С. 3–22.

21. *Носкова О.Г.* Психологическое наследие Е.А. Климова (к 85-летию со дня рождения) // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 1. С. 131–135.

22. *Платонов К.К.* Вопросы психологии труда. М.: Медицина, 1970. 264 с.

23. *Пчелинова В.В.* Дескрипторный словарь в формировании представлений психолога о мире труда // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 2010. № 3. С. 76–87.

24. *Рубинштейн С.Л.* Принципы и пути развития психологии. М.: Наука, 1959. С. 40.

25. *Рубинштейн С.Л.* Проблемы психологии в трудах К. Маркса // Советская психотехника. 1934. № 1. (Цит. по: *Рубинштейн С.Л.* Проблемы общей психологии / Отв. ред. Е.В. Шорохова. М.: Педагогика, 1976. С. 19–46.)

26. *Тютюнник В.И.* Начальный онтогенез субъекта творческого труда: Дис. ... д-ра психол. наук. М., 1994. 347 с.

27. *Тютюнник В.И.* Психолого-педагогические условия развития “внутренней позиции” субъекта труда в дошкольном возрасте // Вестник Моск. ун-та. Сер. 14. Психология. 1989. № 4. С. 39–48.

PROBLEMS OF THE PSYCHOLOGY OF ACTIVITY AND ITS SUBJECT IN THE WORKS OF E. A. KLIMOV (to the 90th anniversary of the birth)

O. G. Noskova

Lomonosov Moscow State University, *Faculty of Psychology*;
125009, *Moskow*, *Mokhovaya str.*, *11/9*, *Russia*.
Doctor of Psychological Sciences, *the Professor*, *Professor of Department of Psychology of Work and Engineering Psychology*.
E-mail: *nog4813@mail.ru*

Received 21.11.2020

Abstract. The article is devoted to the work of E.A. Klimov (1930–2014) in connection with the 90th anniversary of his birth. The article discusses the provisions of the psychological concept of E.A. Klimov, developed by him for the psychological study of professional activity and its subject in the context of the problems of labor psychology and the psychology of adult development. The preconditions for the transformation of the key concepts of the theory of activity, conditioned by the peculiar subject and functional content of human activity, by different degrees of cultural and historical regulation of the conditions and means of human activity, which are the object of study and rationalization of applied psychologists, are shown. The concept of

E.A. Klimova supplements and partly corrects the provisions of the general psychological theory of activity presented in the works of A.N. Leontyev.

Keywords: Psychology of activity, subject of activity, labor activity, man as a subject of labor, subject of activity, labor post and its components, psychological classification of professions.

REFERENCES

1. *Anan'yev B.G.* K metodologii professiovedeniya. Na psikhotekhnicheskom fronte. Materialy k pervomu s"yezdu Vsesoyuznogo obshchestva psikhotekhniki i prikladnoy psikhofiziologii. Tezisy dokladov. Vyp. II. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe social'no-ekonomicheskoe izd-vo. 1931. P. 1–6. (In Russian)
2. *Anan'yev B.G.* Psikhologicheskaya struktura cheloveka kak sub"yekta. Chelovek i obshchestvo. Vyp. 2. Leningrad: Izd-vo LGU, 1967. P. 235–249. (In Russian)
3. *Vygotskiy L.S.* Istoriya razvitiya vysshikh psikhicheskikh funktsiy. L.S. Vygotskiy. Sobraniye sochineniy: V 6 t. T. 3. Ed. A.M. Matyushkin. Moscow: Izd-vo "Pedagogika", 1983. P. 145. (In Russian)
4. *Galkina O.I.*, *Kaverina R.D.*, *Klimov E.A.*, *Leviyeva S.N.*, *Puzyrevskaya E.K.*, *Titova I.P.* Informatsionno-poiskovaya Sistema "Professiografiya". Ed. E.A. Klimov. Leningrad: VNII Professional'no-tekhnicheskogo obrazovaniya, 1972. 311 p. (In Russian)
5. *Gellershteyn S.G.* O psikhologii truda v rabotakh K. Marksa. Sovetskaya psikhotekhnika. 1933. № 1. P. 1–10. (In Russian)
6. *Gusev N.K.* K voprosu ob izuchenii professiy v tselyakh profkonsul'tatsii. Materialy profkonsul'tatsii. Vyp. 2. Raboty Leningradskoy profkonsul'tatsionnoy laboratorii za 1933–1934 gg. Eds. A.A. Tolchinskiy et al. Leningrad: Izdaniye Instituta organizatsii, ekonomiki i okhrany truda, 1935. P. 3–7. (In Russian)
7. *Zarakovskiy G.M.* Psikhofiziologicheskiy analiz trudovoy deyatel'nosti. Moscow: Nauka, 1966. 114 p. (In Russian)
8. *Klimov E.A.* Vvedeniye v psikhologiyu truda. Uchebnoye posobiye. Moscow: Izd-vo Mosk. un-ta, 1988. 199 p. (In Russian)
9. *Klimov E.A.* Vvedeniye v psikhologiyu truda. Uchebnik dlya vuzov. Moscow: Kul'tura i sport: YUNITI, 1998. 350 p. (In Russian)
10. *Klimov E.A.* Vystupleniye na Obshchemoskovskom teoreticheskom seminare 1993 g. Psikhologiya i marksizm (kruglyy stol). Psikhologicheskii zhurnal. 1993. V. 14. № 1. P. 10–12. (In Russian)
11. *Klimov E.A.* Obraz mira v raznotipnykh professiyakh. Moscow: Izd. Mosk. un-ta, 1995. 221 p. (In Russian)
12. *Klimov E.A.* Osnovy psikhologii. Uchebnik dlya vuzov. Moscow: Kul'tura i sport: YUNITI, 1997. 295 p. (In Russian)
13. *Klimov E.A.* Psikhologicheskoye soderzhaniye truda i voprosy vospitaniya. Moscow: Znaniye, 1986. 80 p. (In Russian)
14. *Klimov E.A.* Psikhologiya. Uchebnik dlya shkoly. Moscow: YUNITI, 1997. 287 p. (In Russian)
15. *Klimov E.A.* Chelovek kak sub"yekt truda i problemy psikhologii. Voprosy psikhologii. 1984. № 4. P. 5–14. (In Russian)
16. *Kotrikova M.Yu.* Individual'naya psikhologicheskaya struktura truda uchitelya inostrannykh yazykov. Dis. kand. psikhol. nauk. Moscow, 1993. (In Russian)
17. *Leont'yev A.N.* Deyatel'nost' i lichnost'. Voprosy filosofii. 1974. № 4. P. 87–97. (In Russian)
18. *Leont'yev A.N.* Deyatel'nost' i soznaniye. Voprosy filosofii. 1972. № 12. P. 129–139. (In Russian)
19. *Leont'yev A.N.* Problema deyatel'nosti v psikhologii. Voprosy Filosofii. 1972. № 9. P. 95–108. (In Russian)
20. *Lomov B.F.* K probleme deyatel'nosti v psikhologii. Psikhologicheskii zhurnal. 1981. V. 2. № 5. P. 3–22. (In Russian)
21. *Noskova O.G.* Psikhologicheskoye naslediye Ye.A. Klimova (k 85-letiyu so dnya rozhdeniya). Psikhologicheskii zhurnal. 2016. V. 37. № 1. P. 131–135. (In Russian)
22. *Platonov K.K.* Voprosy psikhologii truda. Moscow: Meditsina, 1970. 264 p. (In Russian)
23. *Pchelinova V.V.* Deskriptornyy slovar' v formirovanii predstavleniy psikhologa o mire truda. Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 14. Psikhologiya, 2010. № 3. P. 76–87. (In Russian)
24. *Rubinshteyn S.L.* Printsipy i puti razvitiya psikhologii. Moscow: Nauka, 1959. P. 40. (In Russian)
25. *Rubinshteyn S.*L. Problemy psikhologii v trudakh K. Marksa. "Sovetskaya psikhotekhnika". 1934. № 1. (Tsit. po: Rubinshteyn S.L. Problemy obshchey psikhologii. Ed. Ye.V. Shorokhova. Moscow: Izd-vo "Pedagogika", 1976. P. 19–46.) (In Russian)
26. *Tyutyunnik V.I.* Nachal'nyy ontogenez sub"yekta tvorcheskogo truda. Dis. dokt. psikhol. nauk. Moscow, 1994. 347 p. (In Russian)
27. *Tyutyunnik V.I.* Psikhologo-pedagogicheskiye usloviya razvitiya "vnutrenney pozitsii" sub"yekta truda v doshkol'nom vozraste. Vestnik Mosk. un-ta. Seriya 14. Psikhologiya. 1989. № 4. P. 39–48. (In Russian)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 115–121

ДИСКУССИЯ

УДК 159.923:316.6

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ: ОТ ФОРСАЙТА К МЕТОДОЛОГИИ АНАЛИЗА СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПОСЛЕДСТВИЙ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ[1]

© 2021 г. В. А. Мазилов*, Ю. Н. Слепко**

ФГБОУ ВО Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского; 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1, Россия.

**Доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей и социальной психологии. E-mail: v.mazilov@yspu.org*

***Кандидат психологических наук, доцент, декан педагогического факультета. E-mail: slepko@inbox.ru*

Поступила 22.12.2020

Аннотация. Опираясь на материалы статьи А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика "Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований", поставленные в ней вопросы анализируются в более широком контексте форсайт-движения. Выделяются недостатки форсайта, требующие организации специальной методологической работы по прогнозированию социальных последствий внедрения новых технологий. Рассматриваются проблемы социального прогнозирования, применения общефилософского подхода для ее понимания и повышения эффективности построения прогнозов развития общества с использованием данных психологической науки, в том числе социальной психологии, а также истории и других научных дисциплин. Обращается внимание на необходимость более интенсивной разработки проблем современного состояния психологической науки и прогнозирования ее развития в будущем.

Ключевые слова: форсайт, новые технологии, прогнозирование, социальное прогнозирование, наука, общество, психология, способности.

DOI: 10.31857/S020595920014218-5

Проблема анализа последствий внедрения новых технологий в жизнь общества и каждого человека вряд ли нуждается в доказательстве ее актуальности. Хорошо известно, что на каждом этапе развития человеческого общества одним из наиболее трудных моментов являлось предсказание тех изменений, с которыми общество столкнется в будущем. Изменения в жизни общества (социальные, технологические, политические, экономические и пр.) и прогнозирование их последствий всегда были ведущими условиями развития человеческого общества, отличавшегося в разные исторические периоды систематичностью прогнозирования последствий, осознанностью и рациональностью выбора разных стратегий поведения и пр.

Систематическая работа по анализу последствий изменений, происходящих в глобальных масштабах всего человечества, началась относительно недавно (в 50-х годах прошлого века) и связана с введением в научный оборот термина *форсайт* и соответствующих технологий анализа. Используемые при этом методы показали себя как наиболее эффективный инструмент выбора приоритетов в сфере науки и технологий, а также при решении широкого круга проблем социально-экономического развития [3; 9; 14].

Именно в контексте расширения обсуждаемых последствий использования новых технологий и инноваций особый интерес вызывает статья А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика [8]. Следует прежде всего обратить внимание на то, что авторы рассматривают позитивные эффекты внедрения в жизнь человека и общества новых технологий (о негативном отношении подробнее см. [7]), под которыми они понимают активное распространение «дополненной реальности, искусственного интеллекта, "интернета всего" и "потоковой"

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-29-07156.

аналитики больших данных, робототехники, “редактирования” генома, использования новых материалов и др.» [Там же, с. 35]. Проблематика прогнозирования последствий внедрения новых технологий в основном сконцентрирована вокруг собственно технологической составляющей будущего, того, как изменятся средства жизнедеятельности человека. Значительно меньшее внимание уделяется проблеме социальных вызовов и прогнозирования последствий внедрения новых технологий в жизни конкретного человека и общества. По всей видимости, именно поэтому авторы статьи предлагают расширить объект исследования проблемы внедрения новых технологий за счет обращения к психологическим механизмам их принятия человеком: “До сих пор внимание к социально-психологическим аспектам внедрения технологий было связано в основном с поведением потребителей, между тем для понимания психологических механизмов принятия новых технологий обществом необходимы исследования более широкого круга участников: исследователей и разработчиков; руководителей инновационно-технологических компаний; сотрудников розничных подразделений; политиков и чиновников, вовлеченных в регулирование технологий; технологических блогеров и активистов” [Там же, с. 36].

Заметим, что предлагаемое расширение объекта исследования прогнозирования будущего выходит за рамки традиционно обсуждаемого форсайта и не ограничивает, таким образом, прогностическую составляющую исключительно технологической стороной проблемы. Наверное, для психолога такая постановка проблемы (принятие человеком новых технологий) является естественной, так как она созвучна с достаточно давно сформулированными идеями об особом месте психологической науки в системе научного знания (см., например, работы Б.Г. Ананьева, Ж. Пиаже, Б.М. Кедрова и др.).

Ключевая идея А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика состоит в необходимости разработки *специальной методологии* изучения влияния внедрения новых технологий на человека. Авторы отмечают: “Как за рубежом, так и в России до сих пор отсутствует научно обоснованная методология анализа возможного влияния новых технологий на отношения между людьми, групповую динамику и макропсихологические характеристики общества. На наш взгляд, в отличие от решения других традиционных задач научно-технологического прогнозирования, ключевую роль в разработке такой методологии может играть именно психологическая наука. Цель настоящей статьи — наметить некоторые из принципов и направлений такого прогнозирования” [Там же]. Между тем, ставя подобную цель, мы должны понимать, насколько востребовано ее решение в рамках перехода к новому технологическому укладу. Выше мы уже обращали внимание, что систематическое прогнозирование последствий внедрения новых технологий достаточно давно использует многочисленные методы форсайта — разработку сценариев, определение критических технологий, создание экспертных панелей, технологических дорожных карт и пр. При этом значимость подобной методологии анализа подтверждается ее реализацией на уровне как отдельных коммерческих компаний и организаций, так и глобальной государственной политики. Все же оценить востребованность идеи А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика можно, обратившись к планируемым результатам реализации упомянутых методов прогнозирования [14]. Попытаемся кратко их представить:

а) *разработка сценариев*: результатом является “создание сценариев развития тех или иных технологических областей”;

б) *метод Дельфи*: результатом является “разработка перечня тем — потенциальных научно-технологических достижений, ожидаемых в долгосрочной, до 25–30 лет, перспективе, включая фундаментальные и прикладные исследования, инновационные товары и услуги, создаваемые на основе новых технологий”;

в) *метод критических технологий*: результатом является определение перечня критических технологий, разработка которых позволяет повысить конкурентоспособность экономики и решить важнейшие социальные проблемы;

г) *метод экспертных панелей*: результатом является оценка “возможных вариантов будущего по заданной тематике, используя новейшие аналитические и информационные материалы и разработки”;

д) *метод технологической дорожной карты*: результатом является “выработка долгосрочных стратегий развития технологий отрасли или крупной компании” [Там же, с. 9–11].

Характеристику предлагаемых методов прогнозирования будущего можно было бы продолжить. Однако из содержания обсуждаемой здесь статьи А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика становится вполне очевидным, что, в то время как прогнозированию направлений развития новых технологий уделяется много внимания, проблемы их влияния на общество анализируются явно не достаточно. Акцентирование внимания на развитии технологий

является причиной того, что отсутствует методология прогнозирования будущего, а вместо нее мы имеем совокупности отдельных методов и методик, кроме того, в планируемых результатах нет и последних прогнозов о влиянии новых технологий на общество на разных уровнях его функционирования.

Вместе с тем надо согласиться с авторами обсуждаемой статьи, что влияние новых технологий (позитивное и негативное) постоянно происходит и на уровне конкретного человека (личностном), и при его взаимодействии с другими людьми (межличностном), и на других уровнях жизнедеятельности людей. Например, авторы обращают внимание, что «в ходе анализа социально-психологических последствий распространения интернета и цифровых технологий на личностном уровне можно выделить, с одной стороны, снижение способности к запоминанию, так называемый “эффект Google”, т.е. иллюзию собственной компетентности за счет доступа к знаниям в сети, затруднения в чтении длинных текстов и синдром дефицита внимания, низкие показатели в решении силлогизмов и большую подверженность когнитивным искажениям, а с другой — улучшение способности личности распределять внимание, развитие пространственного мышления и детализированности при обработке визуальной информации» [8, с. 36].

Приведенный пример влияния новых технологий на развитие способностей человека, его личностные особенности может быть легко дополнен массой других. Между тем и он, и многие другие (см., например, [1; 10; 15 и др.]) хорошо иллюстрируют фрагментарность прогнозов, их узкоспециализированность, выраженный аналитический характер.

На отсутствие возможности линейной интерпретации и объяснения влияния технологий на развитие современного человека обращают внимание и авторы анализируемой статьи, отмечая, например, что “негативные последствия технологических или экономических изменений на индивидуальном (или личностном) уровне могут быть компенсированы позитивными последствиями на том же или групповом уровне” [8, с. 36]. Соответственно, если нет возможности однозначной интерпретации и объяснения связи человека и современных технологий, вряд ли появится возможность и однозначного прогнозирования последствий широкого распространения последних. Требуется специальная работа по созданию методов прогнозирования влияния современных технологий на развитие человека, на изменение особенностей его социального взаимодействия на разных уровнях функционирования общества. Именно поэтому, на наш взгляд, более чем оправдана идея А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика о необходимости разработки научно обоснованной методологии анализа влияния новых технологий на человека на разных уровнях его социального взаимодействия.

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Актуальность социального прогнозирования прежде всего обусловлена необходимостью понимания того, как внедрение новых технологий отразится на состоянии и развитии общества в будущем. При этом объект социального прогнозирования может быть рассмотрен в максимально широкой исторической перспективе.

Во-первых, таким объектом могут быть “явления, существующие в данный момент, но еще не открытые” [5, с. 754]. Примером могут служить исследования, в которых устанавливается влияние новых информационных и цифровых технологий на развитие психических функций (мышления, внимания и др.), особенностей личности, организации деятельности и поведения человека и пр. Заметим, что продуктивность прогнозирования явлений такого рода напрямую зависит от актуального состояния психологической науки — понимания ее предмета, метода, теории, методологии в целом и пр.

Во-вторых, объектом прогнозирования могут быть “явления, существование которых относится к будущему” [Там же]. На наш взгляд, если в первом случае психология достаточно хорошо готова отреагировать на глобальные технологические сдвиги в жизни конкретного человека и общества, во втором требуется специальная работа по конструированию “моделей” социального будущего. Выше мы уже показали, что методология форсайта не позволяет продуктивно перейти от прогнозирования технологических результатов глобальной информатизации и цифровизации к прогнозированию социальных последствий происходящих сейчас и в ближайшем будущем изменений. В данном случае речь идет о влиянии новых технологий на подтверждение групповой идентичности, изменение индивидуального поведения в условиях принятия или отказа от них, изменение структуры базовых ценностей общества и пр. [7].

Периодически публикуемые в профильных изданиях прогнозы влияния на потребителей используемых ими новых технологий вряд ли сегодня позволяют говорить о систематическом социальном прогнозировании. Такие прогнозы отличаются

преобладанием констатирующего характера над собственно прогностическим, кратковременностью перспективы изменений[2], преобладанием вероятностной схемы над детерминистической, аналитичностью изучения предмета прогнозирования над целостным пониманием предмета изменений. Заметим, что последнее в отношении прогнозов психологических изменений хорошо иллюстрирует современное состояние проблемы предмета психологии, в отношении которого «возобладала традиция, в соответствии с которой обсуждение проблемы предмета психологии как науки сводится к поиску “единиц” или “клеточек”, заменяющих в процессе исследования собственно предмет» [12, с. 33].

В итоге упрощение понимания перехода от “старой” (доцифровой) информационной среды к “новой” (цифровой) редуцирует проблему социального прогнозирования до форсайтов технологических изменений, при которых в стороне остаются реальные психологические проблемы принятия и освоения человеком и обществом новых технологий.

Третьим типом объектов прогнозирования могут быть “явления, которые уже не существуют в настоящем, но имели место в прошлом” [5, с. 754]. Обращение к данному типу объектов позволяет говорить о выраженном историческом характере проблемы социального прогнозирования.

Глобальная цифровизация и информатизация современного общества по форме являются, безусловно, революционными, однако не являются таковыми в плане их уникальности в истории развития человеческой цивилизации. Не вдаваясь в специфические особенности каждой информационной революции, отметим, что эффективность социального прогнозирования зависит от использования сравнительно-исторического метода историко-научного исследования. Наличие объективной общности в сравниваемых объектах (по В.А. Кольцовой) позволит в результате использования данного метода анализа “раскрыть закономерности в их функционировании и развитии, так и дать их дифференцированное описание” [11, с. 354].

На наш взгляд, ретроспективное социальное прогнозирование позволяет учесть опыт социальных, культурных, социально-психологических и других изменений в истории человечества при разработке методологии анализа социально-психологических последствий внедрения новых технологий. Здесь, например, может быть использован интересный опыт исторической реконструкции мировосприятия человека Древнего Востока, его мифологического типа мышления и отношения к миру природы, миру вещей, миру людей в исследованиях Т.Б. Перфиловой [13].

Достаточно кратко охарактеризованные сложность и неоднозначность социального прогнозирования объектов разного типа позволяют заключить следующее.

Во-первых, социальное, психологическое, социально-психологическое и другие типы прогнозирования требуют четкого определения своего объекта и предмета, разработки принципов, методов, схем и моделей прогнозирования социальных последствий внедрения новых технологий в жизнь конкретного человека и общества. Отсутствие указанных и ряда других составляющих методологии социального прогнозирования приводит к ее замене методологией форсайта, на недостатки которой мы обращали внимание выше.

Во-вторых, именно недостатки методологии как одна из актуальных проблем современной психологической науки требуют разработки специальной методологии анализа социально-психологических последствий внедрения новых технологий в жизнь человека и общества. Основные положения данной методологии уже представлены в обсуждаемой нами статье [8]. В ней определены объект и предмет методологического анализа, обоснована ее выраженная социальная, психологическая, социально-психологическая востребованность, охарактеризованы принципы и направления социально-психологического прогнозирования влияния новых технологий на человека.

В-третьих, наиболее значительным преимуществом описанной в работе А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика методологии анализа является уровневый подход к социальному прогнозированию: “Очевидно, что подход психологов к прогнозированию социальной динамики должен опираться на принцип многоуровневой организации совместной жизнедеятельности, т.е. учитывать все уровни социально-психологического анализа, выделенные в свое время В. Дуазом: личностный, межличностный, внутригрупповой, межгрупповой, организационный и социетальный. Как подсказывает нам экологическая теория У. Бронфенбреннера, микро-, мезо- и экзосистемы дополняют и компенсируют воздействия друг друга” [Там же, с. 36]. Предлагаемый уровневый подход дает возможность проектировать максимальное число различных социальных последствий внедрения новых технологий и прогнозировать разные типы объектов. Помимо этого изложенная методология анализа может быть рассмотрена как динамическая, так как

[2] Для сравнения: в технологическом форсайте Японии временной горизонт составляет 30 лет [14].

позволяет не только проектировать последствия внедрения новых технологий, но и разрабатывать методы управления и компенсации негативных последствий на разных уровнях организации совместной жизнедеятельности.

МНОГООБРАЗИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ВНЕДРЕНИЯ НОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Авторы обсуждаемой статьи пишут: “В эпоху, когда технологический оптимизм сопровождается социальным пессимизмом, с новыми технологиями связываются надежды на улучшение работы социальных институтов и оздоровление целых сфер жизни общества, таких как государственное управление, коммунальные услуги, общественный транспорт, здравоохранение, даже образование и СМИ. Машинное обучение, анализ больших данных и блокчейн рассматриваются как своего рода лекарство для слабеющего социального доверия. Крах явно завышенных сегодня ожиданий положительного влияния алгоритмов может повлечь за собой обрушение доверия к организациям, их использующим, и дальнейшее снижение доверия к социальным институтам в целом” [Там же, с. 42]. В этой цитате хорошо отражено явное для сегодняшнего дня преобладание технологического прогнозирования внедрения новых технологий над прогнозированием социальным, завышение роли и ожидания от технологий в решении социальных проблем, а также, по сути, отсутствие в науке и обществе даже краткосрочного понимания следствий внедрения новых цифровых и информационных технологий. В особенности последнее еще раз позволяет нам утверждать, что высказываемые в статье [8] идеи о принципах и направлениях социально-психологического прогнозирования внедрения новых технологий являются более чем актуальными. Без организации такой работы уже в ближайшем будущем вполне реально снижение не только доверия к организациям, использующим эти технологии, но и последующее снижение доверия к социальным институтам в целом.

Представленные А.Л. Журавлевым и Т.А. Нестиком направления социально-психологических исследований в области взаимодействия человека с новыми технологиями будут совершенствоваться и развиваться. Однако необходимым видится включение анализа социально-психологических последствий в более широкий контекст прогнозирования влияния новых технологий на жизнь каждого человека, всего общества, государства и человечества в целом. Помимо классификации последствий по уровням социально-психологического анализа возможны и другие классификации. Например, анализ последствий может быть реализован по основанию областей внедрения новых технологий (образование, повседневная жизнь, научная деятельность, медицина, генетика и т.д.). Еще одним основанием классификации последствий могут быть тип новых технологий и соответствующие им механизмы влияния на жизнь человека и общества. К таковым можно отнести интернет-технологии, технологии искусственного интеллекта, робототехники и др. Интересной представляется классификация последствий по влиянию новых технологий на развитие и функционирование уровней внутреннего мира человека (по В.Д. Шадрикову [17]), развитие его способностей [16], деятельности и поведения и т.п. Основания классификации могут быть без труда продолжены. Однако наиболее важным здесь представляется перенос акцента внимания исследователей с технологического прогнозирования на прогнозирование социальных, психологических, социально-психологических и других типов последствий внедрения новых технологий в жизнь человека и общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение хотелось бы обратить внимание на едва ли не наиболее важный момент, не нашедший отражения в основной части настоящего текста. Выше мы останавливались на результатах современных психологических исследований, в которых констатируется и частично прогнозируется влияние новых технологий на жизнь человека и общества. Однако в таких и им подобных исследованиях по умолчанию предполагается, что психология сегодня готова предоставить теоретические, эмпирические и другие возможности для полноценного прогнозирования разного рода последствий активного внедрения новых технологий в разные сферы жизнедеятельности человека. За пределами же подобных исследований, как это часто бывает, остается прогнозирование развития *собственно психологической науки* в условиях интенсивного обновления всех сфер жизни человека, внедрения новых технологий в саму психологическую науку. Соответственно, сколь бы значимыми ни были социальные прогнозы, их эффективность, продуктивность и надежность будут зависеть от качества используемых средств прогнозирования, к которым современное состояние психологической науки относится в полной мере.

Конечно, нельзя сказать, что проблема прогнозирования развития психологии как науки не входит в предмет исследований современных

психологов. Активно обсуждаются место отечественной психологии в мировом психологическом пространстве [6], будущее психологической науки и практики [9], проблемы и трудности прогнозирования развития психологии [2], отдельные аспекты будущего практикоориентированной психологии [4] и др. Однако с сожалением приходится сделать вывод о том, что психология тем не менее недостаточно активно реагирует на изменения, происходящие в ней самой (на академическом, научном, прикладном и других уровнях); остается практически непонятным, как психология в целом будет реагировать на интенсивное внедрение новых технологий не только в жизнедеятельность человека, но и в нее саму; слишком много внимания психологией уделяется внешним по отношению к ее внутреннему состоянию факторам и процессам. Ввиду этого авторы надеются, что представленный в обсуждавшейся статье [8] опыт социально-психологического анализа последствий внедрения новых технологий будет конструктивно использован и при разработке проблемы прогнозирования будущего самой психологической науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алехин А.Н.*, *Грекова А.А.* Особенности формирования мышления в условиях цифровой среды // Клиническая и специальная психология. 2019. Т. 8. № 1. С. 162–176.
2. *Анцупов А.Я.*, *Кандыбович С.Л.* Проблемы прогноза развития психологии и пути их решения // Психологический журнал. 2017. Т. 38. № 4. С. 109–114.
3. *Гохберг Л.М.* Будущее как стратегическая задача // Форсайт. 2007. Т. 1. № 1. С. 4–5.
4. *Грачев А.А.* Перспективы практико-ориентированной психологии в контексте тенденций развития психологической науки // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 4. С. 133–137.
5. *Жданова Т.В.*, *Носова Т.В.* Прогнозирование // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+: РООИ “Реабилитация”, 2009. С. 754–756.
6. *Журавлев А.Л.*, *Мироненко И.А.*, *Юревич А.В.* Российская психология в пространстве глобальной науки: ответ дискутантам // Психологический журнал. 2020. Т. 41. № 3. С. 113–121.
7. *Журавлев А.Л.*, *Нестик Т.А.* Психологические факторы негативного отношения к новым технологиям // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 6. С. 5–14.
8. *Журавлев А.Л.*, *Нестик Т.А.* Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 35–47.
9. *Журавлев А.Л.*, *Нестик Т.А.*, *Юревич А.В.* Прогноз развития психологической науки и практики к 2030 г. // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 5. С. 45–64.
10. *Карр Н.* Пустышка. Что интернет делает с нашими мозгами. СПб.: Бест Бизнес Букс, 2012.
11. *Кольцова В.А.* История психологии: Проблемы методологии. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2008.
12. *Мазилов В.А.* Предмет психологии. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2020.
13. *Перфилова Т.Б.* История Древнего Востока: учебник для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020.
14. *Соколов А.В.* Форсайт: взгляд в будущее // Форсайт. 2007. Т. 1. № 1. С. 8–15.
15. *Солдатова Г.У.*, *Рассказова Е.И.*, *Нестик Т.А.* Цифровое поколение России: компетентность и безопасность. М.: Смысл, 2017.
16. *Шадриков В.Д.* Способности и одаренность человека. М.: Изд-во “Институт психологии РАН”, 2019.
17. *Шадриков В.Д.*, *Мазилов В.А.* Общая психология: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015.

SOCIAL FORECASTING: FROM FORESIGHT TO METHODOLOGY OF ANALYSIS OF SOCIAL AND PSYCHOLOGICAL CONSEQUENCES OF THE IMPLEMENTATION OF NEW TECHNOLOGIES[3]

V. A. Mazilov*, Iu. N. Slepko**

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky;
150000, Yaroslavl, Respublikanskaia str., 108/1, Russia.
**ScD* (*Psychology*), *Professor, Head of the Department of General and Social Psychology.*
E-mail: v.mazilov@yspu.org
***PhD* (*Psychology*), *Dean of the Faculty of Education.*
E-mail: slepko@inbox.ru

Received 22.12.2020

Abstract. The article is a response to the publication of the article by A.L. Zhuravleva and T.A. Nestika (Psychological journal. 2019. V. 40. № 5), dedicated to the development of principles and directions for the analysis of social and psychological consequences of the introduction of new technologies in human life. The problem of predicting social and psychological consequences is considered in the broader context of the foresight movement; the disadvantages of foresight are highlighted, requiring the organization of special methodological work to predict the social consequences of the introduction of new technologies. The problem of social forecasting, the use of a general philosophical understanding of forecasting to increase the efficiency of making forecasts for the development of society using data from psychology, social psychology, history, and other scientific disciplines is considered. The authors draw attention to the need for more intensive development of the problems of the current state of psychological science itself and forecasting its development in the future.

Keywords: foresight, new technologies, forecasting, social forecasting, science, society, psychology.

REFERENCES

1. *Alehin A.N.*, *Grekova A.A.* Osobennosti formirovaniia myshleniia v usloviiakh tcifrovoi sredy. Clinicheskaia i spetcialnaia psihologiia. 2019. V. 8. № 1. P. 162–176. (In Russian)
2. *Antcupov A.I.*, *Kandybovich S.L.* Problemy prognoza razvitiia psihologii i puti ikh resheniia. Psikhologicheskii zhurnal. 2017. V. 38. № 4. P. 109–114. (In Russian)
3. *Gokhberg L.M.* Budushchee kak strategicheskaia zadacha. Forsait. 2007. V. 1. № 1. P. 4–5. (In Russian)
4. *Grachev A.A.* Perspektivy praktiko-orientirovannoi psihologii v kontekste tendentcii razvitiia psihologicheskoi nauki. Psikhologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 4. P. 133–137. (In Russian)
5. *Zhdanova T.V.*, *Nosova T.V.* Prognozirovanie. V kn.: Entciclopediia epistemologii i filosofii nauki. Moscow: Kanon+, ROOI "Reabilitatciia", 2009. P. 754–756. (In Russian)
6. *Zhuravlev A.L.*, *Mironenko I.A.*, *Iurevich A.V.* Rossiiskaia psihologiia v prostranstve globalnoi nauki: otvet diskutantam. Psikhologicheskii zhurnal. 2020. V. 41. № 3. P. 113–121. (In Russian)
7. *Zhuravlev A.L.*, *Nestik T.A.* Psihologicheskie faktory negativnogo otnosheniia k novym tekhnologiiam. Psikhologicheskii zhurnal. 2016. V. 37. № 6. P. 5–14. (In Russian)
8. *Zhuravlev A.L.*, *Nestik T.A.* Sotcialno-psihologicheskie posledstviia vnedreniia novykh tekhnologii: perspektivnye napravleniia issledovanii. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 5. P. 35–47. (In Russian)
9. *Zhuravlev A.L.*, *Nestik T.A.*, *Iurevich A.V.* Prognoz razvitiia psihologicheskoi nauki i praktiki k 2030 g. Psikhologicheskii zhurnal. 2016. V. 37. № 5. P. 45–64. (In Russian)
10. *Karr N.* Pustyshka. Chto internet delaet s nashimi mozgami. St. Petersburg: Best Biznes Buks, 2012. (In Russian)
11. *Koltcova V.A.* Istoriia psihologii: Problemy metodologii. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2008. (In Russian)
12. *Mazilov V.A.* Predmet psihologii. Iaroslavl: RIO YSPU, 2020. (In Russian)
13. *Perfilova T.B.* Istoriia Drevnego Vostoka: uchebnik dlia vuzov. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Izdatelstvo Iurait, 2020. (In Russian)
14. *Sokolov A.V.* Forsait: vzgliad v budushchee. Forsait. 2007. V. 1. № 1. P. 8–15. (In Russian)
15. *Soldatova G.U.*, *Rasskazova E.I.*, *Nestik T.A.* Tcifrovoe pokolenie Rossii: kompetentnost i bezopasnost. Moscow: Smysl, 2017. (In Russian)
16. *Shadrikov V.D.* Sposobnosti i odarennost cheloveka. Moscow: Izd-vo "Institut psihologii RAN", 2019. (In Russian)
17. *Shadrikov V.D.*, *Mazilov V.A.* Obshchaia psihologiia: uchebnik dlia akademicheskogo bakalavriata. Moscow: Iurait, 2015. (In Russian)

[3] The reported study was funded by RFBR, project № 19-29-07156.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 122–126

ДИСКУССИЯ

УДК 159.923:316.6

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ ИННОВАЦИИ В ПРОЦЕССЕ РАЗВИТИЯ СОЦИУМА: ОТ ПЛЮСОВ И МИНУСОВ К КОНСЕНСУСУ

© 2021 г. Т. А. Жалагина

ФГБОУ ВО "Тверской государственный университет";
170100, г. Тверь, ул. Желябова, д. 33, Россия.
Профессор, доктор психологических наук, заведующая кафедрой "Психология труда и клиническая психология".
E-mail: zhalagina54@mail.ru

Поступила 19.10.2020

Аннотация. С позиции принципа многоуровневой организации совместной деятельности дискутируется вопрос о социально-психологических последствиях внедрения новых технологий в систему общественного развития. Анализируются как положительные, так и отрицательные результаты данного процесса с учетом изменений на шести основных уровнях социально-психологического анализа. Представлены психологические принципы и подходы в качестве научных оснований. В заключение делается вывод о необходимости проведения лонгитюдных исследований данной проблемы с применением разнообразного психологического инструментария.

Ключевые слова: новые технологии, социально-психологические последствия, направления исследований, искусственный интеллект, технологический оптимизм, социальный пессимизм, цифровые технологии.

DOI: 10.31857/S020595920014219-6

Развитие российского общества в последние 15–20 лет связано с трансформацией социальных отношений как в нашей стране, так и во всем мире. Смена экономических устоев повлекла за собой изменения во всех наиболее важных сферах жизнедеятельности как отдельно взятых человека и группы, так и целых государств. Главной особенностью рассматриваемого периода является прогнозирование последствий *внедрения новых технологий*. Особое значение приобретают вопросы о том, что вносят в жизнь человечества новые технологии? Каков путь развития технологических изменений и преобразований в социуме? Какие риски и неожиданности кроются за преимуществами введения новых технологических методов развития? Именно эти проблемы рассматриваются в статье А.Л. Журавлева и Т.А. Нестика "Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований", опубликованной в Психологическом журнале в 2019 г. [3].

В данной работе намечены перспективные направления социально-психологического исследования взаимодействия человека и новых технологий. Авторы рассматривают потенциальные возможности и риски влияния новых технологий с учетом принципа многоуровневой организации совместной жизнедеятельности, предложенного В. Дуазом [3, с. 36].

Необходимость подобного рода исследований обосновывается следующими реалиями современного мира. Неоспорим тот факт, что продолжается и будет продолжаться формирование цифровой экономики, и это вполне может спровоцировать нестандартную ситуацию быстрого развития технологических процессов, но достаточно медленное проявление положительных изменений на уровне человеческих отношений. В результате может сформироваться ситуация, когда общество не будет успевать договориться о правилах использования новых технологий, таких как искусственный интеллект, интернет-технологии, цифровизация, информатизация социальной среды и др. Все это потребует создания и использования новых материальных, общественных и духовных объектов. Подобного рода изменения являются основанием возникновения новых форм организационного взаимодействия, что может, с одной стороны, способствовать самореализации личности, а с другой — вызывать тревогу, стресс, кризисы профессионального развития. Это, несомненно, повлечет за собой возникновение ситуации, при которой будет увеличиваться разрыв между технологическими

и человекоориентированными процессами и отношениями. Нельзя не согласиться с авторами статьи, что при внедрении инноваций и алгоритмов искусственного интеллекта необходимо пристальное внимание к растущим технологическим возможностям и рискам, которые могут оказать отрицательное влияние на отношения между людьми. К сожалению, на сегодняшний день приходится констатировать, что инновационно-технологический форсайт и публичные дискуссии сконцентрированы в основном на развитии новых технологий и их внедрении в практику жизни. Изменениям в психологии и социальном поведении субъектов труда и жизнедеятельности уделялось и уделяется значительно меньше внимания [2; 3, с. 35; 6].

Авторы статьи рассматривают возможные варианты решения обозначенных проблем через вовлечение в их разработку основных заинтересованных сторон, что предполагает совместное социотехническое экспериментирование. Такая практика реализуется в технологии дизайна мышления и в нарративных технологиях дизайна будущего. В инженерной мысли подход к дизайну как культурной практике является основанием для решения многих сложных проблем. Несомненно, такое психологическое моделирование, как дизайн, позволит предвидеть психологические и социальные последствия инноваций в исследованиях будущего. Критические аспекты исследования заключаются в том, чтобы уделять внимание не столько внешним, объективным изменениям в технологиях, экономике, демографии, сколько внутренним психологическим изменениям. Дизайн с целью проектирования будущего помогает людям понять и сформировать альтернативные варианты, несет ответственность за разработку продуктов и услуг с учетом постоянно меняющегося мира [3, с. 36; 8; 9].

К сожалению, на сегодняшний день как за рубежом, так и в РФ отсутствует научное обоснование возможности влияния новых технологий на отношения между людьми, групповую динамику и макропсихологические характеристики будущего. На основании этого в статье говорится о ключевой роли психологической науки, делаются попытки наметить некоторые из принципов и направлений прогнозирования. Такой подход является очень перспективным и вселяет надежды на достижение поставленной цели. При этом необходимо учитывать, что предугадать, как через 20–30 лет будут функционировать психолого-социальные, политические, культурные системы, с учетом представленных в статье уровней анализа достаточно сложно. По сути, говоря о прогнозах, мы пытаемся управлять XXI в., используя психолого-социальные системы XX в. и даже учитывая и опираясь на концептуальные положения XIX в. Слишком велик временной период, в течение которого произошли глобальные изменения во всех сферах жизни. Позиция авторов статьи по этому поводу не совсем ясна.

Развитие вузовской науки и образования на современном этапе неразрывно связано с реализацией компетентностного подхода. Формирование компетенций — как общекультурных, так и профессиональных — является главной составляющей профессиональной подготовки на всех уровнях образования. Также очень важным аспектом является формирование метакогнитивных компетенций, наличие которых обеспечивает взаимодополняемость компетенций разных субъектов взаимодействия. Таким образом, сетевое взаимодействие — это метауровень профессионального взаимодействия.

Особую значимость с точки зрения научного подхода приобретает формирование компетенций к научной деятельности или, лучше сказать, наукоориентированных компетенций. К сожалению, авторы статьи не затронули данный вопрос, хотя, на наш взгляд, это наиболее важный аспект с позиции будущего науки. Компетенции, связанные с научной деятельностью, необходимо формировать и развивать на протяжении всего периода общего среднего и профессионального образования. В связи с этим нам представляется очень важным вывод авторов статьи о том, что как на индивидуальном, так и на групповом уровне воздействие новых технологий следует рассматривать не с точки зрения отдельно взятых характеристик психических и социальных процессов (память, внимание, сплоченность, доверие и т.д.), а с позиции взаимодействия различных функциональных систем, которые поэтапно формируются для подготовки к все возрастающей сложности и неопределенности условий совместной жизнедеятельности, а значит, профессиональной деятельности.

Помимо этого, в статье представлен материал о формировании прогноза о том, что новые технологии не могут не учитывать влияния коллективного образа будущего на социальное поведение в настоящем. Динамика различных компонентов коллективного образа будущего с учетом неопределенности базируется на шести обобщенных феноменах: коллективные цели и планы, групповые ожидания, коллективные надежды, коллективные страхи, групповые мечты, коллективные идеалы. Указанные коллективные феномены с учетом динамики социально-психологических типов отношений и коллективного будущего могут стать

основой уточнения прогноза развития российского общества [3, с. 37; 5; 7]. Научно-исследовательская работа в данном направлении нам представляется очень перспективной и крайне необходимой. Причем мы считаем, что исследования целесообразно проводить в разных сферах социальной жизни — от производства и услуг до научно-технических и научно-образовательных сообществ.

Авторы статьи делают предположения о том, что нас ждет, т.е. о возможных исходах происходящих процессов, — информационная война, напряженность в обществе, снижение доверия к социальным институтам или конструирование позитивного коллективного образа будущего. Для того чтобы ответить на эти вопросы, нужны серьезные лонгитюдные исследования в области как психологии, так и других социогуманитарных наук. Материал анализируемой статьи формирует определенные вопросы, ответы на которые следует искать совместно с мировым научным сообществом. Будущее человечества, несомненно, зависит от ответов на эти вопросы.

Кроме того, необходима оценка представителями социума проблем нужности и важности внедрения новых технологий (экономических, политических, социально-психологических) в жизнь отдельно взятого государства и общества. Это не просто результат оказанного воздействия. Оценка производится по фактически представленным данным и является отражением произведенных изменений и улучшений в режиме реального времени. Проводятся консультации с открытой публикацией результатов. Оценки важны для изучения того, что и насколько эффективно работает.

На разных уровнях — от личностного до социетабельного — оценки результатов внедрения новых технологий разными социальными группами связаны с понятием уровня участия или, лучше сказать, вовлеченности в решение каких-либо проблем. При рассмотрении всех уровней возникает проблема разных поколений. Новые технологии, как следовало бы ожидать, — это приоритет вовлеченности молодых групп населения. Но, к сожалению, в реальности это не всегда так. Минимизация живого человеческого общения в результате превалирования информационных технологий снижает вовлеченность молодого поколения в процессе комплексного внедрения новых технологий в производственную область. К сожалению, молодые люди находятся на гораздо более низком уровне участия. Изучение причин такого положения вещей — это отдельная тема психологической науки, и причины могут быть самыми разными. Но существуют основания предполагать, что поколения последних десятилетий (особенно последних двух) не видят смысла в реализации живого человеческого общения. Им достаточно интернет-общения, которое в скором времени может превратиться в интернет-жизнь. Это огромная психолого-социальная проблема, которую предстоит решать всем научным сообществам. С одной стороны — технологический прогресс, с другой — явный регресс живого человеческого бытия. Здесь мы сталкиваемся с цифровой вовлеченностью и человеческой отчужденностью. Человеческая отчужденность может способствовать формированию поведенческих барьеров, что, в свою очередь, формирует неспособность участия в коллективных, в том числе научных, мероприятиях различного рода. Подобное разобщение чревато возникновением многих психологических последствий, вплоть до суицидальных исходов, и требует отдельного рассмотрения на междисциплинарном уровне.

В заключение хотелось бы сказать, что новые технологические процессы — это новые знания. Знание — основа науки, в том числе и психологической. В общенаучном смысле слово “знание” обычно определяется как форма существования и систематизации результатов познавательной деятельности человека [4, с. 6]. Современное научное знание представляет собой результат цепочки действий ученых разных научных областей. Перед психологией стоит особая задача — исследовать и объяснять изменения психологии человека в обществе и на основе проведенного анализа выработать адекватную научную политику с целью формирования оптимальных стратегий развития.

Становится все более очевидным, что экономическое развитие общества само по себе не способно в полной мере решить экологические, культурные и социальные проблемы. Закономерно появляется необходимость разработки новых критериев развития современного общества, связанных в первую очередь с самим человеком, его умением создавать новые знания и получать информацию, его действиями в инновационной обстановке. С учетом этого внедрение новых инновационных технологий, на наш взгляд, будет осуществляться более оптимально с достаточно результативным исходом.

Психологическая теория играет особую роль в восприятии и понимании новых технологических процессов. В психологии появляется новый контекст, связанный с совершенствованием и расширением психологической теории с последующим внедрением инноваций в практику, также появляются новые разделы, связанные с такими направлениями исследований, как психология морали,

власти, статуса. К сожалению, позиция авторов анализируемой статьи в отношении высказанных нами соображений не полностью раскрыта и не совсем ясна. В психологии могут быть получены как позитивные, так и негативные результаты внедрения новых технологий в жизнь человека. Исследование психологической динамики в плане принятия и непринятия новых технологических инноваций может стать отдельным, достаточно интересным и важным разделом научного поиска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Жалагина Т.А.*, *Короткина Е.Д.* Глобальная психология: от истории к перспективам развития // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 3. С. 119–123.
2. *Журавлев А.Л.*, *Нестик Т.А.* Психологические факторы негативного отношения к новым технологиям // Психологический журнал. 2016. Т. 37. № 6. С. 5–14.
3. *Журавлев А.Л.*, *Нестик Т.А.* Социально-психологические последствия внедрения новых технологий: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40. № 5. С. 35–47.
4. *Журавлев А.Л.*, *Харламенкова Н.Е.* Современные представления о личностном развитии и преемственность идей динамического подхода Л.И. Анцыферовой // Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология. 2016. Т. 1. № 4. С. 61–73.
5. *Нестик Т.А.* Конструирование коллективного образа будущего в условиях неопределенности // Mobilis in mobile: личность в эпоху перемен / Под ред. А.Г. Асмолова. М.: Издательский дом ЯСК, 2018. С. 213–225.
6. *Нестик Т.А.*, *Журавлев А.Л.* Социально-психологическая детерминация готовности личности к использованию новых технологий // Психологический журнал. 2018. Т. 39. № 5. С. 5–14.
7. *Нестик Т.А.*, *Журавлев А.Л.*, *Юревич А.В.* Цифровая революция и будущее психологии: к прогнозу развития психологической науки и практики // Социальная и экономическая психология. 2018. Т. 3. № 1 (9). С. 6–19.
8. *Энгелер Б.* На пути к перспективному проектированию // Design Journal. 2017. V. 20 (Sup. 1). S4591–S4599. DOI: 10.1080/14606925.2017.1352956.
9. *Von Stackelberg P.*, *McDowell A.* What in the World? Storyworlds, Science Fiction, and Futures Studies // Journal of Futures Studies. 2015. V. 20 (2). P. 25–46.

TECHNOLOGICAL INNOVATION IN THE PROCESS OF SOCIAL DEVELOPMENT: FROM PROS AND CONS TO CONSENSUS

T. A. Zhalagina

FSBEI "Tver State University";
170100, *Tver*, *Zhelyabova str.*, *33*, *Russia*.
Doctor of Psychology, *Professor*, *Head of the Department of Labor Psychology and Clinical Psychology*.
E-mail: *zhalagina54@mail.ru*

Received 19.10.2020

Abstract. The article is devoted to the discussion of socio-psychological consequences of the introduction of new technologies into the system of social development on the basis of the principle of multilevel organization of mutual activity. Both positive and negative results of this process are analyzed taking into consideration the changes on 6 levels of social-psychological analyses. The article presents psychological principles and approaches as a scientific background. The conclusion is made that it is necessary to conduct longitudinal research using a variety of scientific and psychological tools.

Keywords: new technologies, socio-psychological consequences, research directions, artificial intelligence, technological optimism, social pessimism, level changes, digital technologies.

REFERENCES

1. *Zhalagina T.A.*, *Korotkina E.D.* Global'naya psihologiya: ot istorii k perspektivam razvitiya. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 3. P. 119–123. (In Russian)
2. *Zhuravlev A.L.*, *Nestik T.A.* Psihologicheskie faktory negativnogo otnosheniya k novym tekhnologiyam. Psikhologicheskii zhurnal. 2016. V. 37. № 6. P. 5–14. (In Russian)
3. *Zhuravlev A.L.*, *Nestik T.A.*, *Yurevich A.V.* Social'no-psihologicheskie posledstviya vnedreniya novyh tekhnologij:

perspektivnye napravleniya issledovanij. Psikhologicheskii zhurnal. 2019. V. 40. № 5. P. 35–47. (In Russian)

4. *Zhuravlev A.L.*, *Harlamenkova N.E.* Sovremennye predstavleniya o lichnostnom razvitii i preemstvennost' idej dinamicheskogo podhoda L.I. Ancyferovoj. Institut psihologii RAN. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2016. V. 1. № 4. P. 61–73. (In Russian)
5. *Nestik T.A.* Konstruirovanie kollektivnogo obraza budushchego v usloviyah neopredelennosti. Mobilis in mobile: lichnost' v epohu peremen. Ed. A.G. Asmolova. Moscow: Izdatel'skij dom YASK, 2018. P. 213–225. (In Russian)
6. *Nestik T.A.*, *Zhuravlev A.L.* Social'no-psihologicheskaya determinaciya gotovnosti lichnosti k ispol'zovaniyu novyh tekhnologij. Psikhologicheskii zhurnal. 2018. V. 39. № 5. P. 5–14. (In Russian)
7. *Nestik T.A.*, *Zhuravlev A.L.*, *Yurevich A.V.* Cifrovaya revolyuciya i budushchee psihologii: k prognozu razvitiya psihologicheskoj nauki i praktiki. Social'naya i ekonomicheskaya psihologiya. 2018. V. 3. № 1 (9). P. 6–19. (In Russian)
8. *Engeler B.* Na puti k perspektivnomu proektirovaniyu. Design Journal. 2017. V. 20 (Sup. 1). S4591–S4599. DOI: 10.1080/14606925.2017.1352956.
9. *Von Stackelberg P.*, *McDowell A.* What in the World? Storyworlds, Science Fiction, and Futures Studies. Journal of Futures Studies. 2015. V. 20 (2). P. 25–46.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 127–130

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 159.9:061.2/.3

II МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО КОНСУЛЬТАТИВНОЙ ПСИХОЛОГИИ И ПСИХОТЕРАПИИ ПАМЯТИ Ф. Е. ВАСИЛЮКА

© 2021 г. Т. Д. Карягина[1,2,*], Н. В. Кисельникова[2,], А. Н. Молостова[1,***], Е. В. Шерягина[1,****]**

[1]ФГБОУ ВО "Московский государственный психолого-педагогический университет"; 127051, г. Москва, ул. Сретенка, д. 29, Россия.

[2]ФГБНУ "Психологический институт РАО"; 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9, стр. 4, Россия.

[*]Кандидат психологических наук, доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета консультативной и клинической психологии, руководитель магистерской программы "Консультативная психология", старший научный сотрудник лаборатории консультативной психологии и психотерапии.

E-mail: kartan18@rambler.ru

[**]Кандидат психологических наук, доцент, заместитель директора по научно-организационному развитию, заведующая лабораторией консультативной психологии и психотерапии.

E-mail: nv_psy@mail.ru

[***]Кандидат психологических наук, доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета консультативной и клинической психологии.

E-mail: molostova.psychotherapy@yandex.ru

[****]Доцент кафедры индивидуальной и групповой психотерапии факультета консультативной и клинической психологии.

E-mail: sheryagina@gmail.com

Поступила 21.12.2020

Аннотация. II Международная конференция "Консультативная психология: вызовы практики" состоялась 5–7 ноября 2020 г. Она была посвящена памяти Федора Ефимовича Василюка — ключевой фигуры в отечественной консультативной психологии и психотерапии. Конференция была организована Психологическим институтом РАО, факультетом консультативной и клинической психологии МГППУ и проходила в онлайн-формате. Центральная идея конференции — продвижение российского консультативного сообщества на пути преодоления схизиса психологической науки и практики.

Ключевые слова: конференция, психология, психотерапия, консультативная психология.

DOI: 10.31857/S020595920014221-9

Центральные вопросы конференции в свое время были сформулированы самим Федором Ефимовичем в статье "Культурно-антропологические условия возможности психотерапевтического опыта": «...хочется порой посмотреть со стороны на современную психотерапию и задать ей... вопросы: "На чем стоишь?" (какова та культурная почва, на которой вырастает психотерапия?), "Что продаешь?" (что психотерапия дает культуре, какова ее культурная функция?)».

В **пленарных докладах** выступающие сосредоточились на осмыслении вызовов нашего времени: *А.Б. Холмогорова* "Переживание коллективной травмы пандемии: попытка осмысления", *Д.А. Леонтьев* "Изменение", *А.Г. Асмолов* "Понимающая психотерапия Ф.Е. Василюка как ответ на кризис доверия". Проблемы психотерапии как доказательной практики и научного статуса психологии поднималась в докладах *С.М. Бабина* "Доказательная психотерапия: pro et contra", *М.В. Александровой-Хауэлл* "Представление российских студентов о научном статусе психологии".

В работе **круглого стола "Человек на пересечении социальных практик: онтология и антропология"** (ведущий *А.Н. Кричевец*) проявился характерный для научного стиля Ф.Е. Василюка полифонический характер обсуждения. Философ и феноменолог Н.А. Артеменко, филолог и культуролог

С.Б. Адоньева, социолог и журналист П. Аронсон, психолог Н.П. Бусыгина поделились своими взглядами на изменения, которые произошли за последние годы в социальных практиках, на изменения субъектов этих практик. Обсуждение актуального состояния консультирования и психотерапии продолжилось на **круглом столе "Человек в психологической практике: новые правила игры"** (ведущие *В.В. Архангельская*, *Н.В. Кисельникова*, *М.А. Чумакова*). Психологи и психотерапевты Е.Т. Соколова, А.И. Сосланд, Н.П. Бусыгина, Е.Л. Михайлова, Г.Л. Будинайте, Н.В. Клюева обсуждали, какие изменения претерпевают консультирование и психотерапия в настоящее время, каково будущее этих практик.

В своих выступлениях многие авторы обращались к идеям Ф.Е. Василюка. Именно об этом, а также о перспективах развития теории Федора Ефимовича говорили участники секции **"Научное наследие Ф.Е. Василюка"** (руководители *В.В. Архангельская*, *Т.Д. Карягина*). В докладе В.В. Архангельской, Т.Д. Карягиной были представлены основные векторы развития теории сознания и переживания Ф.Е. Василюка как теории психотехнической, общепсихологической и общетерапевтической. Н.П. Бусыгина осветила методологическую специфику подхода Ф.Е. Василюка к религиозному опыту и общенаучные перспективы такого подхода. Е.В. Шерягина представила результаты пилотажного исследования возможностей работы с паническими атаками в рамках понимающей психотерапии. В докладе А.М. Федосеевой был поставлен вопрос об критериях продуктивности переживания, адекватных практике.

Вспомнить Федора Ефимовича персонально, оживить личные истории, связанные с его участием, могли все, кто присутствовал на **вечере памяти "Однажды мы с Василюком"**, на котором присутствовало более 100 человек из разных точек мира, из разных точек жизни Федора Ефимовича.

Второй день конференции продолжился в работе 12 секций, были представлены стендовые доклады.

На секции **"Детская и семейная психотерапия"** (руководители *Е.В. Филиппова*, *Н.Б. Кедрова*) выступили: А.Л. Венгер — о применении принципов культурно-исторического подхода в психолого-педагогическом консультировании; А.Я. Варга, Л.Г. Жукова — об исследовании дискурсов о детях и домашних питомцах в семьях, усыновивших ребенка или взявших животное из приюта; Е.Ю. Чеботарева, А.Н. Самойловская — об особенностях отношения к приемным детям; О.Г. Калина — о возможностях психоаналитической работы с детьми онлайн; Г.Л. Будинайте — об отношении подростков к родителям в ситуации завершенного и незавершенного развода.

На секции **"Кризисное консультирование"** ее руководитель *А.Л. Венгер* остановился на специфике данного направления и его отличии от других видов психологической помощи. Е.И. Морозова обсуждала помощь семье в кризисе, Т.В. Свиридова — помощь семье ребенка с COVID в инфекционном стационаре. С.Ю. Цапина представила доклад о помощи семье ребенка с тяжелыми нарушениями развития.

В секции **"Группа как пространство терапевтических возможностей"** (руководитель *А.Н. Молостова*) принципы проведения групп онлайн были представлены в докладе В.Ю. Меновщикова. Нейронаучный подход к анализу значения межличностных отношений в группе рассматривался в докладе О.Р. Добрушиной. В докладе А.Н. Молостовой были представлены исследования значения групповых процессов с точки зрения оценки участниками эффективности работы в группе. И.В. Пышинска сделала доклад об отношениях участников группы в супервизорской практике. О метафорической типологизации психологических групп рассказал И.В. Вачков.

На секции **"Формы и методы профессионального развития психолога-практика"** (руководитель *Е.В. Шерягина*) А.В. Зинченко поднял тему получения супервизорства от пациента, И.Ю. Хамитова рассказала об особенностях супервизии на различных стадиях развития профессиональной идентичности. В докладе Г.Б. Гориной были представлены результаты исследования долгосрочной интервизорской группы. История создания, возможности и ограничения авторской модели полифонической супервизии Ф.Е. Василюка рассматривались в докладе Е.В. Шерягиной.

Под руководством *В.К. Зарецкого* проходила секция **"Психолого-педагогическое консультирование и современное образование"**. В докладе В.К. Зарецкого, О.В. Глуховой был представлен опыт обучения шахматам в школе с опорой на рефлексивно-деятельностный подход (РДП). Возможности сотрудничества консультанта, использующего средства РДП, и клиента-подростка, преодолевающего зависимость от ПАВ, рассматривались в докладе М.М. Гордон, О.А. Родионова, В.С. Чекмаревой, Д.А. Шайдуллина. Проблема совмещения разных позиций (экспертной, консультативной, клинической) в условиях оказания помощи детям с трудностями в обучении поднималась в докладе П.В. Маслова. Представления о жизненном мире школьного психолога с опорой на теорию понимающей

психотерапии Ф.Е. Василюка были рассмотрены в докладе М.В. Пискуновой-Смирных.

На секции **“Интернет и психическое здоровье”** (руководители *А.Б. Холмогорова* и *В.Л. Малыгин*) выступили: В.Л. Малыгин — об особенностях социально-психологической адаптации интернет-зависимых подростков и подростков, зависимых от каннабиноидов; Ю.А. Меркурьева — о нейропсихологических нарушениях у подростков с интернет-зависимостью; Л.О. Пережогин — о последствиях виртуального насилия; А.А. Герасимова, А.Б. Холмогорова — о проблемном пользовании Интернетом у девушек подросткового и юношеского возрастов во время пандемии; Г.В. Солдатова, С. Илюхина — об особенностях аутодеструктивного поведения подростков и молодежи в Сети; Е.Ю. Казаринова, А.Б. Холмогорова — о связи предпочитаемого контента в Интернете и социальной тревожности в подростковом и юношеском возрастах.

На секции **“Искусство-терапия: проблемы науки и практики”** (руководители *А.В. Торопова*, *А.И. Копытин*) А.И. Копытиным был представлен анализ межпредметных связей и отношений арт-терапии с консультативной психологией и психотерапией. В докладе В.В. Сидоровой освещалось использование традиционных арт-форм в контексте современной интермодальной терапии экспрессивными искусствами. И.Е. Сироткина представила сообщение о рефлексии телесно-двигательных практик в эпоху пандемии и дистанционного взаимодействия. В. Мастнак изложил новую модель музыкального консультирования. Доклад А.В. Тороповой был посвящен интонированному переживанию с позиций антропопрактики и психотехники музыкальной терапии.

В рамках секции **“Консультативная практика как предмет психологического исследования”** (руководители *Н.В. Кисельникова*, *М.А. Чумакова*) М.А. Гулина рассказала о проверке надежности тематического анализа при консультировании в условиях COVID карантина. Н.В. Кисельникова представила результаты изучения экспертности психотерапевтов с разным стажем при анализе клиентских проблем. Доклад М.А. Чумаковой был посвящен исследованию изменений отношения к неопределенности в процессе прохождения гештальт-терапии. А.Ю. Болтова проанализировала особенности социальных представлений об образе консультирующего психолога в межпоколенческом аспекте. Т.П. Гаврилова, А.С. Селезнева рассказали о рисках и ответственности субъектов помогающего поведения в условиях самоизоляции.

Под руководством *Н.В. Клюевой* прошла секция **“Консультативное образование: модели подготовки специалистов”.** Д.Г. Сороков осветил ключевые моменты трансформации смысловых оснований и антропологических рисков в подготовке психологов-консультантов. Н.В. Клюева подняла вопрос о методах этического образования психологов-консультантов. Л.Г. Жедунова рассмотрела роль супервизии в подготовке психологов-консультантов. Н.А. Власов обсудил с участниками конференции актуальные проблемы подготовки студентов-психологов в области краткосрочного психологического консультирования и психотерапии. В докладе Е.Н. Корневой поднимались проблемы профессиональной подготовки будущих психологов-практиков с позицией научения и переживания. М.И. Фаерман рассказал об особенностях использования трансформационной игры как учебной психотехнологии.

На секции **“Осмысление психотерапии и консультирования: метавзгляд”** (руководители *А.И. Сосланд*, *Е.С. Мазаева*) были представлены доклады, освещающие эволюцию психотерапевтических методов в когнитивно-поведенческой психотерапии депрессии (О.Д. Пуговкина), в психоанализе — от выявления вытесненного к анализу переноса (М.А. Исаев). Е.Е. Сапогова подняла вопрос онтологии консультирования. А.И. Сосланд в своем докладе обобщил представления различных психотерапевтических подходов о проявлении личности “вовне”. В.И. Майстренко остановился на вопросах трудности формирования идентичности психолога-консультанта.

В третий день конференции опытом работы в разных направлениях консультирования и психотерапии делились ведущие 14 мастер-классов.

Несмотря на вынужденный онлайн-формат проведения конференции, он позволил значительно расширить как количество участников (более 1000 человек), так и их географию (не только российскую, но и зарубежную).

Подводя итоги конференции, можно оценить общий смысл выступлений и дискуссий как продвижение российского консультативного сообщества на пути преодоления схизиса психологической науки и практики. Характер обсуждений и отзывы участников подтверждают, что отечественная психологическая практика все больше осознает потребность в полноценной научной обоснованности и обращается в поисках такой основы к консультативной психологии как прикладной для практики науке.

Материалы конференции доступны на сайте http://hbdjb.tilda.ws/kppconference#rec210432060

II INTERNATIONAL CONFERENCE ON CONSULTATIVE PSYCHOLOGY AND PSYCHOTHERAPY IN MEMORY OF F. E. VASILYUK

T. D. Karyagina[1,2,*], N. V. Kiselnikova[2,], A. N. Molostova[1,***], E. V. Sheryagina[1,****]**

[1]Moscow State University of Psychology and Education;
127051, Moscow, Sretenka str., 29, Russia.
[2]FBSSI "Psychological Institute of Russian Academy of Education";
125009, Moscow, Mokhovaya str., 9–4, Russia.
[*]PhD (Psychology), Senior Researcher at the Laboratory of Counseling Psychology and Psychotherapy, Faculty of Counseling and Clinical Psychology.
E-mail: kartan18@rambler.ru
[**]PhD in Psychology, Deputy Director, Head of Laboratory of Counseling Psychology and Psychotherapy.
E-mail: nv_psy@mail.ru
[***]PhD in Psychology, Associate Professor, Chair of Individual and Group Psychotherapy, Faculty of Counseling and Clinical Psychology.
E-mail: Molostova.psychotherapy@yandex.ru
[****]Associate Professor, Chair of Individual and Group Psychotherapy, Faculty of Counseling and Clinical Psychology.
E-mail: sheryagina@gmail.com

Received 22.12.2020

Abstract. From November 5 to 7, a conference was held in memory of Fyodor E. Vasilyuk. It was dedicated to the memory of Fyodor Efimovich Vasilyuk, who was a key figure in Russian counseling psychology and psychotherapy. The conference was organized by the Psychological Institute of the Russian Academy of Education and Moscow State University of Psychology and Education (the Faculty of Consultative and Clinical Psychology), and took place in an online format. The central idea of the conference was to promote the Russian consultative community on the way to overcoming the schism of psychological science and practice.

Keywords: conference, psychology, psychotherapy, counseling psychology.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 131–134

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 159.9:061.2/.3

СУБЪЕКТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЦИФРОВОМУ МИРУ

(по материалам Международной научно-практической конференции “Актуальные проблемы практической и прикладной психологии в современной социокультурной ситуации”)

© 2021 г. О. В. Кожевникова*, В. Ю. Хотинец**

Удмуртский государственный университет;
426008, г. Ижевск, ул. Университетская, д. 1, Россия.
**Кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии.*
E-mail: oxana.kozhevnikova@gmail.com
***Доктор психологических наук, профессор, заведующая кафедрой общей психологии.*
E-mail: khotinets@mail.ru

Поступила 07.01.2021

Аннотация. Приведены итоги обсуждения вопросов, представленных на Международной научно-практической конференции “Актуальные проблемы практической и прикладной психологии в современной социокультурной ситуации” (30 ноября — 3 декабря 2020 г.), организованной Удмуртским государственным университетом (г. Ижевск). В докладах освящались проблемы, связанные с использованием новых цифровых технологий и онлайн-рисками в профессиональной деятельности психологов и образовательной системе. По результатам конференции отмечено, что применение ИКТ-технологий в деятельности психолога открывает новые возможности, обогащая поле профессиональной рефлексии дополнительными смыслами и расширяя границы собственного Я. Признается, что первичный прием, базовая диагностика, психологическая превенция с помощью искусственного интеллекта будут облегчать профессиональную деятельность психолога-практика. Актуальной становится проблема психологических эффектов применения цифровых технологий в образовательном процессе и результатах системы образования, связанных с субъектным потенциалом выпускника. Перспективными становятся трансдисциплинарные исследования эффективности новых организационно-педагогических условий с вариативностью использования различных организационных форм обучения (аудиторной, дистанционной, онлайн и др.) в согласовании с новыми психологическими возможностями обучающихся. Необходимость проведения конференции наряду с обсуждением фундаментальных вопросов психологии *связана с привлечением внимания власти к проблеме психологической превенции суицидального поведения в регионе*.

Ключевые слова: международная конференция, цифровые технологии в психологии, превенция суицидального поведения, перспективные направления.

DOI: 10.31857/S020595920014222-0

30 ноября — 3 декабря 2020 г. была проведена Международная научно-практическая конференция “Актуальные проблемы практической и прикладной психологии в современной социокультурной ситуации” в онлайн-формате, организатором которой выступил Удмуртский государственный университет (г. Ижевск) при поддержке Министерства образования и науки Удмуртской Республики и Российского психологического общества. Целью конференции стала консолидация отечественных и зарубежных ученых, практикующих психологов в обсуждении вопросов, касающихся социально-психологических эффектов и возможных последствий внедрения новых цифровых технологий в повседневную жизнь общества, факторов, учет которых необходим при столкновении с онлайн-рисками субъектов образовательной и профессиональной деятельности.

В конференции приняли участие более 120 специалистов из Российской Федерации, Соединенных Штатов Америки, Мальты, Кении, Латвии, Турции, представляющих учебно-образовательные и научно-исследовательские учреждения, центры

психологической поддержки и оказания психолого-педагогической помощи населению.

На **первом симпозиуме** были представлены доклады по вопросам о преимущественных возможностях использования современных цифровых технологий и их ограничениях в деятельности практического психолога. *Е.В. Левченко* (*Пермь*, *Россия*) продемонстрировала возможность реконструкции внутреннего мира клиента по результатам применения метода интроспекции; *А.С. Сунцова* (*Ижевск*, *Россия*) описала этапы проведения когнитивно-поведенческой психотерапии в онлайн-формате; *Л.А. Зайцева* (*Ростов-на-Дону*, *Россия*) представила методологические стратегии работы психолога с обучающими и терапевтическими группами в дистанционной форме; *К.Ю. Строкова* (*Ижевск*, *Россия*) предложила ряд рекомендаций для создания безопасной и доверительной среды в условиях опосредованного (часто технически неустойчивого) контакта консультанта с клиентом; *О.В. Яковлева* (*Ижевск*, *Россия*) представила обучающую онлайн-программу сопровождения психологов в работе с клиентами; *С.А. Вьюжанина* (*Ижевск*, *Россия*) ознакомила с результатами исследования уровня субъективной удовлетворенности проведением консультаций в онлайн- и офлайн-формате у практикующих психологов с разным стажем консультативной работы.

На **втором симпозиуме** обсуждались проблемы эффектов и возможных последствий цифровых образовательных технологий и технологий искусственного интеллекта в компетентностном становлении растущего человека и роли инновационной среды в развитии конкурентоспособной личности. *Л. Шелваха* (*Рига*, *Латвия*) продемонстрировала эффективность стратегий дизайн-мышления в образовательном процессе для поддержания субъективного благополучия иностранных студентов в период карантинных ограничений; *А.П. Глухов* (*Томск*, *Россия*) представил результаты концептуализации социально-сетевой цифровой грамотности, инкорпорированной в корпус цифровых компетенций молодежи, и возможности использования разработанной модели в дистанционном обучении; *В.Ю. Хотинец*, *Д.С. Медведева* (*Ижевск*, *Россия*) доказали эффективность развития речемыслительной деятельности младших школьников-билингвов с применением технологии Edutainment; *А.М. Лесин* (*Рязань*, *Россия*) рассмотрел ценностные детерминанты карьерных устремлений современной молодежи, готовой к неопределенности и выбору в условиях новой реальности; *Э. Долгунсез* (*Байбурт*, *Турция*) продемонстрировал результаты изменения визуального контекста учебных материалов для изучения английского языка студентами-мусульманами; *И. Саитадзе* (*Нью-Йорк*, *США*) обратила внимание на социально-психологические факторы когнитивного и эмоционального развития американских детей, живущих в неблагополучных условиях; *Д. Ауте* (*Какамега*, *Кения*) объяснила связь между формой занятости родителей и их привязанностью к детям.

Третий симпозиум был посвящен проблемам психического здоровья и саморегуляции состояний в ограничительных условиях жизнедеятельности, в частности, в ситуации с пандемией, вынужденно приведшей к частичному или полному переходу на дистанционные формы образовательной и профессиональной деятельности. *А. Ставицкая* (*Рига*, *Латвия*) проанализировала, каким образом неверное толкование устойчивых вербальных конструктов, связанных с описанием реалий карантинного периода, может воздействовать на субъективное благополучие иностранных студентов, продолживших очное обучение по обменной программе; *О.Е. Мухордова* (*Ижевск*, *Россия*) сконцентрировалась на анализе психических состояний школьников в период вынужденной самоизоляции; *А. Сорбаро* (*Калькара*, *Мальта*) обратил внимание на актуальные эмоциональные переживания учащихся, приводящие к изменению их образовательных отношений, вплоть до ухода из учебного заведения; *А.И. Мелехин* (*Москва*, *Россия*) представил результаты эмпирического исследования нарушений сна во время пандемического кризиса COVID-19 в России в сравнении с европейскими странами; *М. Лалаянтс* (*Нью-Йорк*, *США*) обозначила предикторы психических расстройств и употребления психоактивных веществ современными подростками; *Н.Г. Токарева* (*Саранск*, *Россия*) проанализировала особенности эмоционального реагирования больных эпилепсией в рамках социальной адаптации; *Г.Л. Протопопова* и *А.А. Баранов* (*Ижевск*, *Россия*) описали доминирующие эмоциональные маркеры переживания личностью критической жизненной ситуации.

В рамках студенческой секции было представлено 15 видеодокладов (https://vk.com/interstud2020), своевременность и значимость проблематики которых отразились в полемических суждениях участников конференции. Большой отклик у психологов-практиков и студентов получили мастер-классы, в ходе проведения которых были представлены эффективные технологии и техники психологического консультирования и психотерапии с возможностью проведения в онлайн-формате, рассмотрены продуктивные стратегии продвижения психологических услуг в Интернете. Неподдельный

интерес слушателей конференции вызвала возможность в удаленном доступе пообщаться с режиссером *Ольгой Львовой* (США), представившей свой документальный фильм "Людно внутри" ("Busy Inside") (2019) о психотерапевте, специализирующемся на лечении диссоциативного расстройства идентичности (известного как множественное расстройство личности), связанного с историей жестокого обращения в детском возрасте.

Значимые содержательные итоги конференции по результатам работы симпозиумов можно выразить в трех обобщениях, раскрывающих перспективные направления в сфере научной и профессиональной деятельности психолога.

Первое. Применение ИКТ-технологий в деятельности психолога открывает новые возможности, обогащая поле профессиональной рефлексии дополнительными смыслами, расширяя границы собственного Я с осознанием того, как воспринимаешься ты другими. Различные форматы общения и взаимодействия (мессенджеры, видеоконференции), обеспечивающие конфиденциальность, бесконтактная психодиагностика, сбор и хранение необходимой информации, цифровые помощники и разнообразные мобильные приложения, контролирующие содержание и состояния внутреннего мира человека, безусловно, способствуют эффективности деятельности практического психолога. Надо полагать, что искусственный интеллект, позволяющий быстро и дифференцированно распознавать внутренний мир человека, в перспективе изменит профессиональные алгоритмы работы психолога-консультанта.

Второе. Цифровой мир и дополненная реальность, обеспеченная искусственным интеллектом, требуют иначе рассматривать социальную ситуацию развития растущего человека, разворачивающую другие траектории и пути становления качественно новых психических функций и психологических качеств, моделей поведения, операционально иных способов деятельности. Актуальной становится проблема психологических эффектов применения цифровых технологий в образовательном процессе и результатах системы образования, связанных с субъектным потенциалом выпускника.

Третье. В новой реальности интернет-боты, компьютерные программы и мобильные приложения психологической самопомощи обучают человека регулировать свой внутренний мир, совладать с трудными жизненными ситуациями и переносить полученный опыт произвольной саморегуляции и "наученных" копинг-стратегий в свою реальную жизнедеятельность. В силу этого профессиональная деятельность "живого" психолога начинается тогда, когда человек явно осознает потребность в человеческих отношениях и человеческой помощи со стороны специалиста, могущего переживать вместе и глубоко сострадать. Признается, что первичный прием, базовая диагностика, психологическая превенция с помощью искусственного интеллекта будут облегчать профессиональную деятельность психолога-практика.

В системе образования педагогические технологии, сочетающие различные организационные формы обучения (аудиторное, дистанционное, онлайн и др.) с перманентным доступом к знаниям и необходимой информации, расширяют диверсификационные возможности образования для удовлетворения разнообразных образовательных потребностей обучающихся. В связи с этим перспективными становятся трансдисциплинарные исследования эффективности новых организационно-педагогических условий в согласовании с новыми психологическими возможностями обучающихся.

Отмечена необходимость и целесообразность регулярного проведения конференции с целью освещения ключевых проблем и современных методологических стратегий фундаментальной и практической психологии в психологическом сообществе, активизации сотрудничества с зарубежными коллегами в реализации совместных научных и образовательных проектов, популяризации современной психологической науки и психологических услуг в массмедиа, привлечения внимания региональной власти к проблемам превенции суицидального поведения. Работа конференции освещалась на сайте Удмуртского государственного университета и в группе в социальной сети ВКонтакте https://vk.com/interconf2020, по итогам опубликован сборник тезисов [1], включенный в РИНЦ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Актуальные проблемы практической и прикладной психологии в современной социокультурной ситуации. Сборник тезисов: Материалы Международной научно-практической конференции "Актуальные проблемы практической и прикладной психологии в современной социокультурной ситуации" / Под ред. В.Ю. Хотинец, О.В. Кожевниковой. Ижевск: Издательский центр "Удмуртский университет", 2020.

THE SUBJECT OF ACTIVITY IN SITUATION OF TRANSITION TO DIGITAL WORLD (Based on the Materials of International Scientific and Practical Conference "Actual Problems of Practical and Applied Psychology in the Current Socio-Cultural Situation")

O. V. Kozhevnikova*, V. Yu. Khotinets**

Udmurt State University;
426008, *Izhevsk*, *Universitetskaya str.*, *1*, *Russia*.
**PhD* (*Psychology*), *Associate Professor*, *General Psychology Chair*;
E-mail: *oxana.kozhevnikova@gmail.com*
***ScD* (*Psychology*), *Professor*, *Head of General Psychology Chair*;
E-mail: *khotinets@mail.ru*

Received 07.01.2021

Abstract. The outcomes of the discussion of issues presented at International Scientific and Practical Conference "Actual problems of practical and Applied Psychology in the modern socio-cultural situation" (November 30 — December 3, 2020), organized by the Udmurt State University (Izhevsk) are presented in the article. The reports highlighted the problems associated with the use of new digital technologies and online risks in psychologists' professional activities and in educational system. According to the results of the conference it was noted that the use of ICT technologies in psychologist's work opens up new opportunities enriching the field of professional reflection with additional meanings and expanding the boundaries of one's own Self. It is recognized that primary reception, basic diagnosis and psychological prevention by means of artificial intelligence will facilitate professional activity of practical psychologists. The problem of psychological effects of digital technologies' application in educational process and the results of education system related to the subjective potential of the graduate becomes relevant. Transdisciplinary studies of the effectiveness of new organizational and pedagogical conditions with variability in use of various organizational forms of training (classroom, distance, online, etc.) in the accordance with new psychological capabilities of students are becoming promising. The need for the conference along with the discussion of fundamental issues of psychology *is connected with drawing the authorities' attention to the problem of psychological prevention of suicidal behavior in the region*.

Keywords: international conference, digital technologies in psychology, prevention of suicidal behavior, promising directions.

REFERENCES

1. Aktual'nye problemy prakticheskoj i prikladnoj psihologii v sovremennoj sociokul'turnoj situacii. Sbornik tezisov: Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii "Aktual'nye problemy prakticheskoj i prikladnoj psihologii v sovremennoj sociokul'turnoj situacii". Ed. V.YU. Hotinec, O.V. Kozhevnikova. Izhevsk: Izdatel'skij centr "Udmurtskij universitet", 2020. (In Russian)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 135–138

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

VI ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ “В. М. БЕХТЕРЕВ И СОВРЕМЕННАЯ ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ”

Шестая Всероссийская научно-практическая конференция “В.М. Бехтерев и современная психология личности”, посвященная 135-летней годовщине создания первой в России психофизиологической лаборатории, прошла со 2 по 4 октября 2020 г. в онлайн-формате. Конференция была организована Институтом психологии и образования Казанского (Приволжского) федерального университета, Татарстанским отделением Российского психологического общества и Институтом психологии Российской академии наук.

В конференции приняли участие специалисты из Москвы, Санкт-Петербурга, Барселоны, Нижнего Новгорода, Челябинска, Курска, Екатеринбурга, Перми и Лесосибирска.

В рамках конференции были проведены пленарное заседание, секции “Методологические проблемы современной психологии личности”, “Психология развития личности”, “Проблема личности в современной клинической психологии”, “Современные подходы к психодиагностике и коррекции личностных особенностей и аномалий”, “Современные психолого-педагогические технологии в работе с личностью”, “Проблема личности в современной социальной психологии”, “Проблема личности в современной психологии труда и организационной психологии” и круглый стол “Личность и цифровая среда: пространство проблем или новых возможностей”. С приветственным словом от имени ректората К(П)ФУ к участникам конференции обратился директор Института психологии и образования Казанского федерального университета доктор исторических наук, профессор А.М. Калимуллин. От имени организаторов конференции выступили председатель организационного комитета, доктор психологических наук, профессор Л.М. Попов и и.о. заведующего кафедрой клинической психологии и психологии личности Казанского федерального университета, кандидат психологических наук Р.Н. Хакимзянов. Были отмечены огромный вклад, сделанный В.М. Бехтеревым в психологическую науку, значимость его наследия для разработки новых подходов к психологическим исследованиям и актуальность его идей на современном этапе развития психологической науки и практики.

На **пленарном заседании** было представлено семь докладов.

Л.М. Попов раскрыл проблему эволюции представлений о жизненный активности субъекта через призму различных аспектов ее проявления: энергетического, системно-функционального, культурно-исторического и когнитивно-поведенческого. Докладчик проследил историю представлений об активности как свойстве живого и обобщил в своем докладе представления таких ученых, как В.М. Бехтерев, И.П. Павлов, И.М. Сеченов, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн, П.К. Анохин и др. В докладе особое внимание отведено положениям В.М. Бехтерева об энергетической концепции активности. Источником активности, в соответствии с его взглядами, является энергия. Такой подход позволил ему рассматривать мир как целостность в единстве его физической картины мира, основанной на принципах мертвой материи, и картины мира с позиций живой матери. Источником активности живых существ является “психическая энергия” как результат переработки энергии, поступающей извне (солнечной, тепловой, продуктов питания и др.). Бехтерев предлагает рассматривать сознание в широком смысле — как функцию всех живых организмов, и в более узком — как функцию психики человека. Свою позицию В.М. Бехтерев основывал на идее о том, что некоторое состояние сознания присутствует даже в мельчайших частицах, которые проявляют самостоятельный выбор и внутреннюю переработку информации. Крайне важно, по словам докладчика, при постижении механизмов активности учитывать позицию П.К. Анохина не столько о взаимодействии, сколько о взаимосодействии всех внутренних сил и ресурсов организма для достижения значимой цели, что должно приниматься во внимание сторонниками деятельностного развития личности. Наконец, актуальным для сегодняшнего этапа развития психологии являются постановка вопроса и поиск методов о соединении аналитичности и целостности (П.К. Анохин), номотетичности и идиографичности (А.Р. Лурия). Положения, выдвинутые в докладе Л.М. Попова, представляют большую эвристическую ценность для планирования будущих исследований

человеческой активности в различных сферах жизнедеятельности.

А.О. Прохоров в пленарном докладе описал взаимоотношения между отдельными компонентами системы ментальной регуляции психических состояний. Докладчик отметил, что большинство исследователей признают многомерность, иерархичность системы Я и включают в нее широкий круг форм репрезентаций: представление о себе, эмоционально-ценностное соотношение, самооценку и др. В докладе отмечена слабая исследованность взаимоотношений системы Я и психических состояний. В докладе была высказана идея о том, что система Я является центральным звеном регуляции психических состояний. Данная гипотеза и идеи о взаимоотношениях между отдельными компонентами системы ментальной регуляции и психическими состояниями ждут своей проверки в экспериментальных исследованиях.

В.Д. Менделевич поднял важную проблему существования двух крайних подходов, отражающих представления ученых о детерминантах психической деятельности. Один из подходов, условно названный "нейроманией", предполагает абсолютное предпочтение, отдаваемое аппаратным методам исследования при игнорировании феноменов субъектных переживаний, внутреннего мира человека. "Нейрофобия", напротив, предполагает игнорирование процессов, происходящих в нервной системе как материальном субстрате психики, и использование только тех методов и методик, которые позволяют составить представление о субъективной реальности человека. Был сделан вывод об изначальной проблемности обоих подходов и необходимости найти срединный путь, учитывать данные, получаемые с помощью различных методов, методик и подходов к исследованию психики.

В докладе *Е.В. Куфтяк* были представлены результаты исследования соотношения типа привязанности с различными проявлениями психологического благополучия и неблагополучия в период ранней взрослости. Автором было показано, что характеристики привязанности, такие как уверенность в надежности значимого лица и страх близких отношений в период ранней взрослости, связаны со степенью психологического благополучия личности.

В докладе *Р.Ф. Сулейманова* были представлены результаты исследования взаимосвязи между типом нервной системы и музыкальными предпочтениями. Докладчик отметил, что лица со слабой нервной системой предпочитают спокойные жанры музыки (романс, духовная музыка), лица с более сильной нервной системой предпочитают более энергичную музыку (рок, рэп, клубная). Также им была описана следующая закономерность: при восприятии энергичной, агрессивной музыки наблюдается возбуждение по "внутреннему" балансу и торможение по "внешнему" (внешний признак — оцепенение), в то время как при восприятии относительно спокойной музыки наблюдается торможение по "внутреннему" балансу, а по "внешнему" — возбуждение, связанное с внешней эмоциональной реакцией (внешний признак — притопывание ногой в такт музыки, похлопывание руками).

Особый интерес вызвал доклад *К.Б. Зуева*, в котором он представил результаты библиометрического анализа наследия В.М. Бехтерева. В докладе была сформулирована проблема недостаточной представленности работ В.М. Бехтерева в англоязычных источниках. Доклад вызвал обсуждение, в результате которого были высказаны рекомендации о более частом цитировании работ В.М. Бехтерева отечественными исследователями в своих статьях, в том числе опубликованных на английском языке, и подготовке переводов работ В.М. Бехтерева на английский язык.

И.Р. Абитов в своем докладе представил результаты исследования суеверности и веры в паранормальное в различных группах населения (среди лиц с невротическими расстройствами, представителями разных возрастных групп). Также были представлены результаты исследования взаимосвязи суеверности и интернальности с показателями беспокойства в связи с различными стрессогенными факторами, воздействующими в период пандемии коронавирусной инфекции. В докладе было отмечено, что суеверность имеет трехкомпонентную структуру, которая включает в себя когнитивный, аффективно-мотивационный и поведенческий компоненты; суеверность можно рассматривать как частный случай отношения личности; она подвержена влиянию половозрастных, ситуативных, диспозиционных, социокультурных факторов; одной из функций суеверности является защитно-компенсаторная; суеверность может выступать в различные периоды жизни в качестве ресурса и препятствия при преодолении стрессовых ситуаций.

На конференции были представлены доклады, посвященные **психологическому реагированию населения на ситуацию пандемии COVID-19.** Доклад *А.И. Фукина* и *Е.Г. Самойловой* на секции "Проблема личности в современной клинической психологии" был посвящен различиям в реагировании на ситуацию пандемии людьми с высокими и низкими показателями психологической

устойчивости. В докладе, представленном на секции “Проблема личности в современной социальной психологии” коллективом исследователей из Екатеринбурга *О.В. Кружковой*, *И.А. Симоновой* и *И.В. Воробьевой* была описана динамика сюжетов граффити в период пандемии коронавирусной инфекции. На секции **“Проблема личности в современной психологии труда и организационной психологии”** большой интерес вызвал доклад *А.С. Кузнецовой*, в котором были представлены результаты исследования эффективности обучения приемам психологической саморегуляции в преодолении стресса дистанционной работы в период пандемии COVID-19. Автором было показано, что обучение приемам психологической саморегуляции дает выраженные положительные эффекты при преодолении стресса в связи с дистанционной работой в период пандемии.

На секции **“Методологические проблемы психологии личности”** центральным был доклад *Б.С. Алишева*, в котором была рассмотрена проблема содержания и меры значения при определении психологического значения различных объектов и явлений. Докладчик отметил, что субъективные шкалы измерения значений можно разделить на два типа: шкалы первого типа связаны с оценкой параметров среды, которые в принципе могут быть выражены в метрических единицах, шкалы же второго типа не могут быть выражены в метрических единицах.

На секциях **“Психология развития личности”** и **“Проблема личности в современной клинической психологии”** были представлены доклады *Г.А. Виленской*, *Е.А. Никитиной* и *Ю.В. Быховец*, раскрывающие проблему психологического реагирования на стресс болезни и оперативное вмешательство подростками, имеющими доброкачественные опухоли опорно-двигательного аппарата, и их матерями. Г.А. Виленская отметила, что представления ребенка и матери о болезни связаны с когнитивным функционированием ребенка. Так, у более импульсивных детей болезнь чаще ассоциируется с одиночеством, а у их матерей — с виной, у более ригидных детей и их матерей болезнь больше ассоциируется со страхом. В докладе Ю.В. Быховец отмечено, что интенсивность стресса у подростков до операции выше, чем после нее, в то время как выраженность материнского стресса не снижается после проведения операции ребенку. Е.А. Никитина отметила, что для девочек основным стрессогенным фактором выступает боль, а к факторам защиты относятся социальная поддержка и проблемно-ориентированный копинг матери, в то время как для мальчиков важнее выражение принятия со стороны матери, ее спокойное отношение к неудачам ребенка.

Большой интерес вызвал доклад *А.В. Москвиной* об орторексической личности, в котором была раскрыта данная категория и показана распространенность проявлений орторексии в российской выборке. В докладе о структуре контроля поведения юношей и девушек из полных и неполных семей *И.И. Ветрова* указала на дальнейшие перспективы исследования контроля поведения в данных группах. Было показано что отсутствие отца в семье оказывает большее влияние на развитие контроля поведения у юношей, также значение имеет возраст, в котором находился ребенок, когда семья стала неполной. *А.И. Барыкина* в своем докладе привлекла внимание к категории “служение”, которая использовалась В.М. Бехтеревым для описания специфики деятельности врачей. Было показано, что данная категория может быть успешно использована и получить свое содержательное наполнение при психологическом анализе деятельности специалистов помогающих профессий. Докладчик отметила, что служение можно рассматривать как звено бессмертия человеческой личности, частицу “мировой энергии” в энергетическом учении В.М. Бехтерева.

На секции **“Современные психолого-педагогические технологии в работе с личностью”** были представлены практикоориентированные доклады. Большой интерес вызвал доклад *Д.А. Кайдаловой* о возможностях применения ассоциативного эксперимента и айтрекинга для ранней диагностики зависимостей. Доклад *Р.В. Куприянова* и *Д.Р. Нугмановой* был посвящен разработанному ими опроснику, направленному на оценку уровня адаптации студентов к университетской среде. Авторы описывают методику, состоящую из четырех шкал в соответствии с четырьмя компонентами адаптационного процесса, и рассматривают возможности ее применения. В докладе *Н.А. Карповой* были показаны возможности использования семейной групповой психотерапии при работе с заиканием. Автор отмечает, что описанная в докладе комплексная система социореабилитации активизирует личностный потенциал участников и успешно применяется в работе с лицами с заиканием в ряде городов России. *А.А. Криулина* описала словесный автопортрет как метод самодиагностики и саморазвития в процессе личностного и профессионального становления бакалавра.

Доклад *М.Г. Юсупова* на секции **“Современные подходы к психодиагностике и коррекции личностных особенностей и аномалий”** был посвящен исследованиям познавательных психических состояний

и взаимосвязи их образа с индивидуально-психологическими свойствами человека. В докладе *Е.Ю. Дмитриевой* и *С.С. Демцуры* были проанализированы возможности использования различных VR-технологий в психологической практике.

На круглом столе **“Личность и цифровая среда: пространство проблем или новых возможностей”** обсуждались: возможности оценивать вовлеченность студентов в учебную деятельность в условиях цифрового образования (*К.И. Насибуллов*); связь профессиональных установок, которые транслируются в социальных сетях лидерами мнений, с представлениями подростков о своем будущем в профессии (*Е.В. Зиновьева*, *Е.А. Кузнецова*); предикторы интенсивности и навязчивости использования социальных сетей (*Д.С. Корниенко*, *Е.А. Горбушина*); особенности отражения проблем личности в аватаре пользователя интернет-сообщества (*Д.М. Рамендик*) и особенности проявления студентами эмпатии с помощью стикеров в процессе коммуникации в сети Интернет (*С.М. Гайдаренко*). В процессе обсуждения *И.Р. Абитовым* была описана четырехкомпонентная модель вовлеченности субъектов учебной деятельности в цифровой образовательной среде, включающая в себя когнитивный, эмоциональный, поведенческий и мотивационный компоненты.

На секции **“Проблема личности в современной социальной психологии”** коллектив исследователей *И.В. Воробьева*, *А.И. Матвеева* и *О.В. Кружкова* представили доклад по результатам анализа социальных сетей. Докладчики отметили, что екатеринбургская молодежь достаточно включена в городские проблемы, но настроена умеренно оппозиционно к действиям властей. Доклад *В.А. Степашкиной* и *К.В. Бурденевой* был посвящен проблеме гендерных стереотипов. Было отмечено, что причиной переживания психологического неблагополучия личности могут являться как жесткое следование гендерным требованиям общества, так и активная трансформация гендерной идентичности современных мужчин и женщин. В своем сообщении *А.Л. Журавлев* и *Д.А. Китова* представили результаты исследования эмоциональных реакций на распространение коронавирусной инфекции пользователей социальной сети Twitter. Было отмечено, что общий фон эмоциональной тональности сообщений можно определить как выраженное беспокойство, в то время как другие фоны, такие как “радость от противодействия инфекции”, страхи и паника, не свойственны общей эмоциональной оценке коронавирусной инфекции.

Конференция стала площадкой, на которой возможен обмен мнениями между представителями науки и практики. Были высказаны мнения о необходимости чаще обращаться к наследию В.М. Бехтерева, чаще цитировать его работы, в том числе в статьях для зарубежных изданий, и провести работу по переводу и изданию его работ на английском языке. Наличие докладов, посвященных методологическим проблемам психологии, таким как проблема психологического значения, проблема жизненной активности субъекта, и докладов, посвященных исследованию конкретных психических феноменов, таких как суеверность, или методикам психологической диагностики (в частности, диагностики уровня адаптации студентов к среде вуза) и коррекции (семейная и групповая логопсихотерапия), подтверждает широту охвата тем и разнообразию обсуждавшихся на конференции вопросов. Также обращает на себя внимание наличие докладов на такие темы, как психологическое реагирование на вызовы, связанные с пандемией коронавирусной инфекции, и психология человека в цифровой среде, что свидетельствует об актуальности вопросов, которые обсуждались на конференции и перспективности представленных исследований.

По результатам работы конференции был издан сборник статей объемом 28.25 печатного листа.

И.Р. Абитов,

кандидат психологических наук,
доцент кафедры клинической психологии
и психологии личности ИПиО К(П)ФУ, Казань.

E-mail: ildar-abitov@yandex.ru

Л.М. Попов,

доктор психологических наук,
профессор кафедры клинической психологии
и психологии личности ИПиО К(П)ФУ, Казань.

E-mail: leonid.popov@inbox.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 139–139

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПРЕЗИДИУМА РАН

Президиумом РАН принято решение о присуждении премии имени С.Л. Рубинштейна (№ 159 от 23 октября 2020 г.):

— доктору психологических наук *Мазилову Владимиру Александровичу*

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского);

— доктору психологических наук *Емельяновой Татьяне Петровне*

(Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт психологии Российской академии наук);

— доктору психологических наук *Мироненко Ирине Анатольевне*

(Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский государственный университет)

за серию научных работ по теме “Методология и история современной психологии”.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 140–141

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

ТАТЬЯНА ПЕТРОВНА ЕМЕЛЬЯНОВА

20 октября 2020 г. исполнилось 70 лет ведущему научному сотруднику лаборатории социальной и экономической психологии Института психологии РАН Татьяне Петровне Емельяновой. Коллектив лаборатории социальной и экономической психологии ИП РАН, сотрудники Института и редакция "Психологического журнала" сердечно поздравляют Татьяну Петровну с юбилеем!

Ее профессиональное становление началось в период обучения на факультете психологии Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, сразу после окончания 52-й московской математической школы. В 1973 г., завершив обучение в университете, Татьяна Петровна начала свою профессиональную деятельность в должности младшего научного сотрудника в Институте художественного воспитания АПН РСФСР. Затем ее склонность к научно-исследовательской деятельности получила развитие в аспирантуре МГУ им. М.В. Ломоносова. Именно здесь сформировался ее профессиональный интерес к изучению французской школы социальных представлений, который поддержали Г.М. Андреева и А.И. Донцов. Результаты проведенного ею исследования послужили основанием для написания кандидатской диссертации "Концепция социальных представлений в современной французской социальной психологии", защита которой состоялась на факультете психологии МГУ им. М.В. Ломоносова в 1985 г.

С 1985 по 2005 г. Т.П. Емельянова работала в Тверском государственном университете. В 1995 г. она организовала и возглавила кафедру социальной психологии, а в 1998 г. стала первым деканом открывшегося факультета психологии и социальной работы. За 20-летний период работы Татьяны Петровны в ТвГУ во многом благодаря ее организаторским способностям, широким научным интересам сформировалось не одно поколение профессиональных психологов — молодых ученых и практиков, были открыты новые направления научных и практикоориентированных исследований. Результатом научно-преподавательской деятельности Т.П. Емельяновой стали защиты ее учениками 9 кандидатских диссертаций.

В этот же период развернулось интенсивное международное сотрудничество Татьяны Петровны с крупными научными центрами Великобритании и Франции — университетами Киля, Бристоля, Хартфордшира и др. (Великобритания), с Домом наук о человеке (Париж, Франция). В 1994 и 1996 гг. Т.П. Емельянова стажировалась под руководством Сержа Московиси в лаборатории социальной психологии Дома наук о человеке. Она выступала с докладами на многочисленных зарубежных научных конференциях (Великобритания, Греция, Канада, Словакия, Франция). В 2002 г. в качестве приглашенного профессора преподавала курс социальной психологии в Университете Западной Бретани (Франция), а в 2006 г. выступила в Сорбонне (Париж-5) в качестве официального

оппонента на докторской защите Е. Пащенко-де Превиль “Понимание ответственности в России и Франции: изучение социальных представлений у российских и французских студентов”.

С 2005 г. научная деятельность Т.П. Емельяновой связана с Институтом психологии РАН, где она является ведущим научным сотрудником лаборатории социальной и экономической психологии. Обобщив результаты своих 20-летних исследований социальных представлений, Татьяна Петровна опубликована монографию “Конструирование социальных представлений в условиях трансформации российского общества”, предварившую успешную защиту ее докторской диссертации (2006 г.). Продолжение научных поисков в области концепции социальных представлений и макросоциальной психологии в целом нашло отражение в ее монографиях “Социальные представления: история, теория и эмпирические исследования” (2016 г.) и “Коллективная память о событиях отечественной истории: социально-психологический подход” (2018 г.). В первой из них традиционный структурный подход к анализу социальных представлений был существенно дополнен и теоретически обоснован авторским вкладом. Вторая монография не только стала свидетельством приоритета автора в актуализации самого феномена коллективной памяти, но и легла в основу еще одного нового научного направления современной отечественной социальной психологии.

Научная деятельность Т.П. Емельяновой не ограничена исследовательской деятельностью. Она является членом Ученого совета Института психологии РАН, диссертационных советов при Институте психологии РАН, Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, ННОУ “Московский гуманитарный университет”. Т.П. Емельянова — член редколлегии “Психологического журнала”, журнала “Институт психологии РАН. Социальная и экономическая психология”, эксперт государственных научных фондов РНФ и РФФИ.

Научная и педагогическая деятельность Т.П. Емельяновой отмечена государственными и ведомственными наградами — Почетной грамотой Министерства образования Российской федерации (2000 г.), нагрудным знаком “Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации” (2003 г.), Почетными грамотами РАН и ИП РАН. В 2020 г. Т.П. Емельянова стала лауреатом Премии РАН имени С.Л. Рубинштейна за выдающиеся научные работы в области психологии.

Поздравляя с юбилеем, мы рады выразить Татьяне Петровне искреннюю признательность и благодарность за многолетнее плодотворное сотрудничество в развитии отечественной психологической науки и пожелать ей творческого долголетия, благополучия, успехов в реализации планов и новых научных достижений!

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 142–143

* * *

ЧЕРНЫШЕВ АЛЕКСЕЙ СЕРГЕЕВИЧ

15 декабря 2020 г. ушел из жизни Алексей Сергеевич Чернышев, доктор психологических наук, профессор. Алексей Сергеевич родился 16 октября 1936 г. Он окончил в 1960 г. Курский государственный педагогический институт по специальности “Физика и основы производства”. Работал учителем и завучем в школах Курской области. С 1964 г. А.С. Чернышев посвятил себя научной и педагогической деятельности в alma mater, где трудился до своей безвременной кончины. Наряду с преподаванием психологии он занимался административной работой — был деканом, проректором по научной работе, заведующим кафедрой психологии.

Профессор А.С. Чернышев был ведущим ученым Курского государственного университета, его научные достижения признаны в российской и мировой психологии. Опубликовано более 300 научных и учебно-методических работ в нашей стране и за рубежом (16 монографий, 14 учебных пособий и др.). А.С. Чернышев успешно продолжил и принципиально развил традиции курской социально-психологической школы, заложенные в 1960-х годах его учителем профессором Л.И. Уманским. Им была разработана оригинальная концепция учебного (молодежного) коллектива, “ядром” которой является понятие организованности, а феномен организованности выступает как ведущий признак коллектива. Организованность в данной концепции рассматривается как системное свойство, проявляющееся как во внутригрупповых, так и межгрупповых отношениях. Последние годы своей жизни он работал над развитием параметрической теории малых групп и коллективов применительно к новым социально-экономическим условиям современной России. Им были разработаны и внедрены в практику социально-психологических исследований оригинальные методики “Арка”, “Групповой сенсомоторный интегратор” с приставками “Стрессор” и “Самоорганизация”, “Карта-схема психолого-педагогической характеристики группы”.

По инициативе и при непосредственном участии А.С. Чернышева в Курском государственном университете был открыт факультет педагогики и психологии, а в Курском государственном медицинском университете — факультет клинической психологии. Многие психологи региона с гордостью называют его своим Учителем. В течение 16 лет А.С. Чернышев руководил советом по защите кандидатских и докторских диссертаций по психологическим наукам в Курском государственном университете, был членом диссертационных советов в Институте психологии РАН, Московском гуманитарном университете, Киевском университете. Им подготовлено 27 кандидатов и 3 доктора наук, которые составляют ядро кафедры психологии Курского госуниверситета, работают в Курском государственном медицинском университете, Юго-Западном государственном университете, Брянском государственном университете, Воронежском государственном университете, Орловском

государственном университете, вузах Москвы, султаната Оман, Приднестровской Молдавской Республики.

Вместе с Л.И. Уманским он был организатором первой в нашей стране школы молодежных лидеров “Комсорг”, работавшей с 1961 г. В “Комсорге” была реализована его идея социального обучения молодежи, по своему содержанию являющегося видом социально-психологической помощи в условиях развивающей социальной среды (социального оазиса). С 1989 г. по инициативе А.С. Чернышева и под его непосредственным руководством созданы школьная психологическая служба Курской области, региональная система психологической помощи населению и психологические центры помощи подрастающему поколению — “Гармония”, “Монолит”, “Спасатель” и др. С 1989 по 1995 г. А.С. Чернышев был координатором союзно-республиканской программы “Дети Чернобыля” и федеральной программы “Помощь”.

А.С. Чернышев занимал видное место в профессиональном психологическом сообществе: 5 лет он был вице-президентом Общества психологов СССР; в течение 15 лет возглавлял комиссию по психологии при Министерстве образования РСФСР; был членом редакционного совета “Психологического журнала”, членом редакционных коллегий “Вестника практической психологии образования”, журнала “Организационная психология” НИУ ВШЭ, журнала “Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета”; возглавлял региональные отделения Российского психологического общества и Федерации психологов образования России. Научно-педагогическая деятельность А.С. Чернышева отмечена наградами: медалью “За трудовое отличие”, медалью К.Д. Ушинского, медалью “Ветеран труда”, знаком “Отличник народного просвещения РСФСР”, знаком “Отличник просвещения СССР”, Почетным званием “Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации”, высшей наградой Международной академии психологических наук “За заслуги в психологии”, Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации, Почетной грамотой Курской области, Почетной грамотой Курской областной Думы, Благодарностью Губернатора Курской области, знаком отличия Курской области “За труды и отчество”, знаком отличия КГУ “Знак Почета”. Дважды побеждал в Национальном конкурсе “Золотая Психея”.

Коллеги Алексея Сергеевича, ученики и друзья скорбят по невосполнимой утрате. Земля пухом!

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ, 2021, том 42, № 2, с. 144–144

* * *

ГРИНЧЕНКО ЮРИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ

16 января 2021 г. в возрасте 72 лет скоропостижно скончался Юрий Васильевич Гринченко, который работал со дня основания в Институте психологии АН СССР, затем ИП РАН, в лаборатории, руководимой его учителем В.Б. Швырковым и получившей после кончины Вячеслава Борисовича в 1994 г. его имя. Юрий Васильевич вносил неоценимый, уникальный вклад в формирование научно-методической базы и самой атмосферы лаборатории еще до ее официального образования в 1972 г., в то время, когда она существовала в составе школы П.К. Анохина в качестве неформального коллектива единомышленников и друзей, объединенных В.Б. Швырковым, а затем на всем протяжении существования лаборатории до настоящего момента.

С 1994 г. Юрий Васильевич преподавал анатомию и связанные с ней дисциплины в Государственном академическом университете гуманитарных наук (ГАУГН), затем в Московском государственном психолого-педагогическом университете (МГППУ), сохраняя высокий уровень требований к знаниям, заложенный во время обучения в Первом Московском медицинском институте им. И.М. Сеченова. Юрий Васильевич — автор многих уникальных методик, более 130 научных работ, патентов, учебной литературы (в частности, главы в учебнике для вузов “Психофизиология”), учитель и друг. Общий стаж его научно-педагогической работы — около 40 лет. Он преподавал в ряде столичных вузов, около четверти века — в ГАУГН и более 10 лет проработал в МГППУ, где занимал должность профессора факультета “Клиническая и специальная психология”. Хотя заинтересовать тематикой “Анатомия ЦНС — основы неврологии” очень непросто, студенты любили его лекции, помнили их. Область научных интересов Юрия Васильевича — нейрофизиологические основы поведения и психики. Основные изыскания проведены на экспериментальной базе Института психологии РАН. Юрий Васильевич был мастером нейрофизиологического эксперимента. Он одним из первых в СССР разработал методику регистрации импульсной активности нейронов у животных в свободном поведении. Обучил этому мастерству многих научных сотрудников и студентов.

Также он участвовал в работе ряда проектов, совместных с зарубежными учреждениями, в том числе: Институтом нейробиологии, г. Магдебург, Германия (проф. К. Рейман); Институтом психологии Венгерской АН, г. Будапешт (проф. Г. Кармош); Университетом г. Оулу, Финляндия (проф. Т. Ярвилехто).

Лаборатория психофизиологии им. В.Б. Швыркова, весь коллектив Института психологии РАН, коллеги по университетам и ученики Юрия Васильевича понесли невосполнимую утрату.

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

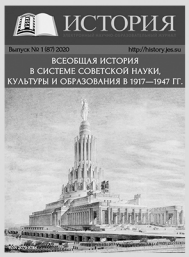
- **формирование учебно-методических комплексов**
- **развитие научной периодики**
- **внедрение новых стандартов научной коммуникации**

ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- **интеграция науки и образования**
- **модульный характер актуализации гуманитарного знания**
- **сетевое взаимодействие научных и методических центров**

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА



По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ФАКУЛЬТЕТ ПСИХОЛОГИИ

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ПСИХОЛОГИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

Психология

МАГИСТРАТУРА

Психология личности

Психологическое консультирование

АСПИРАНТУРА

Психология

Образовательные программы факультета психологии ГАУГН разработаны сотрудниками Института психологии РАН, которые составляют основу преподавательского состава факультета. Учебные курсы читаются ведущими учеными с большим опытом, а также специалистами из различных областей психологической практики.

В процесс обучения включены как медицинские предметы, так и курсы по психологии в различных сферах деятельности.

Помимо аудиторных занятий и выполнения самостоятельных работ студенты факультета психологии проходят спецкурсы специализации в активной форме: тренинги, мастерские, «разборы полетов» и супервизии.

Начиная со второго курса, студенты получают возможность заниматься научной деятельностью в любой лаборатории Института психологии РАН.

В процессе обучения будущие выпускники получают возможность принимать участие в многочисленных научных форумах и конференциях, организуемых Институтом психологии РАН, что позволяет с первых дней погрузиться в научную среду Университета.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).